

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 5 / 2018

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабидуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Ценности в праве: исторический обзор

- Калиш Д.Б.** Истоки формирования современной концепции закона во французском праве 3
- Гюлюмян В.Г.** О научном значении теории олицетворения Савиньи 7
- Богданова А.Р.** Ценностные ориентиры современного права в религиозном аспекте 12
- Белоусова К.А.** Опыт использования оценочных категорий в российском законодательстве дореволюционного периода 15
- Колошинская Н.В.** *Vae victis* (политико-правовое лицемерие воюющих держав по отношению к военнопленным в конце Первой мировой войны) 19

Суд и судопроизводство: из опыта истории

- Чушилкина А.Ф.** Закон об отмене Юрбева дня: состояние вопроса 27
- Журавлев Д.С.** Генезис уголовного законодательства Руси в допетровское время (IX–XVII вв.) 33
- Данилова Н.В.** Уголовно-правовая ответственность за недоносительство по политическим преступлениям в российском законодательстве и судебной практике (XVII–XVIII вв.) 37
- Жуков Г.К.** О некоторых вопросах привлечения к уголовной ответственности должностных лиц (по материалам Новгородской губернии) 41
- Сулейманова И.Е.** О правовой защите несовершеннолетних в послереволюционный период 44
- Смирнов В.Н.** Упрощенное производство дел о контрреволюционных преступлениях, 1934–1953 гг. 47
- Илюхина В.А., Помошкова Н.В.** Система мер пресечения в свете судебной реформы 1864 г. 52
- Журавлев А.А., Тарасов Н.И.** Уголовно-правовая охрана государственной власти в Российской империи (по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) 56

Право и правовая наука: исторические пересечения

- Ромашов Р.А.** Основания легитимации и факторы делигитимации российского права 60
- Апольский Е.А.** Государственно-правовые учения России XIX — начала XX в.: опыт монографического и периодического осмысления 65
- Ишков А.Ю.** Дискуссия в правовой науке средневековой Франции по поводу разработки Уголовного ордонанса 1670 г. 70
- Багиров И.Х.** Понятие и сущность правосознания 74

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 6,25. Усл. печ. л. 6,25.

Номер подписан в печать 27.04.2018.

Номер вышел в свет 30.05.2018.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 5 / 2018

Published in association with the Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences, professor;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the RF;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Values in Law: A Historical Review

- Kalish D.B.* The Origins of Forming
of the Modern Law Concept in the French Law 3
Gyulumyan V.G. On the Scientific Importance
of the Savigny's Personification Theory 7
Bogdanova A.R. Value-Based Milestones
of the Modern Law in a Religious Aspect..... 12
Belousova K.A. Experience of Assessment Category Usage
in the Russian Laws of the Pre-Revolutionary Period 15
Koloshinskaya N.V. Vae Victis (Political and Legal Hypocrisy
of Belligerent States in Respect of Prisoners
of War at the End of the First World War) 19

Court and Judicial Proceedings: From Historical Experience

- Chupilkina A.F.* The Law on Yuri's Day Cancellation:
the Issue Status..... 27
Zhuravlev D.S. Genesis of the Russian Criminal Laws
in the Pre-Peter the Great's Period (the IXth — XVIIth Centuries).... 33
Danilova N.V. Criminal Law Liability for the Failure
to Report Political Crimes in the Russian Laws and the Judicial
Practice (the XVIIth — XVIIIth Centuries) 37
Zhukov G.K. On Some Issues of Bringing Officials to Criminal
Liability (Based on the Files of the Novgorod Governorate) 41
Suleymanova I.E. On the Legal Protection of Minors
in the Post-Revolutionary Period..... 44
Smirnov V.N. Simplified Proceedings in Counter-Revolutionary
Crime Cases, 1934 to 1953..... 47
Ilyukhina V.A., Pomoschikova N.V. The System of Restrictive
Measures in View of the Judicial Reform of 1864..... 52
Zhuravlev A.L., Tarasov N.I. Criminal Law Protection
of Government in the Russian Empire (under the Code
of Criminal and Corrective Penalties of Russia of 1845)..... 56

Law and Legal Science: Historical Overlaps

- Romashov R.A.* Grounds for Legitimation
and Factors of Delegitimation of the Russian Law 60
Apolsky E.A. State and Legal Doctrines of Russia
of the XIXth — Early XXth Centuries: Experience
of Monographic and Periodic Comprehension..... 65
Ishkov A.Yu. Discussion in the Legal Science of Medieval France
on the Development of the Criminal Ordinance of 1670 70
Bagirov I.Kh. The Notion and Essence of Legal Consciousness..... 74

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 6,25.

Conventional printed sheet 6,25.

Passed for printing 27.04.2018.

Issue was published 30.05.2018.

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;

Catalogue of the Russian press — 10866;

United Catalogue — 85492 (for 6 months)

and on www.gazety.ru

Printed by "National Polygraphic Group".

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:

Publishing Group "Jurist".

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-3-6

Истоки формирования современной концепции закона во французском праве

Калиш Дарья Борисовна,
аспирант кафедры теории права и государства
Юридического института
Российского университета дружбы народов (РУДН)
kalish_db@rambler.ru

В статье рассматриваются исторические предпосылки формирования современной концепции закона во Франции как закона светского, равного для всех, призванного выразить общую волю и создаваемого народом для народа. Она начинает складываться в ходе Великой французской революции и противопоставление принципам королевского законодательства при Старом порядке.

Положения о законе как выражении общей воли народа и идеала справедливости нашли воплощение в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., которая и в настоящее время лежит в основе французского конституционного права. Отдельное внимание уделено принципу католических догматов, во многом определявшему законодательскую деятельность короля, и причинам провозглашения принципа светскости закона в современной Франции. Основополагающие подходы к пониманию закона, заложенные в эпоху Великой французской революции в процессе реализации идей Просвещения, несмотря на постоянное развитие концепции закона, продолжают оказывать влияние на правовую систему современной Франции.

Ключевые слова: Франция, закон, Старый порядок, Великая французская революция, Декларация прав человека и гражданина, принципы законодательства, общая воля.

The Origins of Forming of the Modern Law Concept in the French Law

Kalish Darya B.
Postgraduate Student of the Department of Theory of Law and State
of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR)

The article examines the historical background of the contemporary concept of legislative act formation in France as a secular and equal for all, which aims to express common will and by the people and for the people. The concept of legislative act is emerging during the French Revolution as opposed of the principles of the Royal law-making during the Ancien Régime.

The provisions about of legislative act as an expression of the common will of the people and as an ideal of justice embodied in the Declaration of the Rights of Man and of the Citizen of 1789 and which is now also the basis of French constitutional law. In addition, the article examines the role of the principle of Catholic dogmas that had also had a significant impact on the legislative activity of the king, as well as reasons for proclaiming the principle of secularism of legislative act in modern France. The fundamental principles and approaches concerning legislative act enshrined during the French Revolution in the process of implementing ideas of the Enlightenment continue to have an impact on legal system of modern France.

Keywords: France, legislative act, Ancien Régime, French Revolution, Declaration of the Rights of Man and of the Citizen, principles of the law-making process, common will.

Современная концепция закона во Франции обязана своим возникновением эпохе Просвещения и последовавшей Великой французской революции, приведшей к уничтожению в стране Старого порядка, включая правовую систему, существовавшую во времена абсолютной монархии. Большое влияние на формирование нового понимания закона оказали мыслители эпохи Просвещения, такие как Вольтер, Монтескье, Руссо и др., чьи идеи нашли отражение в Декларации прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г., одном из важнейших документов Великой французской революции и основе французского конституционного права.

Во времена Старого порядка законодательные функции принадлежали королю, который принимал новые законы и наделял обычаи, «незаметно установившиеся с взаимного согласия правителя и народа», силой закона¹. Законы, принимаемые монархом, не были свободны от противоречий, однако в то же время существовали определенные принципы законодательства, к которым, в частности, относился принцип незыблемости законов королевства. Так,

¹ Prieur L. L'Histoire de la justice sous l'Ancien Régime [Электронный ресурс] // URL: http://maurras.net/pdf/divers/Prieur_Histoire-justice.pdf (дата обращения: 15.02.2018).

Л. Приёр ссылается на «прекрасную концепцию королевского правосудия, нашедшую отклик в словах Людовика XIV, когда, высказываясь о незыблемости основополагающих законов королевства, которые ни один монарх не может изменить, он сказал, что „если однажды законы короля будут противоречить законам королевства, отныне и впредь судьям надлежит неповиноваться таким законам [законам королевства] под страхом наказания за непослушание“². А. Де Токвиль также отмечал, что на закате Старого режима, «несмотря на все еще существовавшие расхождения, государственное единство было уже заметно; его позволяет увидеть единообразии законодательства». В течение XVIII в. «возрастает количество указов, деклараций короля, постановлений [королевского] совета, которые устанавливали одинаковые правила поведения» — эта идея прослеживается в проектах реформы, сменявших друг друга еще за тридцать лет до Революции³.

Еще одним принципом, лежавшим в основе законотворческой деятельности монарха при Старом режиме, был принцип общего блага (*bien public*), из которого «наследственная монархия вела свое начало и черпала смысл существования»⁴. Данный принцип очень близок к концепции публичного интереса, несмотря на то, что современное понятие публичного интереса как категории публичного права зародилось в XVIII в. Например, Ф. Сен Бонне приходит к выводу, что с конца Средневековья аналогичную «юридическую функцию» выполняло понятие «общей выгоды» (*commun profit*). «Общая выгода», во-первых, служила обоснованием законодательной власти, принадлежавшей королю, во-вторых, была «критерием цивилизованности» (*critère de civilité*) издаваемых монархом законов, в-третьих, являлась причиной множественности разногласий между королем и судами⁵.

Существенное влияние на законотворческую деятельность монарха оказывало каноническое право, и одним из принципов Старого режима называют принцип католических догматов (*principe de catholicité*). Ф. Портье писал, что в «католическом порядке монарх получал государственные регалии от самого Бога»; это не избавляло его от обязательств, напротив, на монарха возлагалась «миссия подчинить существование своих подданных предписаниям

вечного права»⁶. При Старом режиме церковь выполняла функции социального института, объединявшего население Франции и позволявшего обеспечить единообразие правового регулирования на территории всего государства в том, что касалось гражданского состояния, контроля за образованием и «косвенного установления этико-правовых норм, на которых основывалась общественная жизнь королевства; государственное право — имеется в виду законодательство, касающееся семьи и религии — заимствовало у канонического права большую часть своих положений»⁷.

Данные принципы тем не менее не гарантировали универсальности законов: во-первых, определенные группы населения пользовались большими привилегиями, поскольку интересы аристократии преобладали над интересами иных социальных групп. Во-вторых, в монархической Франции никогда не было конституции ни в формальном, ни в материальном смысле: существовали лишь некоторые принципы, относящиеся к «законам королевства» (*lois du royaume*) или «основополагающим законам» (*lois fondamentales*), которые устанавливали порядок наследования престола и сферу королевской власти⁸. В-третьих, регулирование общественных отношений в различных провинциях могло различаться, несмотря на объединяющую роль католической церкви и попытки унифицирования законодательства во второй половине XVIII в. Целью Великой французской революции было свержение монархии и уничтожение всего того, что составляло Старый порядок, и эта идея коренного переустройства общественной жизни не обошла стороной и существовавшую концепцию закона.

Просветители противились пониманию закона как приказа суверена, наделенного неограниченной волей. Так, Вольтер противопоставлял естественные и позитивные законы, отмечая, что «существуют естественные законы, с которыми люди всего мира должны быть согласны, вопреки тем законам, что у них есть»⁹. Естественные законы обладают всеобщим характером и несут в себе общие идеалы справедливости. Схожей точки зрения придерживался Ш.Л. Монтескье, согласно которому законы «в самом широком значении этого сло-

² Ibid.

³ Tocqueville de A. L'ancien régime et la révolution. Paris : Les Éditions Gallimard, 1952. P. 96–97.

⁴ Prieur L. Op. cit.

⁵ Saint Bonnet F. L'intérêt général dans l'Ancien Droit Constitutionnel // L'intérêt général, norme constitutionnelle / dir. par B. Mathieu et M. Verpeaux. Paris : Dalloz, 2007. P. 14.

⁶ Portier P. L'Église catholique face au modèle français de laïcité // Archives de sciences sociales des religions. 2005. No. 129. P. 117.

⁷ Ibid. P. 118.

⁸ Gojosso E. Le contrôle de constitutionnalité des lois dans la France de l'Ancien Régime. Rechtsgeschichtliche Vorträge // Lectures sur l'histoire juridique. Budapest, 2010. No. 61. P. 4.

⁹ Вольтер. Философские сочинения. М. : Наука, 1988. С. 269.

ва суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека»¹⁰, при этом законы представляют собой отношения, существующие между «первоначальным разумом» и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ¹¹. Несмотря на то что отдельные разумные существа могут сами принимать законы, отношения справедливости предшествуют установившему их позитивному закону¹². Отрицание монарха в качестве единоличного творца законов наиболее четко прослеживается в высказываниях Ж.-Ж. Руссо, который полагал, что «так как в законе соединяется общность воли с общностью предмета, то произвольное приказание человека, кем бы он ни был, не есть закон, даже приказание суверена по частному поводу не закон, а декрет, не акт верховной власти, а акт должностного лица», в то время как «народ, подчиненный закону, должен сам его вырабатывать»¹³.

В свою очередь, народ, призванный создавать законы в государстве, должен воплощать в себе общую волю, поскольку «только общая воля может руководить силами государства, согласно цели его учреждения, которая заключается в общем благе»¹⁴. Данная идея была закреплена в ст. 6 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., которая понимает закон как выражение общей воли. Согласно такому подходу, закон имеет в том числе и символическое значение: он выступает в качестве идеала справедливости в обществе и должен устанавливать правила поведения, приемлемые с точки зрения публичного интереса. В современной французской доктрине публичный интерес не рассматривается как совокупность частных интересов определенных групп населения. Считается, что частные интересы могут лишь питать публичный интерес, который стоит выше интересов любого отдельно взятого индивида и воплощает волю объединения граждан. Так, Ж. Шевалье указывает, что публичный интерес выступает в качестве «основополагающего принципа легитимации власти в современных обществах:

любая власть является носителем интереса, который стоит выше и выходит за рамки частных интересов членов общества»¹⁵.

Еще одним важным элементом содержания ст. 6 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. является закрепление права всех граждан на равных основаниях лично или через своих представителей принимать участие в создании законов. Согласно современной французской правовой доктрине кроме случаев, когда общая воля народа может быть выражена непосредственно, в рамках референдума, общую волю призваны выражать народные представители, которыми являются депутаты Парламента, и именно Парламенту принадлежат законотворческие полномочия. Отрицание привилегий отдельных социальных групп и провозглашение равенства всех граждан перед законом и судом также нашло отражение в ст. 6 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Помимо этого, принцип равенства перед законом содержится в национальном девизе Французской Республики «Свобода, равенство, братство», в преамбуле и в ст. 1 Конституции Франции от 4 октября 1958 г.

В противоположность устоям Старого порядка, закон также предлагалось очистить от влияния религии. А. Де Токвиль полагал, что философские воззрения XVIII в. являлись одной из основных причин Революции, причем эти воззрения были в высшей степени нерелигиозны¹⁶. Он провозглашал новые принципы, на которых должны были зиждиться общество, государство и право: естественное равенство людей, отмена всех сословных привилегий, народовластие, единообразие правил поведения. Данные идеи не только лежали в основе Революции, но и нашли отражение в основополагающих памятниках права, сохранивших свое значение и в настоящее время. Многие философы XVIII в. яростно атаковали церковь, они критиковали духовенство, церковную иерархию, религиозные догмы и хотели пошатнуть основы христианства, «не потому что священнослужители намеревались регулировать» отношения, принадлежащие к миру светскому, «но потому что они являлись собственниками, властелинами, сборщиками десятины», «не потому что церковь не могла иметь места в новом обществе, которое должно было быть создано, но потому что она имела наиболее привилегированный и наиболее устойчивый статус в старорежимном обществе, которое необходимо

¹⁰ Монтескье Ш.А. О Духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 11.

¹¹ Монтескье Ш.А. Избранные произведения: в 2 т. / под ред. М.П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 163.

¹² Там же. С. 164.

¹³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Начала политического права. М.: Труд и воля, 1906. С. 61.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Chevallier J. Intérêt Général [Электронный ресурс] // URL: <http://www.participation-et-democratie.fr/es/dico/interet-general> (дата обращения: 15.02.2018).

¹⁶ Tocqueville de A. Op. cit. P. 37.

было уничтожить»¹⁷. Принцип свободы вероисповедания нашел закрепление в ст. 10 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., согласно которой «никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом». Однако идеи секуляризации получили дальнейшее развитие лишь с принятием Закона о разделении церкви и государства от 9 декабря 1905 г.¹⁸, согласно которому Французская Республика не только признавала свободу вероисповедания (ст. 1) — принцип, ранее зафиксированный в Декларации прав человека и гражданина, но и более не признавала в

качестве государственных, не оплачивала и не субсидировала церкви (ст. 2). В Конституции Франции от 4 октября 1958 г. светский характер государства провозглашается в ст. 1.

Несмотря на то что после Великой французской революции в стране продолжали происходить государственные перевороты (Июльская революция 1830 г., Февральская революция 1848 г. и, наконец, Сентябрьская революция 1870 г., в результате которой монархия была окончательно ликвидирована), идеи, возникшие в эпоху Просвещения и лежавшие в основе Великой французской революции, продолжают оказывать влияние на современную правовую систему Франции. Концепция светского закона, равного для всех, призванного выражать общую волю и создаваемого народом для народа (непосредственно на референдуме или через народных представителей), сложившаяся в конце XVIII в., сохраняется и по сей день.

¹⁷ Ibid. P. 38.

¹⁸ Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l'Etat [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT00000508749> (дата обращения: 25.02.2018).

Литература

1. Вольтер. Философские сочинения / Вольтер ; пер. с фр. С.Я. Шейнман-Топштейн ; отв. ред. В.Н. Кузнецов. М. : Наука, 1988. 750 с.
2. Монтескье Ш.А. Избранные произведения : в 2 т. / Ш.А. Монтескье ; под ред. М.П. Баскина. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 1. 803 с.
3. Монтескье Ш.А. О Духе законов / Ш.А. Монтескье. М. : Мысль, 1999. 674 с.
4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Начала политического права / Ж.-Ж. Руссо. М. : Труд и воля, 1906. 208 с.
5. Chevallier J. Intérêt Général / J. Chevallier [Электронный ресурс] // URL: <http://www.participation-et-democratie.fr/es/dico/interet-general> (дата обращения: 15.02.2018).
6. Gojoso E. Le contrôle de constitutionnalité des lois dans la France de l'Ancien Régime: Rechtsgeschichtliche Vorträge / E. Gojoso // Lectures sur l'histoire juridique. Budapest, 2010. No. 61. 21 p.
7. Portier P. L'Église catholique face au modèle français de laïcité / P. Portier // Archives de sciences sociales des religions. 2005. No. 129. P. 117–134.
8. Prieur L. L'Histoire de la justice sous l'Ancien Régime / L. Prieur [Электронный ресурс] // URL: http://maurras.net/pdf/divers/Prieur_Histoire-justice.pdf (дата обращения: 15.02.2018).
9. Saint Bonnet F. L'intérêt general dans l'Ancien Droit Constitutionnel / F. Saint Bonnet // L'intérêt général, norme constitutionnelle ; dir. par B. Mathieu et M. Verpeaux. Paris : Dalloz, 2007. P. 9–21.
10. Tocqueville de A. L'ancien régime et la revolution / A. Tocqueville de. Paris : Les Éditions Gallimard, 1952. 378 p.

References

1. Voltaire. Filosofskie sochineniya ; per. s fr. S.Ya. Sheynman-Topshteyn ; otv. red. V.N. Kuznetsov [Philosophical Works ; translated from French by S.Ya. Sheynman-Topshteyn ; publishing editor V.N. Kuznetsov] / Voltaire. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1988. 750 s.
2. Montesquieu C.-L. Izbranny'e proizvedeniya : v 2 t. ; pod red. M.P. Baskina [Selected Works : in 2 vol. ; edited by M.P. Baskin] / C.-L. Montesquieu. Moskva : Gospolitizdat — Moscow : State Publishing House of Political Literature, 1955. T. 1. 803 s.
3. Montesquieu C.-L. O Dukhe zakonov [The Spirit of the Laws] / C.-L. Montesquieu. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1999. 674 s.
4. Rousseau J.-J. Ob obschestvennom dogovore, ili Nachala politicheskogo prava [The Social Contract, or Principles of Political Right] / J.-J. Rousseau. Moskva : Trud i volya — Moscow : Labor and Will, 1906. 208 s.
5. Chevallier J. Intérêt Général / J. Chevallier [Elektronnyy resurs — Electronic source] // URL: <http://www.participation-et-democratie.fr/es/dico/interet-general> (data obrascheniya : 15.02.2018 — accessed : February 15, 2018).
6. Gojoso E. Le contrôle de constitutionnalité des lois dans la France de l'Ancien Régime: Rechtsgeschichtliche Vorträge / E. Gojoso // Lectures sur l'histoire juridique. Budapest, 2010. № 61. 21 s.
7. Portier P. L'Église catholique face au modèle français de laïcité / P. Portier // Archives de sciences sociales des religions. 2005. № 129. S. 117–134.
8. Prieur L. L'Histoire de la justice sous l'Ancien Régime / L. Prieur [Elektronnyy resurs — Electronic source] // URL: http://maurras.net/pdf/divers/Prieur_Histoire-justice.pdf (data obrascheniya : 15.02.2018 — accessed : February 15, 2018).
9. Saint Bonnet F. L'intérêt general dans l'Ancien Droit Constitutionnel / F. Saint Bonnet // L'intérêt général, norme constitutionnelle ; dir. par B. Mathieu et M. Verpeaux. Paris : Dalloz, 2007. S. 9–21.
10. Tocqueville de A. L'ancien régime et la revolution / A. Tocqueville de. Paris : Les Éditions Gallimard, 1952. 378 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-7-11

О научном значении теории олицетворения Савиньи

Гюлумян Владимир Григорьевич,
 ведущий советник Управления конституционных основ
 публичного права Секретариата Конституционного
 Суда Российской Федерации,
 кандидат юридических наук
 gyulumian@mail.ru

В статье рассматриваются особенности научного метода Савиньи и основные положения его теории олицетворения. Высоко оценивается значение данной теории для прогресса юридической мысли и формирования догматических основ современной российской цивилистической науки. Обращается внимание на допущенные ученым методологические ошибки и неудовлетворительное решение задачи обоснования дееспособности юридического лица.

Ключевые слова: юридическое лицо, теория олицетворения, римское право, научный метод, индукция, аналогия, фикция.

On the Scientific Importance of the Savigny's Personification Theory

Gyulumyan Vladimir G.
 Principal Adviser of the Office of Constitutional Framework of Public Law
 of the Registry of the Constitutional Court of the Russian Federation
 Candidate of Legal Sciences

Features of a scientific method of Savigny and basic provisions of his theory of personification are considered. The value of this theory for progress of law and formation of dogmatic fundamentals of modern Russian civil law science is highly appreciated. The attention to the methodological mistakes made by the scientist and the unsatisfactory solution of a problem of justification of capacity of the legal entity is paid.

Keywords: legal entity, theory of personification, Roman Law, scientific method, induction, analogy, fiction.

Теория олицетворения Савиньи многими исследователями признается в качестве первой цельной теории юридического лица. Хотя появлению данной теории предшествовали тысячелетия научных поисков и сформировавшиеся представления о субъектах права и правовых институтах, ее значение в прогрессе правовой мысли трудно переоценить. В одном из первых российских исследований, посвященных развитию представлений о юридическом лице, история юридической мысли по данному вопросу разделена на время до Савиньи, берущее свое начало в древнегреческой философии, и теории, начиная с Савиньи¹. За прошедшие столетия бурного развития учений о юридическом лице ни одна теория не стала новой точкой отсчета в хронологии развития представлений о данном правовом феномене. Несмотря на жесткую критику и серьезные попытки предложить альтернативные взгляды на природу юридического лица, основания теории олице-

творения Савиньи в целом остались непоколебимыми и оказали свое значительное влияние на развитие юридической науки, законодательства и правоприменительной практики.

Один из основных факторов такого научного успеха, остающийся до конца непонятым в массовом юридическом сознании, заключается в научном методе, примененном в исследовании Савиньи. Юридическая наука тех времен как часть общего научного познания подвергалась воздействию протекающих современных ей научных процессов. Первая половина XIX в., на которую приходится разработка теории олицетворения, была периодом бурного развития научной мысли в различных областях знаний. Такое развитие было обеспечено применением индуктивного метода, выявившегося в прикладных исследованиях ученых-естествоиспытателей, а затем получившего свое системное обоснование в качестве универсального способа познания наряду с дедуктивным методом².

¹ Герваген Л. А. Развитие учения о юридическом лице. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1888.

² Миль Дж. Ст. Система логики силлогической и индуктивной: изложение принципов доказательств в связи с методами научного исследования / пер.

К этому времени максимы античной цивилизации, основанные на опыте древних народов, давно перестали быть для европейцев источником новых знаний, как прежде дедуктивно выводимых из абстрактных утверждений. На первый план стал выходить собственный опыт, его изучение, интерпретация и выведение из него новых знаний, правил и законов. Школа Савиньи находилась в этом общенаучном тренде доминирования индуктивного метода, поскольку провозглашенный в ней исторический подход в исследовании права был не чем иным, как проявлением индукции, адаптированной к предмету исследования.

Другое важное условие успешности рассматриваемой теории следует связывать с определенным в качестве предмета исследования римским частным правом³. В отличие от римского публичного права, утратившего свое значение много веков назад и не представляющего собой актуальной юридической ценности, развитие римского частного права никогда не прерывалось, а потому являлось богатым источником научного познания. Как отмечал Пухта: «Римскому праву была предначертана двоякая жизнь: одна у того народа, именем которого оно называется, другая — у новых народов за пределами тех веков, в течение которых существовало древнеримское государство»⁴. Восприятие и непрерывное существование римского частного права у различных европейских народов придало ему универсальное значение, отсюда и научное его смысловое автоматически приобретало в юриспруденции общенаучное значение. Соответственно, теория олицетворения, разработанная на данном материале с применением передового научного метода, не могла оставаться исключительно национальной теорией.

Главная заслуга данной теории заключается в убедительном обосновании необходимости признания правопорядком в качестве субъекта частноправовых отношений, наряду с человеком, юридического лица. При этом основанием для такого признания, по мнению Савиньи, является *предположение* о его способности к имущественным правам⁵. По этому ключевому моменту данное учение получило свое второе название — теория фикции. И надо заметить, что это название значитель-

ным образом исказило массовое восприятие данной теории.

Еще со времен Бартола (XIV в.) и его последователей, которые все затруднения, связанные с объяснением природы юридического лица, решали с помощью вымысла⁶, фикция применительно к данному вопросу стала рассматриваться как юридический прием признания существования того, чего в действительности нет⁷. Такое понимание, безусловно, подрывало познавательное значение фикции, с помощью которой произвольные утверждения переводились в разряд юридической истины. В то же время относительно других вопросов фикция продолжала рассматриваться и применяться как обоснованное предположение, вероятно достоверное знание.

Так, фикция отождествления в юридических целях внутриутробного ребенка с уже родившимся⁸ основана на полученных опытным путем знаниях о том, что во всех известных случаях дети, находящиеся в утробе матери, рождаются; при этом с высокой долей вероятности они рождаются живыми. Соответственно, применяя аналогию, можно обоснованно предполагать, что при обычном развитии событий ребенок родится живым. Точно так же фикция объявления человека умершим при отсутствии достоверных доказательств его смерти основана на обстоятельствах, свидетельствующих об этом: отсутствие сведений о месте его пребывания в течение пяти лет; а если он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, — в течение шести месяцев (п. 1 ст. 45 ГК РФ)⁹. Наличие таких обстоятельств наводит на предположение о том, что человек в подобной (аналогичной) ситуации, вероятно, перестал бы существовать, и это обоснованное предположение (фикция) кладется в основу решения об объявлении его умершим. При этом обратная данному случаю фикция — объявление умершего (трупа) живым (ожившим) — недопустима, поскольку из жизненного опыта также индуктивно выводится вероятная невозможность воскрешения; во всех аналогичных ситуациях никто не оживал (обстоятельства, описанные в рели-

⁶ Герваген А.А. Указ. соч. С. 21–24.

⁷ См. подр.: Пяткин В.Н. Понятие и роль правовых фикций в праве Древнего Рима // История государства и права. 2014. № 7. С. 33–37; Танимов О.В. Юридические фикции в Средневековье // История государства и права. 2013. № 22. С. 43–47.

⁸ Савиньи Ф.К. Указ. соч. Т. II. С. 11–12.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

с англ. под ред. В.Н. Ивановского. М.: ЛЕНАНД, 2011.

³ Савиньи Ф.К. Система современного римского права. М.: Статут, 2011–2012. Т. I. С. 274–275; Т. II. С. 132–133.

⁴ Пухта Г.Ф. Курс Римского Гражданского Права. М.: Типография «Соврем. Изв.», 1874. Т. I. С. 1.

⁵ Савиньи Ф.К. Указ. соч. Т. II. С. 134.

гиозных источниках, не являются аналогичными).

Для Савиньи, который прямо указывает на все случаи применения фикции в своем учении о юридическом лице, данный прием является не вымыслом, а предположением, основанным на опыте и аналогии с известными фактами. В этом смысле современное массовое юридическое сознание, воспринимающее фикцию в качестве приема, переводящего несуществующие явления и факты в придуманный мир юридической действительности, ошибочно относит теорию олицетворения к группе составленных таким образом фикционных теорий юридического лица.

Идея о юридическом лице как об искусственно предположенном субъекте, способном к имущественным правам, основана на многовековом опыте развития римского права и нескольких аналогиях, основанных на этом опыте. Во-первых, потребность в имуществе, возможность его приобретения и подсудность Римскому государству зависимых общин (муниципий и колоний)¹⁰ в общих чертах совпадали с материальной основой признаваемой римским частным правом естественной способности человека к имущественным правам¹¹, а значит, при наличии таких же условий правоспособность в частноправовых отношениях признавалась и за общинами, которым тоже присуще естественное существование¹². Отсюда способность к имущественным правам не является неразрывным и исключительным свойством человека. Во-вторых, с давних времен наряду с естественными общинами существовали искусственные учреждения и корпорации, а также объединения, занимающие среднее положение между двумя противоположными видами юридических лиц (цеха ремесленников и прочие гильдии)¹³. Соответственно, если естественные общины могут иметь способность к имущественным правам, то возможно предположить, что такая способность может быть признана и за искусственными учреждениями и обществами. При этом отсутствие естественного подтверждения правоспособности у искусственных субъектов может быть заменено только волей высшей власти¹⁴. Тем самым невозможность проведения полной аналогии между естественными и искусственными субъектами компенсируется разрешением государства, которое не является

произвольным, а представляет собой проявление в социальной сфере предельно возможной объективности. Таким образом, достигается обоснованное предположение о том, что искусственно созданным учреждениям и корпорациям может быть присуща способность к имущественным правам. Безусловно, можно было бы привести более убедительную аргументацию признания правосубъектности юридических лиц, например, основанную на детальном исследовании признаков и свойств естественных и искусственных объединений с учетом не только римского опыта, но и опыта иных народов, с более четким выделением на историческом материале свойств, сочетание которых при искусственном конструировании юридического лица свидетельствовало бы о его способности к имущественным правам. Однако такие исследования были бы необходимы для обоснования допустимости произвольного создания юридических лиц, в то время как теория Савиньи в этом месте приобретала цельность простым признанием решающей роли верховной власти.

Доводы ученого были вполне достаточны для признания правоспособности юридического лица, а опыт последних двух столетий подтверждает правильность его обоснованных предположений на этот счет. Вместе с тем ему необходимо было решить и вопрос о способности искусственного субъекта самостоятельно реализовать свои права, поскольку ясно, что имущественные права приобретаются и осуществляются посредством действий самого субъекта права. «Однако действия предполагают мыслящее и желающее существо — отдельного человека, кем юридические лица как раз не являются...»¹⁵. В этом месте, как отмечает Савиньи, обнаруживается внутреннее противоречие субъекта, способного к имущественным правам, который все же не может выполнить условия для их приобретения¹⁶. Решение данного противоречия является главной задачей любой теории юридического лица. Учения, избегающие этого либо заменяющие решение вымыслом, не отвечают требованиям научности.

Аргументы Савиньи, отвергающие известные еще в его время тезисы о волееспособности самого юридического лица, выглядят весьма актуально и современно с учетом того, что соответствующие тезисы примерно в том же духе звучали как в рамках отдельных теорий реального субъекта, так и в советских доктринах юридического лица. Так, ученый отмечает, что некоторые полагают, будто кол-

¹⁰ Савиньи Ф.К. Указ. соч. Т. II. С. 138.

¹¹ Там же. Т. II. С. 154.

¹² Там же. Т. II. С. 135.

¹³ Там же. Т. II. С. 135–136.

¹⁴ Там же. Т. II. С. 153–155.

¹⁵ Там же. Т. II. С. 157.

¹⁶ Там же. Т. II. С. 157.

лективное действие всех отдельных членов корпорации представляет собой действие самой корпорации, а суррогат нужен лишь из-за большой трудности объединения всех членов для общего волеизъявления и действия; в действительности же полнота членов отличается от самой корпорации, и даже когда все отдельные ее члены действуют сообща, то это не означает, будто действует юридическое лицо¹⁷. Тем самым он не соглашается с отождествлением действий физических лиц — членов юридического лица с действиями самого юридического лица. В условиях отсутствия приемлемого обоснования такого отождествления с позицией ученого можно было бы согласиться. Но что же он предлагает взамен?

Савиньи отмечает, что выявленное им противоречие встречается у несовершеннолетних и сумасшедших, потому что они обладают самой широкой правоспособностью наряду с полной недееспособностью; поэтому повсюду, где встречается это противоречие, его необходимо разрешать посредством «представительства» как искусственного института: у недееспособных физических лиц это осуществляется посредством опеки, а у юридических лиц — посредством их устава¹⁸. К такому выводу ученый пришел посредством применения приема аналогии, найдя сходство юридических лиц и несовершеннолетних или безумных людей в их правоспособности и полной недееспособности. Между тем, как было показано ранее, в учении Савиньи способность искусственного субъекта к имущественным правам выводится из такой же способности естественных субъектов — зависимых общин, а не непосредственно из правоспособности человека. Если бы ученый выводил правоспособность юридического лица непосредственно из правоспособности человека, то такое учение было бы ошибочным изначально ввиду невозможности такой аналогии по причине явных различий в природе человека и искусственного субъекта. По этой же причине примененная им аналогия по вопросу дееспособности юридического лица является недопустимой, поскольку приводит к беспочвенным и необоснованным утверждениям — вымыслу¹⁹. В этом месте, применяя аналогию, Савиньи упустил одно существенное звено — дееспособность естественных об-

щин, которую необходимо было выводить тем же путем из дееспособности человека. Только после этого можно было бы перейти к обоснованию дееспособности искусственных субъектов.

В рамках методологии исторической школы такой путь означал бы необходимость полного изучения естественных общин, бытие которых в большей степени было связано с публичным правом. Соответственно, дальнейший поиск следовало связывать с выходом за пределы римского частного права и переходом к публичному праву. Далее полученные результаты могли бы быть по аналогии предположены и по отношению к искусственным субъектам, если бы соответствующие для этого основания были бы выявлены после такого же полного исследования искусственных учреждений и корпораций. Это, в свою очередь, означало бы изменение заявленного предмета исследования в виде римского частного права, а следовательно, должно было привести к полному пересмотру учения о юридическом лице²⁰.

Савиньи же предпочел признать недееспособность юридического лица и этим сделал уязвимыми научные основы весьма искусно обоснованной в первой части своей теории способности юридических лиц к имущественным правам. Его предположение о том, что отсутствие дееспособности может быть компенсировано искусственным институтом представительства, было выдвинуто с нарушением правил индуктивного метода и основывалось на ошибочной аналогии. Тем самым цель обоснования правосубъектности искусственных образований с позиции применяемого автором научного метода из-за допущенных им ошибок не была достигнута, а теория олицетворения на поверку оказалась вымышленным учением. Вместе с тем убедительности этого вымысла было достаточно, чтобы данная теория в юридической среде получила широкое признание. И сегодня в российской цивилистической науке основные положения теории олицетворения Савиньи являются базовыми догматами учения о юридических лицах: юридическое лицо — искусственный субъект частного права, дееспособность которого осуществляется через институт представительства.

Кроме того, научная ценность теории олицетворения Савиньи заключалась еще и в том, что ее положения сами наводили на антитезисы и указывали на возможные перспективные направления дальнейших исследований: ис-

¹⁷ Там же. Т. II. С. 157.

¹⁸ Там же. Т. II. С. 157–158.

¹⁹ Еще раз обратим внимание на недопустимость отождествления вымысла и фикции. Вымысел — это необоснованное, ложное утверждение, в то время как фикция — утверждение обоснованное, вероятно достоверное знание, не установленная в полной мере истина.

²⁰ Следует отметить, что по такому пути шли германисты — представители теории реального субъекта.

следование национального опыта, выявление и обоснование существенных признаков юридического лица, возможности учреждения и упразднения юридического лица помимо воли государства, доказывание собственной воле-способности и дееспособности юридического

лица и т.д. Тем самым рассматриваемая теория спровоцировала плодотворные научные исследования природы юридического лица, обогатившие юридическую науку и приблизившие ее к пониманию и правильному объяснению этого феномена.

Литература

1. Герваген Л.Л. Развитие учения о юридическом лице / Л.Л. Герваген. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1888. 107 с.
2. Милль Дж. Ст. Система логики силлогической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Дж. Ст. Милль ; под ред. В.Н. Ивановского. М. : ЛЕНАНД, 2011. 832 с.
3. Пухта Г.Ф. Курс Римского Гражданского Права / Г.Ф. Пухта ; пер. с послед. нем. изд. проф. Рудорффа ; изд. Ф.Н. Плевако. М. : Типография «Соврем. Изв.», 1874. Т. I. 550 с.
4. Пяткин В.Н. Понятие и роль правовых фикций в праве Древнего Рима / В.Н. Пяткин // История государства и права. 2014. № 7. С. 33–37.
5. Савиньи Ф.К. Система современного римского права / Ф.К. Савиньи. М. : Статут, 2011–2012. Т. I. 510 с. ; Т. II. 573 с.
6. Танимов О.В. Юридические фикции в Средневековье / О.В. Танимов // История государства и права. 2013. № 22. С. 43–47.

References

1. Gervagen L.L. Razvitie ucheniya o yuridicheskom litse [Development of the Legal Entity Doctrine] / L.L. Gervagen. Sankt-Peterburg : Tipografiya I.N. Skorokhodova — Saint Petersburg : I.N. Skorokhodov's printing office, 1888. 107 s.
2. Mill J.S. Sistema logiki sillogicheskoy i induktivnoy: izlozhenie printsipov dokazatelstva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya ; pod red. V.N. Ivanovskogo [A System of Logic, Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation ; edited by V.N. Ivanovsky] / J.S. Mill. Moskva : LENAND — Moscow : LENAND, 2011. 832 s.
3. Puchta G.F. Kurs Rimskogo Grazhdanskogo Prava ; per. s posled. nem. izd. prof. Rudorffa ; izd. F.N. Plevako [A Course of Roman Civil Law ; translation of the latest German issue of Professor Rudorff ; published by F.N. Plevako] / G.F. Puchta. Moskva : Tipografiya «Sovrem. Izv.» — Moscow : Recent News printing office, 1874. T. I. 550 s.
4. Pyatkin V.N. Ponyatie i rol pravovy'kh fiktsiy v prave Drevnego Rima [The Notion and Role of Legal Fictions in the Law of Ancient Rome] / V.N. Pyatkin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2014. № 7. S. 33–37.
5. Savigny F.K. Sistema sovremennogo rimskogo prava [The System of the Modern Roman Law] / F.K. Savigny. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2011–2012. T. I. 510 s. ; T. II. 573 s.
6. Tanimov O.V. Yuridicheskie fiktsii v Srednevekovye [Legal Fictions in the Middle Ages] / O.V. Tanimov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 22. S. 43–47.

Ценностные ориентиры современного права в религиозном аспекте

*Богданова Анна Романовна,
юрист Церкви святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба,
студент 6 курса юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета
bogdanovaar@gmail.com*

В статье проводится анализ текущего состояния ценностей в современном праве, направлений политики в области внедрения международных ценностей в национальную правовую систему, унификации международных норм. Рассматривается идеологическая конфронтация, приводящая к перспективе более обширного сотрудничества религиозных организаций и государственных органов при обсуждении проектов законов. Анализируются соотношение государственной власти во взаимодействии с религией и государственной власти вне религии, невозможность следования лишь современным тенденциям международного права, недопущение господствующей мировой единой нравственной идеологии в законодательствах всех стран. Сопоставляется тенденция к демократизации и теократии и их успешность в правовой системе. Проводится попытка обосновать неотчуждаемость права и религии как двух сопутствующих в достижении общих целей институтов.

Ключевые слова: теократия, нравственность, свобода, популизм, многокультурность.

Value-Based Milestones of the Modern Law in a Religious Aspect

Bogdanova Anna R.

*Lawyer of the Church of the Holy Martyrs Blessed Princes Boris and Gleb
6th Year Student of the Law Faculty of the Kazan (Volga Region) Federal University*

The article analyzes the current state of values in modern law, the direction of policy in the field of the introduction of international values in the national legal system, the unification of international laws. An ideological confrontation is being considered, and prospects for a broader cooperation of religious organizations and state bodies are given in the discussion of draft laws. The correlation of state power in interaction with religion and state power outside religion is analyzed, that it is impossible to follow only modern tendencies of international law, to prevent the prevailing world unified moral ideology in the legislation of all countries. The tendency towards democratization and theocracy, and their successful realization in legal system, is compared. An attempt to justify the inalienability of law and religion, as two companions in achieving common goals of institutions.

Keywords: theocracy, morality, freedom, populism, multiculturalism.

Ценностные ориентиры современного права представляют собой комплекс как материальных ценностей, результатов глобализации, влияния иностранных культур в процессе взаимоотношений, стремления к обособленности отдельных государств наравне со стремлениями к унификации законов государств друг с другом. Данное явление находит отражение и в количестве заключаемых соглашений между государствами, их возрастающем числе, господстве международных организаций и их довлеющем влиянии на правовые системы государств-членов. Двойственные противоположные течения: разрастающееся влияние гуманизма, свободомыслия, в неузких рамках традиционализма и религиозности, бесконечная борьба за преимущество на рынке

экономики и господство в мире, так же, как и обширное распространение религиозности, в особенности ислама. Следуя теории о безысходности исторических периодов, человечество стремится к ожиданию нового и постоянно стремится к нему. Однообразие, особенно в государственном устройстве, вынуждает людей критиковать власть и государственное устройство. Традиционное религиозное мировоззрение не позволяет подобного, оно позволяет уважать власть и членов общества. Гуманизм же диктует индивидуальное отношение друг другу. Теократия — один из главных инструментов, сдерживающих проявления негативных последствий свободомыслия. В Конституции РФ закреплены преимущественно западные идеалы ценности рыночной эко-

номики, общества потребления и правового государства¹. Если структуры церковной власти не вызывают доверия у общества, в этом виновата в том числе и государственная власть. Навязывание религии, безусловно, недопустимо, как и невозможно сделать человека верующим без его воли и согласия. Но именно поэтапное сотрудничество, совместное обсуждение проблем без существенного обесценивания авторитета церкви, постепенное вливание религиозных ценностей в право без цели навязывания религии, а лишь с целью насаждения духовно-нравственных начал для укрепления института семьи, развития многокультурного толерантного общества, веротерпимости позволяют начать менять закрепившееся антирелигиозное демократическое мировоззрение. Как никогда, вопрос о религиозности тех или иных обществ, стран и их влияния на формирование правосознания общества, исследование самого содержания понятия блага встает острее на рубеже слияния культур, их экспансии. Возвращаясь к истокам возникновения государства и права, прослеживается тесная связь религии и государства. Не на всех этапах исторического развития мы можем наблюдать положительное влияние религии на государство, что большей частью обусловлено использованием религии отдельными политическими личностями сугубо в своих целях. Религия, будучи элементом духовной сферы, немаловажна вне правовой сферы и является важной составляющей правосознания современного россиянина, выступая как религиозное правосознание². Однако в связи с антирелигиозным воспитанием послереволюционных поколений, европеизацией права, либерализацией, ориентированностью общества на материальные ценности российское право потеряло былую одухотворенность. Наше общество свободно ходит как в храмы и мечети, так и занимается буддистской йогой в фитнес-центрах. Столь несочетаемое смешение свидетельствует о религиозной необразованности, религии не допускают участия в их обрядах и таинствах посторонних, более того, в мусульманских государствах переход от ислама в другую религию карается уголовным наказанием. Такое же смешение наблюдается и в законодательстве. Ориентированность на

соответствие международным стандартам, реализация непривычной для российского общества ювенальной юстиции, двусторонняя интерпретация норм биоэтики вопреки национальной идеологии и культурного опыта. Отечественная правовая мысль оторвалась от своих корней и дрейфует в лоне западничества³. Право ассоциируется с продуктом социальной борьбы. Исходя из исследований уровня преступности, демографических показателей, на примере мусульманских стран напрашивается вывод о более эффективном взаимодействии общества и государства в рамках теократического государства. Бизнес, поиск источников солнечной энергии, нанотехнологии, наноинженерия, нанобиология — важнейшие отрасли развития во всех странах на современном этапе. Но без духовно-нравственной составляющей использование результатов достижений данных областей бесплодно. Важнейшим регулятивом постклассической науки выступает рациональность⁴. Современное российское право отражает потребность в многокультурности, в том числе для собственного выживания, а также необходимость для взаимодействия с другими странами. Стеснение своей истории и корней, отрицание значения религии в обществе не протекает на таком уровне в других странах. Правовая же аксиология на современном этапе неоднозначна, что выражается, с одной стороны, усилением роли религиозных организаций в обществе: передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности⁵, росте числа религиозных организаций, участия их в социальной деятельности, сотрудничестве с правоохранительными структурами и т.п. С другой — признание полной независимости от религии, утверждение правовых ценностей выше по отношению к морально-нравственным, религиозным, политическим ценностям, стеснение миссионерской деятельности. Религиозность общества рассматривается лишь как средство в утверждении ценности, но не как необходимый источник, в то же время оставаясь самим предметом защиты права. Если часть стран и сохрани-

¹ Овчинников А.И. Конституционно-правовая аксиология в современной России // Философия права. 2015. № 5 (72). С. 65–66.

² Виноградова О.П. Религиозные аспекты в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 12.

³ Сорокин В.В. Право и православие. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2007. С. 7.

⁴ Ильин В.В. Аксиология. М.: Издательство МГУ, 2005. С. 78.

⁵ Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // Рос. газ. 2010. № 5353 (274).

ла теократические начала, она не потеряла уважение на международном уровне, а лишь приобрела особый национальный суверенитет. Вне религиозной аксиологии уяснить феномен права невозможно. Последствия секуляризации, разложение в обществе идей, кризис глобалистики лишь подтверждают неэффективность обособленности и разделения церкви и государства. Реализация права и регулирование общественных отношений базируются не только на формально-догматических предписаниях правовых норм, но и на морально-религиозной основе. Идеи всеобщего права, непогрешимости церкви и всеобщего подчинения закону утопичны, но секуляризация и исследование в данной области лишь подтверждают безысходность функционирования вне лоно церкви. К примеру, в ОАЭ крепкие правовые ценности, утвердившиеся и до бурного экономического роста, базирующиеся на исламских ценностях, в стране низкий уровень преступности и высокий — по уровню экономики и сервиса предоставления услуг. Если изучать последствия секуляризации на примере западной Швеции, которая считается одной из самых атеистичных стран мира, уровень преступности в этой стране чрезвычайно высок, наблюдается моральная деградация в обществе. Спинозовское суж-

дение о верховном праве и высшем авторитете свободно судить о религии преобладает в нашей стране не первый век. Если судить материально о сущности и предназначении государства, то так или иначе все же прослеживается тесная связь их с христианскими идеалами. Религиозные идеалы, такие как любовь, уважение к друг другу, милосердие и т.п., аналогичны конституционным и следуют единой благой цели — полной реализации прав и свободы человека. Самая драматическая сфера жизни человека — это поиск целей, от неправильного целеполагания и структуры ценностей зависит будущая судьба и благополучие не только отдельного человека, но и общества в целом. Сложившаяся антицерковность не без влияния религиозных радикалов и экстремистов, недоверие к церковной структуре в обществе на государственном уровне идентично связаны и с недоверием общества к государственным органам. Все протекает не бесследно и взаимосвязано. Нет абсолютного суверена гаранта власти и безопасности, так как нет абсолютного Бога для всех неверующих. Поиск совместных решений, диалог, союз религии и государства, в том числе и для укрепления авторитета государственной власти и религиозных организаций, позволяют достичь прогресса и процветания в обществе.

Литература

1. Виноградова О.П. Религиозные аспекты в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.П. Виноградова. Н. Новгород, 2011. 30 с.
2. Ильин В.В. Аксиология / В.В. Ильин. М. : Издательство МГУ, 2005. 216 с.
3. Овчинников А.И. Конституционно-правовая аксиология в современной России / А.И. Овчинников // Философия права. 2015. № 5 (72). С. 65–66.
4. Сорокин В.В. Право и православие / В.В. Сорокин. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2007. 547 с.

References

1. Vinogradova O.P. *Religiozny'e aspekty' v rossiyskom prave : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Religious Aspects in the Russian Law : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / O.P. Vinogradova. Nizhny Novgorod — Nizhny Novgorod, 2011. 30 s.
2. Ilyin V.V. *Aksiologiya [Axiology]* / V.V. Ilyin. Moskva : Izdatelstvo MGU — Moscow : publishing house of the MSU, 2005. 216 s.
3. Ovchinnikov A.I. *Konstitutsionno-pravovaya aksiologiya v sovremennoy Rossii* [Constitutional Law Axiology in Modern Russia] / A.I. Ovchinnikov // *Filosofiya prava — Philosophy of Law*. 2015. № 5 (72). S. 65–66.
4. Sorokin V.V. *Pravo i pravoslaviye* [Law and Orthodoxy] / V.V. Sorokin. Barnaul : Izdatelstvo Altayskogo universiteta — Barnaul : publishing house of the Altai University, 2007. 547 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-15-18

Опыт использования оценочных категорий в российском законодательстве дореволюционного периода

*Белусова Ксения Александровна,
преподаватель кафедры правоведения и политологии
Алтайского государственного технического
университета имени И.И. Ползунова,
соискатель ученой степени кандидата наук
belousova1982@rambler.ru*

В статье автор рассматривает опыт использования оценочных категорий в отечественном законодательстве дореволюционного периода. Для данного периода времени характерно отсутствие специальных исследований оценочных категорий, их роли и места в правовой системе. Вместе с тем анализ памятников отечественного права указывает на их применение с древних времен. При этом оценочные категории встречаются в различных отраслях права, как частных, так и публичных. Автор полагает, что причина использования оценочных категорий заключается в том, что нормы права в указанный период формировались путем обобщения практики разрешения конкретных жизненных ситуаций и споров.

Ключевые слова: оценочные категории, источник права, законодательство дореволюционного периода, каучуковые нормы.

Experience of Assessment Category Usage in the Russian Laws of the Pre-Revolutionary Period

*Belousova Ksenia A.
Lecturer of the Department of Legal and Political Studies of the Polzunov Altai State Technical University
Applicant for the Academic Degree of Candidate of Sciences*

In the article the author considers the experience of the use of evaluation categories in the domestic legislation of pre-revolutionary period. For this time period is characterized by the absence of special studies evaluation categories, their role and place in the legal system. However, the analysis of monuments of the domestic law, indicates their use since ancient times. Thus the evaluation categories are found in various branches of law — both private and public. The author believes that the reason for the use of assessment categories is that the rule of law in this period was formed by consolidating the practice of dealing with particular life situations and disputes.

Keywords: evaluation categories, the source of law, legislation of pre-revolutionary period, the rub-ber rules.

Древним памятникам русского права, как и источникам права других государств, на начальных этапах развития государства и права присуща детальность (казуистичность) урегулирования. Причиной этого выступает то, что древнерусское право возникло в связи с развитием системы социального регулирования, в процессе которого отдельные правила поведения, возникшие на базе фактических отношений, возводились в общеобязательные юридические нормы. Следует согласиться с С.С. Алексеевым, который указывает, что «подавляющее большинство правовых установлений раннего права — это юридически искусно отработанные, но конкретизированные нормативные решения жизненных ситуаций, обоб-

щающие идеи которых обычно не шли дальше формулирования стройных юридических конструкций»¹.

Анализ российского законодательства X–XX вв. (в частности, Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 гг., Соборного уложения 1649 г.) свидетельствует о том, что большинство статей построено на казуистической основе. В качестве стержня статей в этих правовых актах выступает конкретный юридический случай (прецедент). Правовые нормы достаточно просты и в своем содержании довольно редко содержат оценочные категории.

¹ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 34.

Например, в тексте Русской Правды (про- странная редакция) можно встретить лишь одну оценочную категорию: «А матери, кото- рый сын добр, перваго ли, другаго ли, тому же дасть свое; аче и вси сыпове ей будутъ лиси, а дчери может дати, кто ю кормить». В данной статье содержится правило о том, что мать имеет право завещать свое имущество без ка- ких-либо ограничений любому из детей (не- зависимо от гендерного признака), опираясь лишь на отношение к ней своих детей².

Русская Правда оказала значительное влия- ние на более поздние источники русского права (например, Новгородская судная грамо- та, Псковская судная грамота, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г.). Все преступные деяния по Судебникам Ивана Васильевича (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.) назывались «лихими» и делились на две группы: высшего и низшего родов. При этом отметим, что само понятие «лихое дело» является оценочным. Однако в указанных Судебниках законодатель четко определял, какие именно поступки являлись «лихими». В Судебнике 1550 г. Ивана IV Гроз- ного встречаются такие оценочные категории, как «христианское милосердие», «щедрость и сострадание», «добропорядочные» граждане.

На смену источникам, сформировавшим- ся под воздействием Русской Правды, при- шел первый систематизированный в истории России закон — Соборное уложение 1649 г., подавляющее число статей которого отно- силось к сфере уголовного права. Вместе с тем Соборное уложение содержало и еди- ничные гражданско-правовые нормы с оце- ночными категориями, которые в основном были посвящены сервитутам. Например, ст. 277, определяющая регулирование город- ских сервитутов, указывала: «А будет кто уч- нет у себя на дворе ставити хоромы блиско межи соседа своего, и ему тех своих хором на меже соседа своего не ставити, а будет кто на меже хоромы поставит и в том на него бу- дет челобитье, и тому хоромы велеть с межи отнеть»³.

Встречалась в Соборном уложении 1649 г. такая оценочная категория, как «иные лихие люди», в отношении которых, наряду с раз- бойниками, определялось пожизненное тю- ремное заключение. При этом отметим, что понятие «разбойники» само по себе также яв-

лялось оценочной категорией, поскольку точ- ного юридического содержания не имело.

Несмотря на господствующее в то вре- мя религиозное мировоззрение, в Соборном уложении 1649 г. стали появляться оценоч- ные категории, не обусловленные религией, а возникающие исключительно из-за пробелов в юридическом языке. Например, «...губ- ным старостам доведется тюрьмы и тюрем- ных сидельцов осматривати почасту, чтобы тюрьмы были крепки...»⁴. Конкретное содер- жание слов «почасту» и «крепки» законода- телем не определялось. Однако мы полагаем, что указанные понятия были облечены в фор- му оценочных категорий по причине недоста- точной точности юридической терминологии того периода времени и невозможности кон- кретно определить их содержание в том мно- гообразии фактических условий содержания осужденных.

Следует согласиться с В.А. Томсиновым в том, что «казуистичность норм Соборно- го уложения predetermined предельно кон- кретный характер их терминологии. Тем не менее при анализе текста данного правового памятника нетрудно заметить юридические термины, которые, хотя и невозможно еще от- нести к абстрактным, всецело обобщенным, приближаются к ним по своему характеру»⁵.

Для российского законодательства сере- дины XVII — первой трети XIX вв. было ха- рактерно отсутствие систематизации в ус- ловиях постоянного увеличения количества законодательных актов. Однако накопление законодательного материала неизбежно тре- бовало проведения кодификационной рабо- ты. Необходимость принятия единой коди- фикации определялась не только серьезными трудностями в обобщении и толковании раз- нородных и порой взаимоисключающих норм, но и необходимостью тщательной законода- тельной переработки многих правовых ин- ститутов.

Указом Екатерины от 14 декабря 1766 г. бы- ла создана законодательная комиссия о сочи- нении Уложения, каждый член которой имел «Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложе- ния». Согласимся с мнением В.А. Томсинова о том, что отдельные статьи «Наказа», собран- ные воедино, образуют своеобразный кодекс прикладной юриспруденции⁶.

² Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.А. Янин. М. : Юридическая ли- тература, 1984. С. 71.

³ Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. Т. 3 : Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М. : Юридическая литература, 1985. С. 149.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 г. как па- мятник русской юриспруденции // Правоведение. 2007. № 1. С. 187.

⁶ Томсинов В.А. Развитие русской юриспруденции во второй половине XVIII века. Статья 3 // Зако- нодательство. 2006. № 10. С. 88.

Например, ст. 448 предписывала: «Всякий закон должен написан быть словами вразумительными для всех, и при том очень коротко; чего ради без сомнения надлежит, где нужда потребует, прибавить изъяснения или толкования для судящих, чтоб могли легко видеть и понимать как силу, так и употребление закона»⁷. В ст. 454 содержалось указание: «Слог законов должен быть краток, прост; выражение прямое всегда лучше можно разуместь, нежели околичное выражение»⁸, а ст. 459 предусматривала: «Надлежит убежать выражений витиеватых, гордых или пышных и не прибавлять в составлении закона ни одного слова лишнего, чтобы легко можно было понять вещь, законом усыновляемую»⁹.

Из анализа указанных положений можно сделать вывод о том, что законодатель стремился максимально исключить возможность использования оценочных категорий за счет использования «вразумительных слов», «прямых выражений», «чтобы легко можно было понять» суть нормы. Оценочные категории, в свою очередь, по своему содержанию близки к «околичным» и «витиеватым» выражениям.

Обратимся к Своду законов Российской империи, который был обнародован в 1832 г., вступил в силу 1 января 1835 г. и оставался в силе, хотя и в измененном виде, до 1917 г.

Гражданские законы в системе Свода были представлены в томе X, анализ которого показывает, что оценочные категории используются в основном в книге 2, посвященной порядку приобретения и укрепления прав на имущество вообще, и книге 4 «Об обязательствах по договорам». В качестве примера можно указать: «необходимые и чрезвычайные расходы» (ст. 478), «удовлетворена без замедления» (ст. 493.29), «справедливое и приличное вознаграждение» (ст. 575), «заслуживающие уважения» (ст. 586), «явно недостаточные меры» (ст. 688), «различные мелочные надобности» (ст. 1546), «надлежащее место» (ст. 2110), «явно несбыточный», «важный ущерб» (ст. 2151), «полезный и подлежащий общему уважению предмет» (ст. 2183), «особые преимущества» (ст. 2194), «обходиться справедливо и кротко», «содержать исправно» (ст. 2229), «добрые поступки» (ст. 2230)¹⁰.

⁷ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб. : Тип. Акад. наук, 1907. С. 122.

⁸ Там же. С. 124.

⁹ Там же. С. 125.

¹⁰ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И.М. Тютрюмов. Кн. 1–5. М. : Статут, 2004.

Включение «каучуковых» положений в текст закона вызвало довольно неоднозначную реакцию среди ученых-естествовников и ученых-позитивистов. Первые полагали, что данные нормы необходимы, поскольку «метод перечисления отдельных случаев в самом законе ненадежен ввиду затруднительности законодателя не только предусмотреть возможные новые комбинации отношений, но даже и уловить фактические существующие и нуждающиеся в нормировке»¹¹. Другие говорили о том, что появление в гражданском законодательстве оценочных категорий связано с «нежеланием законодателя затруднять себя мучительным поиском подходящей формулировки и попыткой тем самым переложить всю ответственность на плечи судей»¹².

Указанный подход создал серьезные сложности для правоприменительных органов, которые довольно часто не могли понять предписания, которым следовало руководствоваться. Функция предоставления разъяснений путем формулирования положений как общего характера, так и связанных с рассмотрением конкретных дел, по юридической силе не уступавших законодательным актам, была возложена на Правительствующий Сенат. Вместе с тем такая ситуация была недопустима, что обуславливало потребность в разработке Гражданского уложения.

Разработкой Гражданского уложения занималась специальная Редакционная комиссия, в состав которой входили видные юристы. Проект разрабатывался путем тщательного, высокопрофессионального анализа иностранного гражданского и торгового законодательства, включая самое современное для того времени — германское и швейцарское.

Проект Гражданского уложения впитал в себя оценочные категории, которые имели большое значение для законодательства зарубежных стран. Составители Гражданского уложения в общих объяснениях к книге V указывали, что закон должен предоставлять широкий простор для усмотрения суда, поскольку лишь при таком подходе для каждого конкретного случая могут быть определены справедливые основания для регулирования отношений.

В тексте Гражданского уложения достаточно широко используются нормы, содержащие оценочные категории: «необходимые

¹¹ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. Т. 6. С. 80.

¹² Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг. : Юридический книжный склад «Право», 1917. С. 105.

исправления» (ст. 304), «исполнить обязательство добросовестно» (ст. 78), «необходимые для исполнения договора орудия» (ст. 431), «обыкновенно подлежит оплате по справедливому усмотрению суда» (ст. 425) и др.

Обобщая настоящее исследование, отметим, что в дореволюционный период развития отечественного права специальные исследования оценочных категорий отсутствовали. В правовой науке встречаются лишь отдельные высказывания ученых по данной пробле-

ме. Многие ученые полагали, что включение в текст закона относительно определенных понятий обусловлено лишь нежеланием законодателя четко формулировать положения закона, которые бы отвечали потребностям практики, тем самым возлагая на судей обязанность определять содержание таких норм с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемых дел, что в свою очередь неоправданно расширяло пределы усмотрения судей.

Литература

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. М., 1989. 286 с.
2. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И.М. Тютрюмов. Кн. 1–5. М. : Статут, 2004. 571 с.
3. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб. : Тип. Акад. наук, 1907. 175 с.
4. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. 2006. № 1. Т. 6. С. 124–181.
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. Пг. : Юридический книжный склад «Право», 1917. 153 с.
6. Российское законодательство X–XX веков / под ред. О. И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М. : Юридическая литература, 1984. 432 с.
7. Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. Т. 3 : Акты Земских соборов / отв. ред. А.Г. Маньков. М. : Юридическая литература, 1985. 511 с.
8. Томсинов В.А. Развитие русской юриспруденции во второй половине XVIII века. Статья 3 / В.А. Томсинов // Законодательство. 2006. № 10. С. 84–89.
9. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 г. как памятник русской юриспруденции / В.А. Томсинов // Правоведение. 2007. № 1. С. 162–188.

References

1. Alekseev S.S. Obschie dozvoleniya i obschie zaprety' v sovetskom prave [The General Permissions and the General Prohibitions in the Soviet Law] / S.S. Alekseev. Moskva — Moscow, 1989. 286 p.
2. Zakony' grazhdanskie s raz'yasneniyami Pravitelstvuyushchego Senata i kommentariyami russkikh yuristov ; sost. I.M. Tyutryumov. Kn. 1–5 [Civil Laws with Explanations of the Governing Senate and Commentaries of Russian Lawyers ; compiled by I.M. Tyutryumov. Book 1 to 5]. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2004. 571 s.
3. Nakaz imperatritsy' Ekateriny' II, danny'y Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya ; pod red. N.D. Chechulina [The Instruction Given by Empress Catherine the Great to the Commission on Drafting of a New Code of Laws ; edited by N.D. Chechulin]. Sankt-Peterburg : Tip. Akad. nauk — Saint Petersburg : printing office of the Academy of Sciences, 1907. 175 s.
4. Novitsky I.B. Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatelstvennogo prava [The Good Faith Principle in a Draft of the Law of Obligations] / I.B. Novitsky // Vestnik grazhdanskogo prava — Civil Law Bulletin. 2006. № 1. T. 6. S. 124–181.
5. Pokrovsky I.A. Osnovny'e problemy' grazhdanskogo prava [The Key Civil Law Issues] / I.A. Pokrovsky. Petrograd : Yuridicheskij knizhny'y sklad «Pravo» — Petrograd : Law legal book warehouse, 1917. 153 s.
6. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov ; pod red. O.I. Chistyakova. T. 1 : Zakonodatelstvo Drevney Rusi ; otv. red. V.L. Yanin [The Russian Laws of the Xth — XXth Centuries ; edited by O.I. Chistyakov. T. 1 : The Laws of the Ancient Rus ; publishing editor V.L. Yanin]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1984. 432 s.
7. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov ; pod red. O.I. Chistyakova. T. 3 : Akty' Zemskikh soborov ; otv. red. A.G. Mankov [The Russian Laws of the Xth — XXth Centuries ; edited by O.I. Chistyakov. Vol. 3 : Acts of the Assemblies of the Land ; publishing editor A.G. Mankov]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1985. 511 s.
8. Tomsinov V.A. Razvitie russkoy yurisprudentsii vo vtoroy polovine XVIII veka. Statya 3 [Development of the Russian Jurisprudence in the Second Half of the XVIIIth Century. Article 3] / V.A. Tomsinov // Zakonodatelstvo — Legislation. 2006. № 10. S. 84–89.
9. Tomsinov V.A. Sobornoe ulozhenie 1649 g. kak pamyatnik russkoy yurisprudentsii [The Council Code of 1649 as a Landmark of the Russian Jurisprudence] / V.A. Tomsinov // Pravovedenie — Legal Studies. 2007. № 1. S. 162–188.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-19-26

Vae victis (политико-правовое лицемерие воюющих держав по отношению к военнопленным в конце Первой мировой войны)

*Колошинская Наталья Викторовна,
заведующая кафедрой теории права и гуманитарных дисциплин
Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук, доцент
nata_ivanova_75@mail.ru*

В статье на основе архивных и других источников исследуется один из сложнейших и противоречивых периодов истории российской государственности: последний год участия России в Первой мировой войне; февральские события 1917г.; разрушение самодержавной государственности и проблемы регулирования института военного плена воюющими державами в этот период. Анализируемые события подчеркивают несовершенство и хрупкость механизма реализации ключевых принципов и норм формирующегося международного гуманитарного права, политическое лицемерие господствующих групп и кланов по отношению к своим и чужим военнопленным.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Первая мировая война 1914–1918 гг., февральские события в России 1917 г., институт военного плена, проблемы содержания военнопленных в Германии, Австро-Венгрии и России.

Vae Victis (Political and Legal Hypocrisy of the Warring Powers in Relation to Prisoners of War at the End of the First World War)

*Koloshinskaia Natalia V.,
Head of Department of theory of law and the Humanities Saint-Petersburg named
after V. B. Bobkov branch of Russian customs Academy, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article based on archival and other sources, examines one of the most complicated and contradictory periods in the history of Russian statehood: past year participation of Russia in the First world war; the events of February 1917; the destruction of autocratic statehood and the problems of regulation of the institution of captivity as prisoners of war the warring powers during this period. The analyzed events highlight the imperfection and fragility of the mechanism of implementation of the key principles and emerging norms of international humanitarian law, political hypocrisy of the ruling groups and clans in relation to their own and other prisoners of war.

Keywords: international humanitarian law, the First world war 1914–1918, the February events in Russia of 1917, the Institute of military captivity, problems of war prisoners in Germany, Austria-Hungary and Russia.

Собственно говоря, торжества принципов международного гуманитарного права в истории XX в. никогда и не было. Увидевшие свет ранее и в этот период различные его концептуальные модели, декларации, конвенции, процедуры и договоренности по поводу права войны были не чем иным, как политико-правовым перформансом могущественных и всевластных управляющих кланов, великих «творцов» нового миропорядка. Чтобы убедиться в этом, следует еще раз вернуться к событиям 100-летней давности и ко всему комплексу проблем гуманитарного пра-

ва, особенно в отношении военнопленных, и, что еще примечательнее, в канун и период февральской смуты 1917 г. Забегая вперед, скажем, что ни до Первой мировой войны, ни после воюющие державы и не собирались придерживаться международно-правовых договоренностей и главным образом в отношении гражданского населения и военнопленных.

О.С. Нагорная права, когда утверждает, что изучению все того же феномена военнопленных в годы Великой войны в отечественной и западной историографии уделено достаточное

внимание¹. Уместно заметить, что и сама автор внесла в освещение этой проблемы заметный вклад, прибегнув к тщательному анализу многочисленных и важных источников. Вывод автора неутешителен — военнопленные всех воюющих держав независимо от политических режимов более других жертв войны испытывали на себе ее ужасающие последствия. При этом политико-правовое лицемерие правящих кругов по отношению к ним и не только стало неотъемлемым их спутником. Вот как об этом писал в ноябре 1917 г. редактор газеты «Иль» (Родина) Гаяз Исхаки: «Всем известно, что с началом войны и в период ее продолжения периодическая печать и общественное мнение наших союзников (Англия, Франция, Италия и др. — **Н.К.**), а вслед за ними и пресса России морочили всем голову, делая заявления в духе „мы воюем за свободу, мы сражаемся во имя защиты прав малых народов...“»².

Эти и другие аспекты отношения властей к своим и чужим военнопленным подмечали в разные годы и другие авторы: Э.Е. Абдрашитов, Е.Ю. Васильева, Р. Нахтигаль, С. Солнцева и др.³

По разным оценкам, в ходе войны только в Германии оказалось около 1,5 млн рус-

ских солдат и офицеров⁴, плененных противником, а на территории России — около 2 млн военнопленных вражеских армий⁵. Всего же, по официальным данным, в Германии, Австро-Венгрии и других западных странах находилось не менее 3,4 млн русских военнопленных⁶, что лишний раз свидетельствовало о наличии крупной гуманитарной проблемы. Одновременно следовало признать и то, что, несмотря на международные договоренности, касающиеся правовой защиты жертв войны, правила обращения с военнопленными во всех странах — участницах военного конфликта в полном объеме не соблюдались. В Германии, Австро-Венгрии, Франции, Великобритании и России весь 1915 г. и последующие годы в СМИ раскручивалась кампания по дискредитации действующих в воюющих странах национальных положений о содержании иностранных военнопленных.

В случае с Россией такая атака на ключевые правила, нормы и реализацию «Положения о содержании военнопленных в России» от 7 октября 1914 г. особенно усилилась после февральских событий 1917 г. Либеральная и лево-социалистическая печать буквально сорвалась с цепи, обличая рухнувший царский режим в якобы циничном попрании им международных принципов соблюдения гуманитарных положений в отношении своих и иностранных военнопленных. С подачи Временного правительства русские военнопленные были даже объявлены невинными жертвами царизма, хотя у властей к ним по-прежнему сохранялось «истинно бюрократическое отношение»⁷. По оценке С.А. Виноградова, после февраля 1917 г. «положение русских военнопленных за границей значительно ухудшилось»⁸. На их под-

¹ Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. С. 12.

² Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 : в 4 т. Т. 4 : Демократия «страны нарушенного равновесия» / отв. ред. А.П. Ненароков. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 427.

³ Абдрашитов Э.Е. Развитие социального и правового статуса военнопленного в ходе эволюции международного и российского законодательства (с древнейших времен до конца XX в.). Казань : Издательство Казанского юридического института МВД России, 2007. 197 с.; Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2004. 45 с.; Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны : учеб. пособие. М.: Центр МГОПУ, 1999. 133 с.; Нахтигаль Р. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. / под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск : Каменный пояс, 2007. С. 83–94; Доклад гг. Ф. Тормейера и д-ра Ф. Феррьеера младшего (членов делегации Международного комитета Красного Креста) об их посещении лагерей военнопленных в России (октябрь 1915 г. — февраль 1916 г.) / пер. с фран. А.А. Салтыкова. Пг.: Государственная типография, 1916. 72 с.; Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–149; и др.

⁴ Нагорная О.С. Указ соч. С. 185.

⁵ Ниманов И.Б. Некоторые проблемы содержания военнопленных в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны // Российская провинция: история, культура, наука : материалы II–III Сафаргалиев. науч. чтений : сб. науч. ст. / ред.-кол. Н.М. Арсентьев (отв. ред.), Р.И. Александрова, В.П. Андронов и др. Саранск : Красный Октябрь, 1998. С. 365.

А.В. Олейников в одной из своих публикаций приводит данные, из которых видно, что в ходе летнего наступления 1917 г. только за два дня (11 и 12 июля) русские войска взяли в плен 4 тыс. чел., в том числе 1 тыс. немцев. См.: Олейников А.В. Кампания 1917 года на русском фронте Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 9.

⁶ Алфавитный указатель к журналам Центрального Комитета по делам о военнопленных с № 1 по 50 включительно. Журнал XXXXVI. Ст. 4. Пг.: Государственная типография, 1917. С. 26.

⁷ Нагорная О.С. Указ соч. С. 47, 49.

⁸ Виноградов С.А. Русские военнопленные в югославских землях Австро-Венгрии, в Сербии и Черно-

держку у новых властителей, «как всегда», не хватало финансовых и материальных ресурсов. Ухудшилось положение и иностранных военнопленных на территории России. О катастрофическом же состоянии российских военнопленных в конце 1916–1917 гг. свидетельствовали практически все, кто в этот период соприкасался с ними в Германии и Австро-Венгрии⁹.

Между тем ключевые участники мировой войны еще до ее начала формально признавали юридическую силу принятых ими международных актов, регулирующих институт правовой защиты жертв войны, таких как Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны от 22 августа 1864 г., Гагская конвенция, распространяющая покровительство Женевского права на жертвы морской войны (май — июль 1899 г.), Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (с прилагаемым Гагским положением) от 18 октября 1907 г. и др.¹⁰ В свою очередь этой последней конвенции предшествовал целый ряд документов, также признаваемых будущими участниками мировой войны 1914–1918 гг.: Кодекс Либера (1863 г.); Санкт-Петербургская декларация (1868 г.); Брюссельская декларация (1874 г.); Оксфордское руководство по морской войне (1880 г.) и др.

Февральские события в России, по крайней мере публично, не повлияли на позицию Временного правительства по соблюдению этих договоренностей по отношению к содержанию военнопленных и правовому ограничению на средства и методы ведения войны. Формально им признавалась и «оговорка Мартенса», являющаяся определенной правовой страховкой, смысл которой сводился к тому, что там, где нормы позитивного права оставляли лазейки, следовало находить решения исходя из основных гуманитарных принципов. К тому же «декларация Мартенса» (по имени российского профессора Ф.Ф. Мартенса. — *Н.К.*) более всего отвечала, как казалось, демократической парадигме февральского буржуазного переворота 1917 г. и международно-правовым взглядом «февралистов».

Однако последующие события полностью обнажили лицемерный характер российской буржуазной дипломатии и военно-политических кругов в отношении российских и ино-

странных военнопленных. Наиболее наглядно это было видно в ситуациях с массовой сдачей российских солдат и офицеров в плен, особенно во время летнего наступления 1917 г.¹¹ Подобные факты наблюдались и ранее, в основном зимой 1915–1916 гг., а о добровольной сдаче в плен 219 солдат Гайворонского полка 8-го армейского корпуса летом 1915 г. было даже специальное решение Ставки¹². Мало что изменилось и в 1917 г. О.Р. Айрапетов, исследовавший военные вопросы летней кампании на Восточном фронте, писал, что масштабы бегства военнослужащих из действующих частей русских войск были впечатляющими. Только за одну ночь в окрестностях городка Волочиск (Юго-Западный фронт. — *Н.К.*) летом 1917 г. ударным батальоном было задержано около 12 тыс. дезертиров¹³. Провозглашая верность союзническим обязательствам и готовность к ведению войны «до победного конца», новая власть всенарастающее недовольство армии, массовые эпизоды братаний и сдачи в плен неприятелю объясняла разложившейся агитацией российских и иностранных военнопленных в тылу страны и ее армии.

В различных слоях российского общества с подачи Временного правительства с новой силой стал раскрываться шабаш шпионии. Под подозрение в буквальном смысле попали все без исключения русские военнопленные, бежавшие и даже освобожденные из плена. Уже весной 1917 г. во вновь образованном Центральном контрразведывательном отделении ГУГШ было специально создано «Отделение по опросу бежавших из плена», которое вело активную переписку с уже действующим в стране «Комитетом бежавших из плена солдат и офицеров» главным образом по поводу подозрения их в шпионаже и показаний бежавших из плена. Там же были сосредоточены и сведения об использовании немцами русских военнопленных в целях шпионажа и диверсий и др.¹⁴

С другой стороны, военное командование по долгу службы было обязано осуществлять специальный контроль этой категории воен-

гории в 1914–1918 гг. // Новый часовой. 1997. № 5. С. 99.

⁹ Щеров И.П. Западный пленбеж (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 131.

¹⁰ Смыслов О.С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М.: Вече, 2016. С. 15–20.

¹¹ Нагорная О.С. Указ соч. С. 47, 49.

¹² Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 1: Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М.: Издание IV Управления штаба РККА, 1929. С. 201–203.

¹³ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. С. 268.

¹⁴ Архив Управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — Архив УФСБ по СПб и области). Арх. № 19/449 (Справочник о материалах контрразведывательных органов царской России / под ред. Г. Старова. М.: Глав. арх. упр. МВД СССР, 1946. С. 21).

нослужащих, не придавая широкой огласке подобные мероприятия. Между тем либеральная печать еще до февральских событий 1917 г. стремилась использовать всякий такой повод, чтобы дискредитировать воюющую царскую армию. В то же время, например, ведя тщательную проверку бывших русских военнопленных, контрразведка 23-й пехотной дивизии в 1917 г. сумела собрать обстоятельные материалы о преступных действиях солдат и офицеров при их сдаче в плен и во время нахождения в плену¹⁵. Располагая аналогичными сведениями по всей Действующей армии, Временное правительство в то же время всячески пыталось скрывать их от общества и «демократических» кругов.

Критикуя и уличая царское руководство в непоследовательности и даже «преступном бездействии» в деле реализации международно-правовых установлений в отношении русских и иностранных военнопленных, Временное правительство само так и не смогло ничего предпринять, чтобы «выправить», как оно выражалось, негативную ситуацию вокруг их. Даже при всей неповоротливости императорской военно-политической машины и изменчивости ее отношения к судьбам своих же военнопленных царскому правительству с конца 1915 и до начала 1917 г. удалось все же куда более эффективно регулировать этот довольно простой институт военного плена.

Так, из материалов ЦК по делам о военнопленных и Центрального справочного бюро о военнопленных за этот период видно, что ключевые принципы и нормы Положения о содержании военнопленных в России от 7 октября 1914 г. в целом соблюдались более последовательно, чем в постфевральский период.

Особенно болезненными выступали проблемы, мы бы сказали, инфраструктурного характера (расположение иностранных пленников на территории России, обращение с ними и др.), а также вопросы питания, медицинского обеспечения, трудового использования, связи с родиной. Следует заметить, что у царской системы в их разрешении было сделано несравненно больше, чем у «временщиков-февралистов». Так, например, делегация МККК, обследовавшая в октябре 1915 — феврале 1916 г. лагеря иностранных военнопленных в России, авторитетно заявила, что в стране отсутствуют «концентрационные лагеря для военнопленных» и что им не удалось нигде увидеть «даже колючей проволоки, а за пределами городов — огражде-

ний и заборов»¹⁶, о чем писали в Германии и других странах. Многочисленные жалобы на то, что иностранным военнопленным в России не выдают одежды, объяснялись тем, что они обеспечивались тем же довольствием, каким снабжались русские военнослужащие. Известно, что германское правительство через Швецию доставило в Россию (сибирские лагеря. — **Н.К.**) большое количество одеял, половину из которых немцы военнопленные вскоре продали и обменяли у местного населения на табак и спиртное¹⁷. Несмотря на то что ни в Австро-Венгрии, ни в Германии не удовлетворялись ходатайства русских военнопленных о переводе из одного лагеря в другой для совместного водворения с родственниками, в России это осуществлялось давно: вначале в единичных случаях, а после достигнутых соглашений с Австро-Венгрией — более системно¹⁸.

Та же делегация МККК с участием Ф. Тормейера и Ф. Феррера отмечала, что в России им не удалось установить фактов бесчеловечного и грубого обращения русской военной администрации с иностранными военнопленными и «даже обращения с чрезмерной строгостью»¹⁹. В то же время практически весь 1917 г. новые российские власти вели вялотекущие переговоры с МККК о командировке делегатов в Германию для посещения русских военнопленных «ввиду крайне тяжелого их положения»²⁰.

К слову сказать, в немецких и австрийских лагерях и до февральского переворота 1917 г. сплошь и рядом нарушались даже элементарные положения международных конвенций о содержании иностранных (в частности, русских. — **Н.К.**) военнопленных. Так, по сообщению французской стороны в адрес российского ЦК по делам военнопленных, в германском лагере в Лимбурге немецкая администрация переодевала русских пленников в форму немецких ландштурмистов для отправки их на Западный (французский. — **Н.К.**) фронт²¹. В немецких и австрийских лагерях по отношению к русским военнопленным применялись запрещенные конвенциями наказания подвья-

¹⁵ Там же. С. 82.

¹⁶ Доклад гг. Ф. Тормейера и д-ра Ф. Феррера младшего... С. 15.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Алфавитный указатель к журналам Центрального Комитета по делам о военнопленных с № 1 по 50 включительно. Журнал XXXXVI. Ст. 7. С. 5.

¹⁹ Доклад гг. Ф. Тормейера и д-ра Ф. Феррера младшего... С. 43.

²⁰ Алфавитный указатель к журналам Центрального Комитета по делам о военнопленных с № 1 по 50 включительно. Журнал XXXXVI. Ст. 4. С. 26.

²¹ Там же. Ст. 2. С. 36–37.

зыванием, сковыванием и другие репрессии, попирающие их статус и права.

К февралю 1917 г. такие сведения имелись в распоряжении контрразведывательного отделения (КРО) штаба Юго-Западного фронта²², КРО штаба 8-й армии этого же фронта²³, КРО штабов 11-й и 12-й армий (Юго-Западного и Северного фронтов. — **Н.К.**)²⁴ и др. Из других источников также видно, что в немецком лагере Мангейм, к примеру, военному суду были преданы русские военнопленные, отказавшиеся рыть окопы²⁵. Во всех германских лагерях погребение умерших русских военнопленных осуществлялось без одежды, а в австро-венгерских практиковались наказания живых русских военнопленных путем укладывания их в гробы²⁶.

Нельзя сказать, что в России по отношению к иностранным военнопленным не наблюдалось фактов ущемления их прав и ограничения статуса. Так, в приказах по части лагерей во внутренних военных округах (Сибирь, Туркестан и др. — **Н.К.**) периодически упоминались различные чины, наказанные за превышение служебных полномочий, самоуправство и злоупотребление властью по отношению к иностранным военнопленным. Несмотря на запрет телесных наказаний в соответствии с Положением от 22 августа 1914 г., именно за их незаконное производство более всего несли ответственность военнослужащие русской армии. Самым распространенным среди этих телесных наказаний считалось так называемое привязывание, которое, к стати говоря, применялось в Германии по отношению к русским пленникам и даже не скрывалось от прессы и общественности в течение всей войны²⁷.

Лицемерными выглядели и другие действия властей, в частности, в Германии и Австро-Венгрии, особенно в отношении побегов военнопленных. Их количество до сих пор уточняется специалистами как в России, так и на Западе. Например, по подсчетам О.С. Нагорной, только из немецких лагерей за годы Мировой войны общая численность неудавшихся, успешных и повторных попыток побегов составила около 107,5 тыс.²⁸ Наказание за

их совершение было самым разным, хотя по своей сути одна из двойственных сторон его природы (самовольный, тайный уход для восстановления личной свободы. — **Н.К.**) отражала право личности на свободу и являлась общечеловеческой, гуманитарной ценностью. С другой стороны, военнопленные подчинялись законам держащей их в плену державы, и особенно уставам и приказам, действующим в вооруженных силах. Во всяком случае, в России за период 1914–1917 гг. не были известны факты расстрелов иностранных пленников за их совершение, между тем, по сообщению голландской газеты «Телеграф», на территории оккупированной германскими войсками Голландии за совершенные побегі якобы были расстреляны 70 русских военнопленных²⁹.

Проблема была и в том, что еще по поручению царского правительства в военном ведомстве России (еще ранее в Австро-Венгрии. — **Н.К.**) был подготовлен проект о наказании за побегі военнопленных, а также Проект соглашения с вражескими странами о его реализации³⁰. В России живо откликнулись на эту инициативу Австро-Венгерского правительства, а после объявления Временным правительством себя центральным органом управления государством представители армии, ЦК по делам военнопленных и других организаций сформулировали и доложили ему свои предложения о срочных мерах против побегов, в том числе и на международно-правовом уровне. Однако и на этот раз Проект соглашения с правительствами Германии, Австро-Венгрии и другими государствами так и остался на бумаге.

Становление основных принципов международного гуманитарного права в годы Первой мировой войны буквально соседствовало с невиданной ранее по своим масштабам пропагандой. И безусловным лидером в этой гонке была вновь признана Германия, ее военно-пропагандистская машина, в легионе «слепых» исполнителей которой числились и военнопленные вражеских армий. В интересах пропаганды в «союзники» Германии зачислялись все, кто в любой стране ее противника «болел и бредил» идеями и проектами нацио-

²² Архив УФСБ по СПб и области. Арх. № 19/449 (Справочник о материалах контрразведывательных органов царской России. С. 48).

²³ Там же. С. 57.

²⁴ Там же. С. 59, 60.

²⁵ Алфавитный указатель к журналам Центрального Комитета по делам о военнопленных с № 1 по 50 включительно. Журнал XI. Ст. 8. С. 33.

²⁶ Там же. С. 33.

²⁷ Там же. С. 33.

²⁸ Нагорная О.С. Указ. соч. С. 244.

²⁹ Алфавитный указатель к журналам Центрального Комитета по делам о военнопленных с № 1 по 50 включительно. Журнал XXII. Ст. 6. С. 34.

Не исключено, что данная публикация носила не-объективный и непроверенный (установленный) характер. Подобные сенсационные вбрасывания в СМИ в те годы были элементом борьбы, а также возможным сопротивлением или продуктом пропагандистской истерии.

³⁰ Там же. Журнал XXIV. Ст. 12. С. 100.

нальной и религиозной исключительности отдельных этнических групп и народов или откровенным сепаратизмом, тяготел к анархии, бунтам, переворотам и гражданским войнам.

Война лишь обострила давние противоречия в государственной и общественной жизни императорской России, чем сумели воспользоваться ее военные противники, и в первую очередь Германия. В числе многочисленных проблем оставался и так называемый украинский сепаратизм. В среде российских военнопленных помимо «квасных украинпатриотов» было немало и тех, кто готов был последовательно бороться за независимую от России «великую Украину».

Пытаясь придать пропаганде более результативный характер, германское руководство еще в начале 1915 г. попыталось «отфильтровать» украинцев от остальных военнопленных, размещая их в «украинских лагерях», обрушив при этом на них пропаганду идей сепаратизма с целью создания прочной идегермански настроенной массы, при любом варианте исхода затянувшейся Мировой войны³¹. О том, что это именно так и стало воплощаться на практике, свидетельствовала переписка (1915–1916 гг.) контрразведывательного пункта при штабе 19-го армейского корпуса русских войск со своей агентурой о создании немцами в Галиции антирусского «Союза освобождения Украины»³². Союз при поддержке немцев и австрийцев занимался распространением в лагерях изданий на украинском языке и специальной группы «Украинское слово»³³.

Отбор военнопленных-украинцев на Восточном фронте осуществляли немецкие и австрийские разведывательные бюро при штабах корпусов и дивизий и передовые органы разведки бригад, а также разведбюро в лагере Стральзунде, представляющем из себя пересыльный пункт военнопленных, через который проходили почти все пленные³⁴. По разным оценкам, в годы войны в лагерях военнопленных оказалось от 150 до 300 тыс. украинцев³⁵. Не все они, но все же определенная часть из них дислоцировалась в «украинских лагерях», куда, например, в начале 1917 г.,

по информации начальника КРО штаба Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта подполковника Иванова, немцы выписали из Буковины около 80 школьных учителей-украинцев с целью ведения среди них политической пропаганды³⁶.

Царское, а впоследствии и Временное правительство было достаточно полно информировано о содержании и направленности пропагандистской деятельности военно-политических структур центральных держав в отношении военнопленных-украинцев. Знали они и о том, что германские власти при взаимном освобождении из плена инвалидов намеренно включали в эти команды вместо русских офицеров-инвалидов здоровых украинцев³⁷. Обличая царский режим в непоследовательности политики в отношении своих же пленников, демократы-февралисты и эту проблему оставили нерешенной, занимаясь попросту политической трескотней и демагогией.

В этом ряду было бы уместно вспомнить о «плане организации революционной пропаганды в Германии», представленном в марте 1917 г. командующему войсками Московского военного округа профессором Московского университета Р.И. Венгловским. Наблюдая за настроениями находящихся в Москве немецких и австрийских пленных, он пришел к заключению, что они «горячо хотели бы, чтобы подобный переворот (февральский 1917 г. — *Н.К.*) возможно скорее совершился и у них...»³⁸. На этом основании он считал возможным в «широком масштабе прибегнуть к грандиозной революционной пропаганде революционных идей свержения вражеских правительств», создав для этих целей специальный Комитет, который, в свою очередь, должен был уделить «исключительное внимание отправляемым на родину (т.е. в Германию, Австро-Венгрию и др. — *Н.К.*) инвалидам и распространять их так, чтобы они поскорее зажгли у себя дома пожар революции»³⁹. «План» профессора Р.И. Венгловского был даже одобрен в Военном министерстве, но так и не был реализован Временным правительством.

³¹ Нагорная О.С. Указ. соч. С. 167–172.

³² Архив УФСБ по СПб и области. Арх. № 19/449 (Справочник о материалах контрразведывательных органов царской России. С. 71–72).

³³ Нагорная О.С. Указ. соч. С. 169.

³⁴ Архив УФСБ по СПб и области. Арх. № 19/197 (Сборник агентурных и следственных материалов о контрразведывательной и разведывательной работе Германского Генштаба за 1917–1918 гг.). Л. 4, 5.

³⁵ Нагорная О.С. Указ. соч. С. 147.

³⁶ Архив УФСБ по СПб и области. Арх. № 19/197 (Сборник агентурных и следственных материалов о контрразведывательной и разведывательной работе Германского Генштаба за 1917–1918 гг.). Л. 42, 43.

³⁷ Алфавитный указатель к журналам Центрального Комитета по делам о военнопленных с № 1 по 50 включительно. Журнал XIV. Ст. 2. С. 34.

³⁸ Звонарев К.К. Указ. соч. С. 201–203.

³⁹ Там же. С. 203.

В заключение подчеркнем, что всякого рода революции, бунты, мятежи и перевороты, особенно в условиях кризиса государственности (войны, терроризм и др.), наиболее опасны не только для существующих национальных правовых систем, но и для всей довольно хрупкой конструкции институтов международного гуманитарного права. Как правило, в этих условиях многие договоренности игнорируются, ослабевает внешний и внутренний контроль за реализацией конвенционных установлений, усиливаются репрессалии, насилие и террор. Первыми в числе жертв, без сомнения, всегда выступают военнопленные и разного рода заложники. За революцион-

ной фразеологией, политической кичливостью новых властителей довольно часто скрываются лицемерие и обман, в конечном счете основной жертвой которых станет и само обманутое общество, жаждающее в свою очередь развития и перемен. В свое время крупнейший британский историк и военный теоретик Генри Басил Лиддел Гарт, подводя итоги Первой мировой войны, советовал никому не забывать, «как часто Россия жертвовала собой, спасая своих союзников и подготавливая тем самым путь к их конечной победе»⁴⁰.

⁴⁰ Лиддел Гарт Б.Г. Правда о Первой мировой войне / пер. с англ. О. Триэля. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 478.

Литература

1. Абдрашитов Э.Е. Развитие социального и правового статуса военнопленного в ходе эволюции международного и российского законодательства (с древнейших времен до конца XX в.) / Э.Е. Абдрашитов. Казань : Издательство Казанского юридического института МВД России, 2007. 197 с.
2. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1917 год. Распад / О.Р. Айрапетов. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015. 416 с.
3. Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е.Ю. Бондаренко. Владивосток, 2004. 45 с.
4. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учеб. пособие / С.Н. Васильева. М.: Центр МГОПУ, 1999. 133 с.
5. Виноградов С.А. Русские военнопленные в югославских землях Австро-Венгрии, в Сербии и Черногории в 1914–1918 гг. / С.А. Виноградов // Новый часовой. 1997. № 5. С. 98–100.
6. Доклад г. Ф. Тормейера и д-ра Ф. Феррьера младшего (членов делегации Международного комитета Красного Креста) об их посещении лагерей военнопленных в России (октябрь 1915 г. — февраль 1916 г.) / пер. с фран. А.А. Салтыкова. Пг.: Государственная типография, 1916. 72 с.
7. Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 1: Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. / К.К. Звонарев. М.: Издание IV Управления штаба РККА, 1929. 84 с.
8. Лиддел Гарт Б.Г. Правда о Первой мировой войне / Б.Г. Лиддел Гарт; пер. с англ. О. Триэля. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 480 с.
9. Нагорная О.С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922) / О.С. Нагорная. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
10. Нахтигаль Р. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. / Р. Нахтигаль // Опыт мировых войн в истории России: сб. ст.; под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 83–94.
11. Ниманов И.Б. Некоторые проблемы содержания военнопленных в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны / И.Б. Ниманов // Российская провинция: история, культура, наука: материалы II–III Сафаргалиев. науч. чтений: сб. науч. ст.; ред.-кол. Н.М. Арсентьев (отв. ред.), Р.И. Александрова, В.П. Андронов и др. Саранск: Красный Октябрь, 1998. С. 365–366.
12. Олейников А.В. Кампания 1917 года на русском фронте Первой мировой войны / А.В. Олейников // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 4–15.
13. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т. 4: Демократия «страны нарушенного равновесия» / отв. ред. А.П. Ненароков. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 591 с.
14. Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны / Е.Ю. Сергеев // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78.
15. Смыслов О.С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях / О.С. Смыслов. М.: Вече, 2016. 464 с.
16. Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. / С.А. Солнцева // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–149.
17. Щеров И.П. Западный пленбеж (1918–1920 гг.) / И.П. Щеров // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 130–133.
18. Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке / В.В. Эрлихман. М.: Русская панорама, 2004. 215 с.

References

1. Abdrashitov E.E. Razvitie sotsialnogo i pravovogo statusa voennoplennogo v khode evolyutsii mezhdunarodnogo i rossiyskogo zakonodatelstva (s drevneyshikh vremen do kontsa XX v.) [Development of the Social and Legal Status of a Prisoner of War in the Course of the Evolution of the International and Russian Laws (from the Ancient Times to the Late XXth Century)] / E.E. Abdrashitov. Kazan : Izdatelstvo Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Kazan : publishing house of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 197 s.
2. Ayrapetov O.R. Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917): 1917 god. Raspad [Participation of the Russian Empire in the First World War (1914 to 1917): 1917. Collapse] / O.R. Ayrapetov. Moskva : Kuchkovo pole ; Voennaya kniga — Moscow : Kuchkovo Field ; Military Book, 2015. 416 s.

3. Bondarenko E.Yu. Inostranny'e voennoplenny'e na Dalnem Vostoke Rossii (1914–1956 gg.) : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Foreign Prisoners of War in the Russian Far East (1914 to 1956) : author's abstract of thesis of ... Doctor of History] / E.Yu. Bondarenko. Vladivostok — Vladivostok, 2004. 45 s.
4. Vasilyeva S.N. Voennoplenny'e Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody' Pervoy mirovoy voyny' : ucheb. posobie [German, Austro-Hungarian and Russian Prisoners of War During the First World War : textbook] / S.N. Vasilyeva. Moskva : Tsentr MGOPU — Moscow : Center of the Moscow State Open Pedagogical University, 1999. 133 s.
5. Vinogradov S.A. Russkie voennoplenny'e v yugoslavskikh zemlyakh Avstro-Vengrii, v Serbii i Chernogorii v 1914–1918 gg. [Russian Prisoners of War in the Yugoslavian Territories of Austro-Hungary, in Serbia and Montenegro in 1914 to 1918] / S.A. Vinogradov // Novy'y chasovoy — New Sentry. 1997. № 5. S. 98–100.
6. Doklad gg. F. Tormeyera i d-ra F. Ferrera mladshogo (chlenov delegatsii Mezhdunarodnogo komiteta Krasnogo Kresta) ob ikh poseschenii lagerey voennoplenny'kh v Rossii (oktyabr 1915 g. — fevral 1916 g.) [The Report of F. Thormeyer and Dr. F. Ferrier Junior (Members of the Delegation of the International Committee of the Red Cross) on Visits to Russian Prisoner of War Camps (October 1915 to February 1916)] / per. s fran. A.A. Saltykova. Petrograd : Gosudarstvennaya tipografiya — translated from French by A.A. Saltykov. Petrograd : State Printing Office, 1916. 72 s.
7. Zvonarev K.K. Agenturnaya razvedka. T. 1 : Russkaya agenturnaya razvedka vsekh vidov do i vo vremya voyny' 1914–1918 gg. [Secret Agent Intelligence. Vol. 1 : All Types of Russian Secret Agent Intelligence before and during the War of 1914 to 1918] / K.K. Zvonarev. Moskva : Izdanie IV Upravleniya shtaba RKKA — Moscow : Issue of the IVth Department of the Headquarters of the Workers' and Peasants' Red Army, 1929. 84 s.
8. Liddell Hart B.H. Pravda o Pervoy mirovoy voynе [The Truth about the First World War] / B.H. Liddell Hart ; per. s angl. O. Trielya. Moskva : Yauza : Eksmo — translated from English by O. Triel. Moscow : Yauza : Eksmo, 2010. 480 s.
9. Nagornaya O.S. «Drugoy voenny'y opyt»: rossiyskie voennoplenny'e Pervoy mirovoy voyny' v Germanii (1914–1922) [Different Military Experience: Russian Prisoners of War of the First World War in Germany (1914 to 1922)] / O.S. Nagornaya. Moskva : Novy'y khronograf — Moscow : New Chronicle, 2010. 440 s.
10. Nachtigall R. Osmotr lagerey voennoplenny'kh v Rossii sestrami miloserdiya Tsentralny'kh derzhav v 1915–1917 gg. [Examination of Russian Prisoner of War Camps by the Sisters of Charity of the Central Powers in 1915 to 1917] / R. Nachtigall // Opyt mirovy'kh voyn v istorii Rossii : sb. st. ; pod red. I.V. Narskogo i dr. Chelyabinsk : Kamenny'y poyas — World War Experience in the Russian History : collection of articles ; edited by I.V. Narsky et al. Chelyabinsk : Stone Belt, 2007. S. 83–94.
11. Nimanov I.B. Nekotory'e problemy' soderzhaniya voennoplenny'kh v Srednem Povolzhe v gody' Pervoy mirovoy voyny' [Some Issues of Maintenance of Prisoners of War in the Middle Volga During the First World War] / I.B. Nimanov // Rossiyskaya provintsiiya: istoriya, kultura, nauka : materialy' II–III Safargaliev. nauch. chteniy : sb. nauch. st. ; red.-kol. N.M. Arsentev (otv. red.), R.I. Aleksandrova, V.P. Andronov i dr. Saransk : Krasny'y Oktyabr — The Russian Province: History, Culture, Science : files of the IInd — IIIrd Safargaliev Scientific Readings : collection of scientific articles ; editorial board N.M. Arsentev (publishing editor), R.I. Aleksandrova, V.P. Andronov et al. Saransk : Red October, 1998. S. 365–366.
12. Oleynikov A.V. Kampaniya 1917 goda na russkom fronte Pervoy mirovoy voyny' [The 1917 Campaign on the Russian Front in the First World War] / A.V. Oleynikov // Voенно-istoricheskiy zhurnal — Military and Historical Journal. 2017. № 2. S. 4–15.
13. Pervaya mirovaya voyna v otsenke sovremennikov: vlast i rossiyskoe obschestvo. 1914–1918 : v 4 t. T. 4 : Demokratiya «strany' narushennogo ravnovesiya» [The First World War as Assessed by Contemporaries: the Government and the Russian Society. 1914 to 1918 : in 4 vol. Vol. 4 : Democracy of the 'Country of Overturned Equilibrium'] / otv. red. A.P. Nenarokov. Moskva : Politicheskaya entsiklopediya — publishing editor A.P. Nenarokov. Moscow : Political Encyclopedia, 2014. 591 s.
14. Sergeev E.Yu. Russkie voennoplenny'e v Germanii i Avstro-Vengrii v gody' Pervoy mirovoy voyny' [Russian Prisoners of War in Germany and Austro-Hungary During the First World War] / E.Yu. Sergeev // Novaya i noveyshaya istoriya — Modern and Contemporary History. 1996. № 4. S. 65–78.
15. Smyslov O.S. Plen. Zhizn i smert v nemetskikh lageryakh [Capture. Life and Death in German Camps] / O.S. Smyslov. Moskva : Veche — Moscow : Veche, 2016. 464 s.
16. Solntseva S.A. Voennoplenny'e v Rossii v 1917 g. [Prisoners of War in Russia in 1917] / S.A. Solntseva // Voprosy' istorii — Issues of History. 2002. № 1. S. 143–149.
17. Scherov I.P. Zapadny'y plenbezh (1918–1920 gg.) [The Western Prisoner and Refugee Board (1918 to 1920)] / I.P. Scherov // Voprosy' istorii — Issues of History. 1998. № 9. S. 130–133.
18. Erlikhman V.V. Poteri narodonaseleniya v XX veke [Loss of Human Population in the XXth Century] / V.V. Erlikhman. Moskva : Russkaya panorama — Moscow : Russian Panorama, 2004. 215 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-5-27-32

Закон об отмене Юрьева дня: состояние вопроса

Чупилкина Айгуль Фаридовна,
доцент кафедры профессиональных дисциплин
Самарского юридического института ФСИИ России,
кандидат юридических наук
aygul8@yandex.ru

Автор анализирует современные гипотезы и антигипотезы о введении «заповедных лет» в общегосударственном масштабе в 1592–1593 гг., которые до сих пор остаются открытыми. В результате акцентирует внимание на юридическом авторстве документа о закрепощении крестьян царя Федора I, заложившего фундамент под крепость многих поколений крестьян, представлявших собой преобладающую основу формирования русского народа и в большинстве своем являвшихся православными, фигура которого в силу трагической насмешки истории была канонизирована.

Ключевые слова: Федор I Иванович, крестьяне, крепостное право, Юрьев день, заповедные лета, урочные лета, Указ 1592–1593 гг., Указ 1597 г.

The Law on Yuri's Day Cancellation: the Issue Status

Chupilkina Aygul F.
Assistant Professor of the Department of Professional Disciplines of the SLI of the FPS of Russia
Candidate of Legal Sciences

The author examines the modern hypothesis and anticipates on the introduction of “forbidden years” on a national scale in 1592–1593., which still remain open. The result focuses on the legal authorship of the document about the enslavement of the peasants Tsar Feodor I — laid the Foundation for the fortress of many generations of peasants, representing the predominant basis for the formation of the Russian people and most of them were Orthodox — a figure which is in effect a tragic mockery of the story was canonized.

Keywords: Fyodor I Ivanovich, peasants, serfdom, St. George's day, forbidden years, fixed years, years 1592–1593 Decree, the Decree 1597.

В своем знаменитом произведении «Крестьяне на Руси» И.Д. Беляев пишет об общественном значении крестьян, резко распадающимся на три времени. Первому времени отведен промежуток от начала исторических известий о крестьянах почти до конца XVI столетия, когда они являлись еще носителями права полной свободы перехода, последующему — от конца XVI в. до второго десятилетия XVIII в., характеризующемуся узаконением прикрепления крестьян к земле, которые пользовались еще правами свободных людей, полноправных членов русского общества, и далее — третий период, при котором они превращаются «в полную безгласную собственность своих владельцев»¹.

Свою публикацию посвятим отправной точке крестьянского закрепощения — институту, на протяжении веков пронизывавшему российскую государственно-правовую материю. И ради исторической обстоятельности,

в качестве заметки, не обойдем по этому поводу более раннее во времени мнение масштабнейшего российского историка В.О. Ключевского, которое было опубликовано в двух номерах журнала «Русская мысль» 1885 г.²: «...именно холопство... было первичной формой крепостного состояния на Руси и оставалось господствующей его формой до самого законодательного своего упразднения»³; «Крепостное право возникло прежде, чем крестьяне стали крепостными, и выразалось именно в различных видах холопства»⁴. Напрямую автор ставит в упрек данный факт И.Д. Беляеву⁵, неучтение которого, безусловно, повлияло на весь ход исследования И.Д. Беляева о крестьянах.

Тем не менее, как начинал свою известную статью о заповедных и урочных годах Р.Г. Скрынников: «Основной законодательный

¹ Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. 4-е изд., без изм. против 1-го изд. М.: Изд. книгопродавца А.Д. Ступина, 1903. С. 5.

² Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России // Русская мысль. 1885. № 8. С. 10.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 11.

материал по крестьянскому вопросу сравнительно хорошо сохранился до наших дней и последовательно прослеживается с конца XV в. до Соборного Уложения. В этой цепи недостает лишь самого важного звена — закона об отмене Юрьева дня»⁶.

Несмотря на то что с момента написания известнейшего труда о крестьянах прошло более полутора веков, более современные гипотезы и антигипотезы в авторстве В.А. Аракчеева, В.И. Корецкого, Г.Н. Анпилова, В.М. Панеяха, Р.Г. Скрынникова о введении «заповедных лет» в общегосударственном масштабе в 1592–1593 гг. так и остаются открытыми.

Как известно, В.И. Корецкий разработал концепцию поэтапного закрепощения крестьян, в том числе в фундаментальной монографии «Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в.», где в качестве первоочередной задачи исследования ставится «проблема восстановления содержания исчезнувшего законодательства»⁷, историк гипотетически реконструировал указ 1592–1593 гг. из двух явлений — заповедных и урочных лет, являющихся фактами крепостительной практики 1580-х и 1590-х годов⁸. Данную версию он продолжил в своей книге «Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России»⁹, по которой защитил докторскую диссертацию.

Разработанная система В.И. Корецкого о закрепощении была подвергнута упорной и последовательной критике со стороны Г.Н. Анпилова, В.М. Панеяха и Р.Г. Скрынникова.

Поставим на вид, что В.М. Панеях в целом отдавал должное вводу В.И. Корецким «в научный оборот ранее неиспользованного либо малоиспользованного, а порой и уникального материала» и его попыткам «рассмотреть проблему закрепощения в различных ее аспектах»¹⁰. А также оправдывал некоторые утверждения В.И. Корецкого тем, что «в книге, посвященной исследованию столь слож-

ных проблем, отдельные аспекты не могут не вызвать споров»¹¹.

Именно к таким предметам полемики В.М. Панеях как раз отнес озвученные в монографии «Закрепощение крестьян и классовая борьба...» причины юридического оформления крепостного права в XVI в. и реконструкцию законодательства 1590-х годов о крестьянах.

Специалист размышляет о том, что правящие круги были вынуждены предпринимать шаги по выходу из тяжелейшего кризиса, в котором оказалась страна в результате правления Грозного. И наряду с отменой тарханов в 1584 г. указом начала 1590-х годов об обелении помещичьей пашни, «холопьем» законодательстве 1580–1590-х годов вполне уместным было бы поставить меру об отмене права крестьянского выхода. И задает вопрос: «Не намечалась ли она действительно как временная мера — в расчете на то, что... будет способствовать выходу из кризиса?»¹².

При этом оригинальная схема хода юридического закрепощения, предложенная В.И. Корецким, ключевая дата которой выпадает на 1592–1593 гг., В.М. Панеяхом ставится под сомнение, так как «из работы... трудно вынести сколько-нибудь ясное заключение о том, чем именно отличался режим, введенный указом о заповедных годах, от предписаний указа царя Федора», и также не отделяется временность действия заповедных лет¹³.

Г.Н. Анпилов после подробного обзора полностью опубликованных В.И. Корецким найденных документов¹⁴ заявил, что «попытка реконструкции содержания предполагаемого указа, основанная на не аргументированном допущении возможного заимствования составителями Уложения 9 марта 1607 г. положений гипотетического закона царя Федора, *при отсутствии необходимых данных* (выделено мной. — **А. Ч.**) о его достоверности, оказалась обреченной на неудачу»¹⁵.

Р.Г. Скрынников обращает наше внимание на то, что общее описание всех уездов Русского государства правительством произведено только при царе Федоре и с его первого года правления. Не представляется случайным факт хронологического совпадения первых несомненных документов о действиях заповедных лет и запрете крестьянских выходов в

⁶ Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича // История СССР. 1973. № 1. С. 99.

⁷ Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. : Наука, 1970. С. 8.

⁸ Там же. С. 118–119, 128–129, 140–153.

⁹ Корецкий В.И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М. : Наука, 1975. 392 с.

¹⁰ Панеях В.М. Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В.И. Корецкого) // История СССР. 1972. № 1. С. 157.

¹¹ Там же. С. 158.

¹² Там же. С. 160.

¹³ Там же. С. 161–162.

¹⁴ Анпилов Г.Н. К вопросу о законе 1592–1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах в конце XVI — первой половине XVII в. // История СССР. 1972. № 5. С. 160–177.

¹⁵ Там же. С. 165.

1585–1589 гг. с данными о проведении общей переписи. Цель переписи — учесть тяглое платежеспособное население¹⁶.

Но цель, добиться которой представляется делом нелегким даже сегодня, когда недоучет численности в 5% можно считать плохим результатом, в 10% — полным провалом, так как это обрекает государственное управление и всю последующую социальную и экономическую экспертизу на ошибочные оценки и действия, четыре с половиной столетия назад оказалась совершенно труднодостижимой. Массовое бегство крестьян (на более мелкие наделы), обусловленное непосильными поборами после истощивших страну войн, делало писцовые книги устаревшими еще до того, как Поместный приказ успевал их исправить и утвердить. Такие переходы вели к резкому падению податных поступлений в казну, в связи с чем правительством было принято решение о временном запрете крестьянских переходов. Юридическое решение предстало в виде указа царя, временно приостанавливающего действие норм Юрьева дня, на практике утративших силу, но еще не отмененных законодательством. Действительное же назначение указа заключалось в консервации практики бессрочного, безотказного и повсеместного своза крестьян помещиками.

При этом Р.Г. Скрынников концентрирует наш ход мыслей в русло того, что «Крестьянский выход запрещался до особого указа, до „выходных лет“, и уже этот факт сам по себе подразумевал возможность и необходимость возрождения „законных“ крестьянских переходов. ...запрет крестьянского выхода не был всесторонним. Первоначально „заповедь“ имела в виду лишь тех крестьян, которые владели двором и были ответственны за несение тягла»¹⁷.

Из данного описания явствует, что на тот исторический участок времени крестьяне не тяглые, не являющиеся прообразами современных предпринимателей-фермеров и, соответственно, не являющиеся налогоплательщиками, правительство особенно не интересовало. Таким образом, они могли и далее проводить свою территориальную ротацию даже после введения «заповеди».

Далее историк отмечает противоречие двух видов источников: Деревских писцовых книг 1582–1583 гг. и едровских обычных грамот 1585–1589 гг. Первые не содержат каких-либо упоминаний о введенной заповеди в едровских монастырях. Вторые, напротив, свидетельствуют об ее установлении. Для раз-

решения вопроса автор взвешивает юридическую силу найденных документов: «Для истории крестьян трудно найти источник, более авторитетный, чем писцовые книги. Писцовые материалы принадлежат к разряду основной юридической документации, фиксировавшей отношения помещиков и крестьян»¹⁸. Что же касается едровских грамот, то позднее, в своей монографии, Р.Г. Скрынников характеризовал их следующим образом: «Обыкновенные книги относились к разряду документов осведомительного характера»¹⁹.

Затем специалист в области истории России XVI–XVII вв. делает смелый вывод о том, что правительство Федора объявило заповедные годы именно задним числом²⁰. Несмотря на невероятность предположения, несообразность ситуации с юридической точки зрения, такое допущение снимает противоречие источников. И разумное объяснение этому имеется. В 70–80-х гг. XVI в. феодальные земледельцы свозили крестьян не в срок и без уплаты пожилого, вопреки положению Судебника. Соответственно, правительство Федора наказывало зарвавшихся помещиков за их незаконную практику своза крестьян.

Однако, говоря о территориально неравномерном характере вводимых норм, Р.Г. Скрынников считает, что «Долгие заповедные годы (с 1582–83 гг.) могли существовать только в пределах новгородских пятин... Гипотеза о долгих заповедных годах позволяет в какой-то мере объяснить разногласия источников относительно первых заповедных лет»²¹.

Наш современник В.А. Аракчеев неожиданно делает пересмотр юридической природы заповедных лет. Во-первых, в докторской диссертации он ставит на вид (или даже в упрек) то, что в прошлом у исследователей по большому счету отсутствовали расхождения по общему смыслу феномена заповедных лет. Во-вторых, проводит этимологический анализ, приводящий к мнению, что «заповедные годы — это розыские годы, а не запрещенные для переходов»²². Автор утверждает, что исконно заповедь соотносилась не с заповедной грамотой как результатом заповедания, а с процедурой заповедания — розыском

¹⁸ Там же. С. 121.

¹⁹ Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1985. С. 161.

²⁰ Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича. С. 121.

²¹ Там же. С. 122.

²² Аракчеев В.А. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011. С. 34–35.

¹⁶ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 118.

¹⁷ Там же. С. 118.

или объявлением в розыск, что нашло отражение в законодательных и распорядительных грамотах²³.

В.А. Аракчеев также считает гипотезу В.И. Корецкого об указе 1592–1593 гг., отменяющем Юрьев день, недоказанной: «Так как существенных отличий в практике крестьянских переходов в 1580-х и 1590-х гг. не наблюдается, наиболее экономным способом объяснения такого порядка вещей является признание того факта, что режим заповедных лет в 1590-х гг. превратился в устоявшийся порядок. Переход же с 1594 г. к ограничению сроков подачи исков о выезженных крестьянах пятью годами привел к исчезновению термина „заповедные годы“»²⁴.

Таким образом, несмотря на усилия историков как государства, так и права, вопрос об исходной точке закрепостительного процесса так и остается открытым. Как и во времена И.Д. Беляева, ближайший известный Указ о прикреплении датируется 1597 г.

Но предмет внимания, поставленный исследователями судьбы Российского государства, в ракурсе возложения эпохальной ответственности на первое лицо: «Кого из них (Ивана IV или его сына. — **А.Ч.**) следует считать подлинным закрепостителем крестьян?»²⁵, по-видимому, следует считать решенным.

Поскольку принятие во внимание как вероятностного факта исторического существования Указа о запрещении крестьянского выхода и объявлении писцовых книг юридическим основанием закрепощения крестьян в 1592–1593 гг., так и составление Указа 1597 г. об установлении «урочных лет» не является обстоятельством, искажающим его авторство: несмотря на разработанную теорию «заповедных лет» Б.Д. Грекова, в которой инициатором закрепощения крестьян выступил царь Иван IV²⁶, все же основоположником второго периода общественного значения крестьян, о котором писал И.Д. Беляев, является Федор I Иванович, царствовавший с 1584 по 1598 г. И в данном ключе тезис «царствовал,

но не правил» не является основанием его освобождения от исторической ответственности — подпись на документе является одним из фундаментальных реквизитов, придающих ему юридическую силу.

Почему мы обращаем внимание на юридическое авторство документа о закрепощении крестьян? Как известно, подписавший его царь канонизирован как «святой благоверный Федор I Иоаннович, царь Московский». Определенная логика данного причисления к лику святых, безусловно, имеется.

К примеру, у иностранцев-современников сложилось устойчивое мнение о том, что царствование Федора в целом было спокойным и даже полезным для Московской Руси: «...страна стала заметно процветать и население весьма возросло, ибо до того была почти совершенно опустошена и разорена вследствие великой тирании покойного великого князя и его военачальников (officieren) во всем ему подражавших, и начисто разорена и разграблена, теперь же только благодаря добросердию и кротости князя Федора, а также великому уменью Бориса снова начала оправляться и богатеть»²⁷.

Спустя 4,5 столетия затруднительно ответить на вопрос: явилось ли это благоприятным стечением обстоятельств, обусловленным в том числе и отсутствием четкого закона о престолонаследии в Московской Руси, личными качествами Федора I или исключительно свойствами его умного шурина Бориса Годунова?

В.О. Ключевский дает нам психологический портрет московских обывателей, сообщает об их внутренней почтительности и благодарности молодому царю после прошлых тяжестей опричнины и внешних войн, придавших Федору образ подвижничества особого рода: «Привычный и любимый облик (юродивого. — **А.Ч.**): это был в их глазах блаженный на престоле»²⁸.

Нужно полагать, что после 50 лет правления его отца, из которых последняя четверть века была тиранической, сам по себе уход из эмоций людей страха, ощущения непредсказуемости, в состоянии которых держалось народонаселение Московского государства, благостно отразился на этом коротком периоде русской истории.

Но, несмотря на то, что Федор изнурял себя духовными подвигами: «въ молит-

²³ Там же. С. 34.

²⁴ Аракчеев В.А. Закрепостительные мероприятия в Русском государстве в начале 1590-х гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12 (81). С. 64.

²⁵ Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича. С. 99.

²⁶ Греков Б.Д. Юрьев день и заповедные годы // Известия АН СССР. 1926. Т. XX. № 1–2; Его же. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.; Л.: Соцэкгиз, 1940; Его же. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. Кн. 2.

²⁷ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 36.

²⁸ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция сорок первая [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/> (дата обращения: 05.03.2018).

вахъ и молябахъ съ колѣнопреклонїи день и ночь, время всея жизни своя въ духовныхъ подвигахъ изнуривъ»²⁹, пришедшее воздаяние правящей семье в виде нового Венценосца, «осужденного природою на всегдашнее малолетство духа», боявшегося власти «как опасного повода к грехам»³⁰, и отсутствие иных потомков привело страну к критическому влиянию международного положения государства на его внутренний строй, к смутной эпохе самозванцев, тяжелейшим государственно-политическим и социально-экономическим кризисам и, наконец, к окончательной смене старой московской династии.

Мы уже частично рассматривали тематику крепостного права и отстаивали тезис о том, что крепостное право на раннем этапе име-

ло, бесспорно, государственное, а не лично-помещичье значение и носило вынужденный характер³¹. Этот факт, бесспорно, никак не обеляет последующие этапы института прикрепления, произошедшие при Петре I, Елизавете Петровне и Екатерине II³². Но особо укажем на то обстоятельство, что данный факт также не отменяет эпохальной ответственности подписавшего документ царя, — в силу трагической насмешки истории канонизирована была фигура, заложившая фундамент под крепость многих поколений *крестьян* (наиболее распространенная версия происхождения слова которого «*христианин*»), представлявших собой преобладающую основу формирования русского народа и в большинстве своем являвшихся православными.

²⁹ Тимофеев И. Временник дьяка Ивана Тимофеева: извлечено из 13 тома. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1907. С. 33.

³⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. X. Гл. I [Электронный ресурс] // URL: http://www.magister.msk.ru/library/history/karamzin/kar10_01.htm (дата обращения: 05.03.2018).

³¹ Чупикина А.Ф. Крепостное право и крестьянские общины как антагонизмы, или Некоторые размышления об аксиомах построения Российского государства // История государства и права. 2017. № 20. С. 46.

³² Там же. С. 47.

Литература

1. Анпилов Г.Н. К вопросу о законе 1592–1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных летах в конце XVI — первой половине XVII в. / Г.Н. Анпилов // История СССР. 1972. № 5. С. 161–171.
2. Аракчеев В.А. Закрепостительные мероприятия в Русском государстве в начале 1590-х гг. / В.А. Аракчеев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12 (81). С. 60–66.
3. Аракчеев В.А. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.А. Аракчеев. М., 2011. 51 с.
4. Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе / И.Д. Беляев. 4-е изд., без изм. против 1-го изд. М. : Изд. книгопродавца А.Д. Ступина, 1903. 306 с.
5. Греков Б.Д. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России / Б.Д. Греков. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1940. 116 с.
6. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века / Б.Д. Греков. М. : Издательство Академии наук СССР, 1954. Кн. 2. 467 с.
7. Греков Б.Д. Юрьев день и заповедные годы / Б.Д. Греков // Известия АН СССР. 1926. Т. XX. № 1–2. С. 67–84.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. X. Гл. I. / Н.М. Карамзин [Электронный ресурс] // URL: http://www.magister.msk.ru/library/history/karamzin/kar10_01.htm (дата обращения: 05.03.2018).
9. Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России / В.О. Ключевский // Русская мысль. 1885. № 8. С. 1–36.
10. Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России / В.О. Ключевский // Русская мысль. 1885. № 10. С. 46.
11. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция сорок первая / В.О. Ключевский [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/> (дата обращения: 05.03.2018).
12. Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. / В.И. Корецкий. М. : Наука, 1970. 368 с.
13. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России / В.И. Корецкий. М. : Наука, 1975. 390 с.
14. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / И. Масса. М. : Соцэкгиз, 1937. 206 с.
15. Панях В.М. Закрепощение крестьян в XVI в.: новые материалы, концепции, перспективы изучения (по поводу книги В.И. Корецкого) / В.М. Панях // История СССР. 1972. № 1. С. 160–163.
16. Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича / Р.Г. Скрынников // История СССР. 1973. № 1. С. 99–129.
17. Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени / Р.Г. Скрынников. 2-е изд., доп. М. : Мысль, 1985. 206 с.
18. Тимофеев И. Временник дьяка Ивана Тимофеева / И. Тимофеев. СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1907. [4] с., 5–216 стб.
19. Чупикина А.Ф. Крепостное право и крестьянские общины как антагонизмы, или Некоторые размышления об аксиомах построения Российского государства / А.Ф. Чупикина // История государства и права. 2017. № 20. С. 43–48.

References

1. Anpilov G.N. K voprosu o zakone 1592–1593 gg., otmenivshem vy'khod krestyanam, i urochn'kh letakh v kontse XVI — pervoy polovine XVII v. [On the Law of 1592 to 1593 Which Cancelled the Peasants' Right to Move

- from One Landowner to Another, and the Fixed Years in the Late XVIth to the First Half of the XVIIth Centuries] / G.N. Anpilogov // *Istoriya SSSR — History of the USSR*. 1972. № 5. S. 161–171.
2. Arakcheev V.A. Zakrepostitelny'e meropriyatiya v Russkom gosudarstve v nachale 1590-kh gg. [Serfdom Establishing Events in the Russian State in the Early 1590s] / V.A. Arakcheev // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena — News of the Herzen State Pedagogical University of Russia*. 2008. № 12 (81). S. 60–66.
 3. Arakcheev V.A. Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyagly'kh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny' XVI — nachala XVII v. : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [The Government Policy in Respect of the Russian Estates Owing Obligation in Labor and in Kind in the Second Half of the XVIth to the Early XVIIth Centuries : author's abstract of thesis of ... Doctor of History] / V.A. Arakcheev. Moskva — Moscow, 2011. 51 s.
 4. Belyaev I.D. Krestyane na Rusi. Issledovanie o postepennoy izmenenii znacheniya krestyan v russkom obschestve ; 4-e izd., bez izm. protiv 1-go izd. [Russian Peasants. Research on the Gradual Change of the Meaning of Peasants in the Russian Society ; 4th edition, with no changes as compared to the 1st edition] / I.D. Belyaev. Moskva : Izd. knigoprodavtsa A.D. Stupina — Moscow : publishing house of bookseller A.D. Stupin, 1903. 306 s.
 5. Grekov B.D. Glavneyshie etapy' v istorii krepostnogo prava v Rossii [The Key Stages in the History of the Russian Serfdom] / B.D. Grekov. Moskva ; Leningrad : Sotsekgiz — Moscow ; Leningrad : Socioeconomic State Publishing House, 1940. 116 s.
 6. Grekov B.D. Krestyane na Rusi s drevneyshikh vremen do XVII veka [Russian Peasants from the Ancient Times to the XVIIth Century] / B.D. Grekov. Moskva : Izdatelstvo Akademii nauk SSSR — Moscow : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. Kn. 2. 467 s.
 7. Grekov B.D. Yuryev den i zapovedny'e gody' [The Yuri's Day and the Forbidden Years] / B.D. Grekov // *Izvestiya AN SSSR — News of the Academy of Sciences of the USSR*. 1926. T. XX. № 1–2. S. 67–84.
 8. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. T. X. Gl. I. [The History of the Russian State. Vol. X. Ch. I] / N.M. Karamzin [Elektronny'y resurs — Electronic source] // URL: http://www.magister.msk.ru/library/history/karamzin/kar10_01.htm (data obrascheniya : 05.03.2018 — accessed : March 5, 2018).
 9. Klyuchevsky V.O. Proiskhozhdenie krepostnogo prava v Rossii [The Origins of the Russian Serfdom] / V.O. Klyuchevsky // *Russkaya my'sl — Russian Thought*. 1885. № 8. S. 1–36.
 10. Klyuchevsky V.O. Proiskhozhdenie krepostnogo prava v Rossii [The Origins of the Russian Serfdom] / V.O. Klyuchevsky // *Russkaya my'sl — Russian Thought*. 1885. № 10. S. 46.
 11. Klyuchevsky V.O. Russkaya istoriya. Polny'y kurs lektsiy. Lektsiya sorok pervaya [The Russian History. A Complete Course of Lectures. Lecture Forty-One] / V.O. Klyuchevsky [Elektronny'y resurs — Electronic source] // URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/> (data obrascheniya : 05.03.2018 — accessed : March 5, 2018).
 12. Koretsky V.I. Zakreposchenie krestyan i klassovaya borba v Rossii vo vtoroy polovine XVI v. [Enslavement of Peasants and Class Struggle in Russia in the Second Half of the XVIth Century] / V.I. Koretsky. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1970. 368 s.
 13. Koretsky V.I. Formirovanie krepostnogo prava i Pervaya krestyanskaya vojna v Rossii [Establishment of Serfdom and the First Peasant War in Russia] / V.I. Koretsky. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1975. 390 s.
 14. Massa I. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. [A Brief Report on Moscovia in the early XVIth Century] / I. Massa. Moskva : Sotsekgiz — Moscow : Socioeconomic State Publishing House, 1937. 206 s.
 15. Paneyakh V.M. Zakreposchenie krestyan v XVI v.: novy'e materialy', kontseptsii, perspektivy' izucheniya (po povodu knigi V.I. Koretskogo) [Enslavement of Peasants in the XVIth Century: New Files, Concepts, Research Prospects (Concerning the Book by V.I. Koretsky)] / V.M. Paneyakh // *Istoriya SSSR — History of the USSR*. 1972. № 1. S. 160–163.
 16. Skrynnikov R.G. Zapovedny'e i urochny'e gody' tsarya Fedora Ivanovicha [The Forbidden and the Fixed Years of Tsar Feodor Ioannovich] / R.G. Skrynnikov // *Istoriya SSSR — History of the USSR*. 1973. № 1. S. 99–129.
 17. Skrynnikov R.G. Rossiya nakanune Smutnogo vremeni ; 2-e izd., dop. [Russia on the Verge of the Time of Troubles ; 2nd edition, enlarged] / R.G. Skrynnikov. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1985. 206 s.
 18. Timofeev I. Vremennik dyaka Ivana Timofeeva [Chronicle by Clerk Ivan Timofeev] / I. Timofeev. Sankt-Peterburg : Tip. M.A. Aleksandrova — Saint Petersburg : M.A. Aleksandrov's printing office, 1907. [4] s., 5–216 stb.
 19. Chupilkina A.F. Krepostnoe pravo i krestyanskie obschiny' kak antagonizmy', ili Nekotory'e razmy'shleniya ob aksiomakh postroeniya Rossiyskogo gosudarstva [Serfdom and Peasant Communities as Antagonisms or Some Considerations on the Axioms of Russian State Building] / A.F. Chupilkina // *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*. 2017. № 20. S. 43–48.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-33-36

Генезис уголовного законодательства Руси в допетровское время (IX–XVII вв.)

*Журавлев Дмитрий Сергеевич,
адъюнкт факультета подготовки кадров
высшей квалификации и дополнительного
профессионального образования Санкт-Петербургского
военного института войск национальной гвардии
zhuravlev_ds@rambler.ru*

В статье исследуются источники военно-уголовного законодательства от Древней Руси до преобразований Петра I, рассматривается становление древнерусского права, переход от казуального к обычному праву, от устного обычного права к писаному праву.

Процесс становления права в период от IX до XVII вв. и преобразования Петра Великого позволяют показать эволюцию уголовного законодательства наиболее полно.

Ключевые слова: источник права, законодательство, право, наказание, армия.

Genesis of the Russian Criminal Laws in the Pre-Peter the Great's Period (the IXth – XVIIth Centuries)

*Zhuravlev Dmitry S.
Junior Scientific Assistant of the Department of Training of Staff
of the Highest Qualification and Additional Professional Education
of the Saint-Petersburg Military Institute of National Guard Troops*

The article examines the sources of military criminal law of Ancient Russia before the reforms of Peter I, considered the formation of the old Russian law, the transition from casual to customary law, customary law from oral to written law.

The process of becoming law in the period from IX to XVII centuries and conversion of Peter the Great allow to show the evolution of the criminal law most fully.

Keywords: the source of law, legislation, law, punishment, the army.

Появление права на Древней Руси большая часть ученых относит к IX в., связывая его с образованием Киевского государства. Основной формой выражения правовой нормы являлся обычай, который, как известно, не был писаным источником. Он происходил, как правило, из индивидуального убеждения, проявлявшегося в действиях отдельного лица.

У племен, ранее населявших Восточно-Европейскую равнину, не существовало единого обычного права, а были обычаи отдельных местностей: «Поляне бо своих отец обычаи имяху тих и кроток», «А радимичи и вятичи и северо один обычай имяху»¹.

Одновременно с обычаями источника права также являлись княжеские уставы и уставные грамоты, посвященные различным вопросам государственного управления, сбору налогов и судопроизводства.

Систематизация норм уголовного права начинается с Русской Правды.

Исходя из анализа норм, определенных в Русской Правде, следует, что только свободные люди и отчасти закупы пользовались личными и имущественными правами, а холопы не имели ни тех, ни других прав, за исключением права на жизнь.

Разделение на свободных и несвободных субъектов права отразилось и на системе преступлений и наказаний. Как при нарушении личных прав, так и при нарушении прав имущественных имело значение, кто их нарушил, свободный человек или нет.

В первом случае виновный наказывался по решению суда, а во втором все еще действовала «частная месть», когда наказание виновного, за исключением лишения его жизни, было правом хозяина холопа или лица, им «обиженного»².

Классовое неравенство в древнерусском праве особенно ярко выражено в нормах, охранявших жизнь и здоровье представителей

¹ Грибовский В.М. Древнерусское право (краткий обзор чтений по истории русского права). Вып. I. Пг.: Тип. «Двигатель», 1915. С. 13.

² Под обидой Русская Правда понимает любое преступление против личности или имущества.

привилегированной социальной группы. Так, за убийство князя мужа, княжеского тиуна, была установлена вира в размере 80 гривен (ст. 3). За убийство боярского тиуна, мечника или младших княжеских дружинников — 40 гривен (ст. 88).

Несмотря на отсутствие в Русской Правде норм, определявших ответственность служилых людей, в отношении княжеской дружины применялись меры ответственности по усмотрению князя, начиная от имущественного характера и заканчивая смертной казнью.

Совершение преступления в военное время считалось отягчающим обстоятельством.

Например, дружинник, виновный в совершении насильственных действий в отношении человека, в военное время подвергался смертной казни, а в мирное время назначаемое наказание было бы мягче.

Образование Русского централизованного государства отразилось и на развитии уголовного законодательства. В конце XV — середине XVI в. появляются законы Русского (Московского) государства: Судебник великого князя Ивана III 1497 г. и Судебник царя Ивана IV 1550 г.³

Судебник 1497 г. реализовывал две главные цели: во-первых, распространял юрисдикцию великого князя на всю территорию централизованного государства (устранение раздробленности государства), во-вторых, был ликвидирован правовой суверенитет отдельных княжеств.

Для содержания Судебника были характерны следующие особенности: нормы права излагались без четкой системы, открыто закреплялись привилегии господствовавшей социальной группы и устанавливалось дифференцированное по отношению к ним положение иных групп населения.

В Судебнике 1550 г. подробную регламентацию получили судебный процесс, уголовно-правовые и имущественные отношения. Усиливались черты разыскного процесса, был расширен круг субъектов преступления, а тяжесть наказания была поставлена в зависимость от социальной принадлежности преступника. Законодательство предусматривало формы вины, введено правило обратной силы закона.

Уголовное право претерпело изменения, как следствие, отражая обострение процессов, происходивших в обществе. По-новому

стало толковаться само понятие преступления. Если согласно Русской Правде преступными считались только такие деяния, которые наносили непосредственный ущерб человеку либо его имуществу, то судебники под преступлением стали толковать различные действия, которые так или иначе угрожали государству или господствующему классу в целом и поэтому запрещались законом.

Соответственно, изменился термин для обозначения преступления. Вместо «обида» оно стало именоваться «лихим делом»⁴.

Система преступлений включала:

- государственные преступления: «крамола» — измена князю, государству; заговор; мятеж и призыв к восстанию;
- должностные преступления и преступления против порядка управления и суда: взятка, казнокрадство, фальшивомонетничество, вынесение заведомо ложного судебного акта, нарушение установленного порядка судопроизводства, дача ложных показаний;
- преступления против личности: убийство, убийство господина, оскорбление чести и достоинства;
- имущественные преступления: грабеж, разбой, кража, похищение человека.

В этот период также изменяются и цели наказания. Если ранее целью наказания было возмещение ущерба, то теперь основной целью становится устрашение.

Появление новых целей способствовало изменению системы наказаний. Ранее преобладавшие имущественные меры воздействия уступали место новым видам — смертной и «торговой» казни (битье кнутом на торговой площади), которые применялись за различные преступления.

Законодательство не предусматривало форм смертной казни, и на практике они были весьма разнообразны (отсечение головы, повешение, утопление и др.). Часто применялось членовредительство (отрезание языка, ушей, ослепление).

В качестве дополнительных санкций применялись штрафы и денежные взыскания. Размер штрафа зависел от тяжести проступка и социального статуса потерпевшего.

Судебник 1497 г. вводил две формы судебного процесса. Обвинительно-состязательная форма применялась по делам о небольшой степени тяжести преступлений и по гражданским делам. В качестве доказательств судом принимались собственное признание, присяга, свидетельские показания, письменные документы (грамоты, договоры и т.п.).

³ Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова : в 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства (XIV–XVI вв.) / отв. ред. А.Д. Горский. М. : Юридическая литература, 1985. С. 29.

⁴ Там же. С. 27.

За предъявление исковых требований в суд, получение судебного акта, розыск ответчика и другие процессуальные действия Судебником устанавливались высокие судебные издержки, вследствие чего для бедного населения обращение в суд было практически невозможным.

Вторая форма судебного процесса — розыскная. Розыск применялся по государственному и другим тяжким преступлениям, по делам «лихих людей». Дело начиналось по инициативе государственного органа или должностного лица. Главными доказательствами были поимка с поличным, обыск и собственное признание, для получения которого могла применяться пытка.

Из разного наименования ратных людей того времени, будь-то стрельцы, копейщики, рейтары, драгуны, гусары, солдаты, пушкарки, затишники, воротники, казаки и так называемая полковая служба, состоявшая из окладных служилых людей всякого звания, стольников, стряпчих, дворян, жильцов, детей боярских и т.п. с их даточными, только одни стрельцы, единственное тогда постоянное войско, и пушкарки во всяких делах, кроме разбоя и «татбы» с поличным, имели свой собственный суд в стрельцком и пушкарском приказах. Все остальные служилые люди, собиравшиеся только в случае войны, в мирное время за все преступления подлежали общим судам, по роду дел⁵.

В XVII в. уголовное право развивалось в условиях резкого обострения классовых противоречий. Мощным толчком, послужившим его развитию, расширению круга деяний, подлежащих уголовному преследованию, были народные восстания в России. Уголовное законодательство стало носить все более ярко выраженный карательный характер, что было воплощено в Соборном уложении 1649 г.

Соборное уложение представляло собой компиляцию норм Русской Правды, иных сборников, существовавших в то время, например, Судебников 1497 и 1550 гг., источников византийского права (Эклоги и Прохирона), новелл Юстиниана, Литовского статута 1588 г. Несмотря на все рецепции зарубежного права, это был не просто сборник переводных законов, а переработанный и близкий к русскому укладу жизни кодекс.

Уложение предусматривало стадии преступления: умысел, покушение на преступление и совершение преступления. В отличие от Русской Правды по Уложению ответствен-

ность за преступление несли представители всех социальных групп, не исключая бояр и дворян, с одной стороны, крестьян и холопов — с другой. Вместе с тем оставался четко выраженным принцип привилегии. Тяжесть наказания зависела от социальной принадлежности потерпевшего и преступника. За одно и то же преступление наказание было тем сильнее, чем выше положение потерпевшего и ниже преступника⁶.

Одновременно с устрашением появилась новая цель — изоляция преступника от общества. Практиковалось пополнение казны за счет преступников путем конфискации их имущества и назначения штрафов.

Система наказаний, по Соборному уложению, предусматривала смертную казнь, телесные наказания, лишение свободы, лишение чести, имущественные взыскания (штрафы).

Смертная казнь применялась в 60 случаях и делилась на простую и квалифицированную (изошренную). К первому случаю относили отсечение головы, повешение, утопление. Ко второму — сожжение, залитое горло металлом, четвертование, колесование, закапывание в землю по плечи, «посаждение» на кол и некоторые другие. Для достижения наибольшего эффекта устрашения смертная казнь проводилась публично.

Телесные наказания, в свою очередь, разделялись на членовредительные и болезненные.

В первом случае преступникам отрезали руки, ноги, пальцы, уши, нос, язык, вырывали ноздри. Причинение вреда здоровью служило средством для опознавания преступников, осужденных, как правило, за разбой и «татбу».

Болезненные наказания представляли собой битье кнутом или батогами. Наиболее тяжелым было битье кнутом. Оно делилось на простое и нещадное и, как правило, представляло собой замаскированную смертную казнь. Около 100 статей Уложения содержат предписание о наказании кнутом без назначения конкретного количества ударов.

Следующим по тяжести наказаний было лишение свободы. Оно делилось на тюремное заключение и ссылку, причем ссылка в отдаленную местность разбойников и «татей» происходила непосредственно после отбытия тюремного заключения, которое было срочным, бессрочным и пожизненным. Срочное заключение продолжалось от одного дня до четырех лет, бессрочное — «до государева указу», «на сколько государь укажет».

⁵ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. С. 10.

⁶ Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. С. 217.

Уложение предусматривало использование заключенных на «государевых» работах в кандалах.

Лишение чести и чина применялось главным образом к служилым людям и носило позорящий характер. Позорящий характер носи-

ла и торговая казнь в отношении служилых и разного рода знатных людей.

Соборное уложение 1649 г. продолжало применяться в начале XVIII в., но многие нормы утратили силу после государственных преобразований Петра I.

Литература

1. Грибовский В.М. Древнерусское право (краткий обзор чтений по истории русского права) / В.М. Грибовский. Вып. I. Пг. : Тип. «Двигатель», 1915. 131 с.
2. Егошин О.А. Влияние отечественной политико-правовой мысли на институт воинских наказаний в России (середина XV — начало XX вв.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Егошин. Йошкар-Ола, 2015. 201 с.
3. Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России / А.Г. Маньков. Л. : Наука, 1980. 271 с.
4. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова : в 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства (XIV–XVI вв.) ; отв. ред. А.Д. Горский. М. : Юридическая литература, 1985. 519 с.
5. Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова : в 9 т. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. М. : Юридическая литература, 1984. 430 с.
6. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 674 с.
7. Толкаченко А.А. Правовые основы исполнения уголовных наказаний, применяемых к военнослужащим : дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Толкаченко М., 1997. 490 с.
8. Шендзиковский И.А. Конспект лекций по истории русского военно-уголовного законодательства / И.А. Шендзиковский. СПб. : Тип. Морского министерства в главном адмиралтействе, 1885. 214 с.

References

1. Gribovsky V.M. Drevnerusskoe pravo (kratkiy obzor chteniy po istorii russkogo prava) [The Law of the Ancient Rus (a Brief Overview of Readings on the Russian Law History)] / V.M. Gribovsky. Petrograd : Tip. «Dvigatel» — Petrograd : Engine printing office, 1915. Is. 1. 131 s.
2. Egochin O.A. Vliyaniye otechestvennoy politiko-pravovoy my'sli na institut voinskikh nakazaniy v Rossii (seredina XV — nachalo XX vv.): istoriko-pravovoe issledovanie : dis. ... kand. yurid. nauk [The Influence of the National Political and Legal Thought on the Institution of Military Punishments in Russia (the Middle of the XVth — Early XXth Centuries): Historical and Legal Research : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / O.A. Egochin. Yoshkar-Ola — Yoshkar-Ola, 2015. 201 s.
3. Mankov A.G. Ulozhenie 1649 goda. Kodeks feodalnogo prava Rossii [The Council Code of 1649. The Code of Feudal Law of Russia] / A.G. Mankov. Leningrad : Nauka — Leningrad : Science, 1980. 271 s.
4. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov ; pod obsch. red. O.I. Chistyakova : v 9 t. T. 2 : Zakonodatelstvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (XIV–XVI vv.) ; otv. red. A.D. Gorsky [The Russian Laws of the Xth — XXth Centurie ; under the general editorship of O.I. Chistyakov : in 9 vol. Vol. 2 : The Laws of the Period of Establishment and Strengthening of the Russian Centralized State (the XIVth — XVIth Centuries) ; publishing editor A.D. Gorsky]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1984. 519 s.
5. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov ; pod obsch. red. O.I. Chistyakova : v 9 t. T. 1 : Zakonodatelstvo Drevney Rusi [The Russian Laws of the Xth — XXth Centuries ; under the general editorship of O.I. Chistyakov : in 9 vol. Vol. 1 : The Laws of the Ancient Rus]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1984. 430 s.
6. Sergeevich V.I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava [Lectures and Research on the Ancient History of Russian Law] / V.I. Sergeevich. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1910. 674 s.
7. Tolkachenko A.A. Pravovy'e osnovy' ispolneniya ugolovny'kh nakazaniy, primenyaemy'kh k voennosluzhaschim : dis. ... d-ra yurid. nauk [Legal Bases of Enforcing Criminal Punishments Imposed on Military Personnel : thesis of ... Doctor of Law] / A.A. Tolkachenko. Moskva — Moscow, 1997. 490 s.
8. Shendzikovskiy I.A. Konspekt lektsiy po istorii russkogo voenno-ugolovnogo zakonodatelstva [A Compendium of Lectures on the History of Russian Military Criminal Laws] / I.A. Shendzikovskiy. Sankt-Peterburg : Tip. Morskogo ministerstva v glavnom admiralteystve — Saint Petersburg : printing office of the Navy Department in the Chief Admiralty, 1885. 214 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-37-40

Уголовно-правовая ответственность за недоносительство по политическим преступлениям в российском законодательстве и судебной практике (XVII—XVIII вв.)

*Данилова Наталья Викторовна,
преподаватель кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
29nvd29@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности формирования и законодательного закрепления уголовной ответственности за недоносительство по политическим преступлениям. Автор рассматривает первые законодательные источники, в которых устанавливалась публично-правовая обязанность доносов по политическим преступлениям. В статье анализируются важнейшие памятники отечественного права, закрепившие уголовно-правовую ответственность за несообщение властям о готовящихся или совершенных политических преступлениях, с приведением конкретных примеров из судебной практики.

Ключевые слова: донос, недоносительство, всеобщая обязанность доносов, несообщение о политическом преступлении, уголовно-правовая ответственность.

Criminal Law Liability for the Failure to Report Political Crimes in the Russian Laws and the Judicial Practice (the XVIIth – XVIIIth Centuries)

*Danilova Natalya V.
Lecturer of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

The article deals with the peculiarities of formation and legislative fixation of criminal responsibility for misprision in political crimes. The author considers first legislative sources where public law responsibility for misprision in political crimes was determined. The most important domestic law records establishing criminal responsibility for non-reporting to the authorities about upcoming or accomplished political crimes are analyzed in the article, particular examples of court practice being included.

Keywords: delation, misprision, universal obligation to delate, misprision in political crimes, criminal responsibility.

Вплоть до введения поправок¹ в Уголовный кодекс РФ 1996 г. (далее — УК РФ) недоносение о преступлении было декриминализовано, хотя еще предшествующий ему Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (далее — УК РСФСР) предусматривал институт недоносения о преступлении (ст. 19). Уголовная ответственность за соответствующие его виды наступала только в специально указанных

в Особенной части УК РСФСР 1960 г. случаях (ст. 88-1, 88-2, 189, 190).

Ныне действующий УК РФ 1996 г. (с поправками) предусматривает в Особенной части ответственность за недоносение только по особо тяжким преступлениям.

Представляется целесообразным, необходимым и небезынтересным проследить историю становления и развития такого вида уголовно-правовой ответственности, как ответственность за недоносительство властям со стороны частных лиц о готовящемся или уже совершенном преступлении.

Известный российский исследователь в области права конца XIX — начала XX в. Г.Г. Тельберг отмечал, что «политические пре-

¹ Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Рос. газ. 2016. 11 июля.

ступления, направлены ли они против целостности государства и внешней его безопасности или на внутреннюю смуту или внутренний переворот, во всех этих случаях затрагивают близко и непосредственно интересы лиц, правящих государством, их безопасность и власть, и напрягают в них энергию и потребность самозащиты»².

В истории отечественного уголовного права рассматриваемого периода политические преступления всегда относились к категории наиболее тяжких. Государство при этом использовало различные способы и средства пресечения и предупреждения указанных преступлений, к числу которых относился и «донос».

Обратимся к истокам формирования всеобщей обязанности доносить о готовящемся или уже совершенном преступлении и ответственности за недоносительство о нем.

Укрепление и возвышение власти московского самодержца способствовало появлению первых правовых норм об «извете» (доносе) — обязанности информирования властей о готовящихся политических преступлениях.

Впервые подобная всеобщая обязанность была введена в «Подкрестной записи на верность службы Царю Борису Федоровичу» (15.09.1598), в которой закреплялось правило о том, что любое лицо, которому стало известно о замышляемых кем-бы то ни было преступных деяниях — причинить вред государю, царице и детям, должно было извещать непосредственно самого монарха, либо его бояр, либо ближних людей: «...кто... похочет мыслити или делати, и яз то сведаю, и мне про того человека сказать», «не утаити мне того ни которыми делы, ни которою хитростию»³.

Нарушение обязательств, связанных с информированием властей о готовящихся политических преступлениях, содержащихся в «подкрестной записи» 1598 г., влекло за собой лишение виновного лица «Божьей милости» и церковного «благословения». Подобная мера в более поздних «крестоцеловальных» записях, по мнению Д.А. Савченко, «прямо не упоминается, но, безусловно, подразумевается»⁴.

«Подкрестная запись» 1606 г. содержала предписание немедленного донесения о вся-

ком «лихе» против государя: «...а кто мне учнет о каком лихе говорити на них Государей, и мне того человека не слушати... и поймав того человека сказати про него Государю или его ближним людем, а будет за которыми мерами поимать не лучится, и мне про того человека тотчас сказати Государю»⁵; «крестоцеловальная запись» 1606 г. повторяет и дополняет указанную обязанность: «...а что увижу, или услышу какое лихо, или какие неподобные речи про Государя Царя и Великого Князя Василия Ивановича всея Руси, и про его Царицу и Великую Княгиню и про их дети, и мне того не таити, а сказывати про то Государевым боярам, и воеводам и приказным людем в тех городах, в которых такое лихое дело и неподобные речи у кого услышу»⁶.

Определенной новеллой в «крестоцеловальной записи» 1613 г. являлась обязанность принесения доносов относительно «скопа или заговора»⁷, а «крестоцеловальная запись» 1645 г. указывала на обязанность сообщения властям не только о «скопе и заговоре и ином каком злом умысле», но и об измене⁸.

Таким образом, в содержание крестоцеловальных грамот конца XVI — начала XVII в. вводилась публично-правовая обязанность сообщения властям о любых преступлениях, направленных против жизни, здоровья представителя верховной власти, скопе и заговоре, измене.

Однако первым же кодифицированным актом, установившим не только публично-правовую обязанность для всех подданных Московского государства информирования («извещения») представителей государственной власти о готовящихся политических преступлениях, но и уголовно-правовую ответственность за недоносительство, являлось Соборное уложение 1649 г., принятое хотя и в условиях сословно-представительной монархии, но являвшееся по своей сути документом эпохи абсолютной монархии⁹.

Отмеченная обязанность закреплялась ст. 18 главы II «О государевой чести, и как его государское здоровье оберегать», предписывая со-

² Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М.: Тип. Императорского Московского ун-та, 1912. С. 1.

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 10. С. 59.

⁴ Савченко Д.А. Ответственность за государственные преступления в Московском царстве первой половины XVIII века. Новосибирск, 2013. С. 19.

⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи... № 44. С. 102.

⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. № 145. С. 305.

⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3. № 5. С. 15.

⁸ Там же. № 123. С. 421–422.

⁹ Исаев И.А. Правовая культура России. М.: Проспект, 2009. С. 17.

общать о «скопе и заговоре, или ином каком злом умысле», направленном против царя.

Причем в круг лиц, обязанных доносить, не входили иностранцы, пребывавшие в Московском государстве, что, по предположению Г.Г. Тельберга, могло быть связано с неэффективностью данной меры «в отношении иностранцев, которые... не имели здесь прочных связей, плохо вникали в дух и строй московской жизни, а потому едва ли могли с пользой для власти осуществлять обязанность извета»¹⁰.

Однако закон не освобождал от обязанности «извета» членов семьи лица, замешанного в государственном (политическом) преступлении: его супругу, детей, родителей, братьев и других родственников.

По этому поводу М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что «закон, идущий прямо в разрез с психологическими началами уголовного права, но объясняемый полицейскими целями, ибо замыслы преступника всего ближе известны его семье и родне»¹¹.

Определенный интерес вызывает тот факт, что в число субъектов, обязанных сообщать о политических преступлениях, входили также холопы и крепостные крестьяне.

В качестве меры уголовной ответственности за недоносительство, по ст. 19 главы II, закон предусматривал смертную казнь без всякой пощады: «...а будет кто сведав, или услыша на царское величество в каких людях скоп и заговор, или иной какой злой умысел, а государю и его государевым боярам и ближним людям, и в городах воеводам и приказным людям, про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил...».

Причем под «иным каким злым умыслом» могли подразумеваться не только посягательства на государево здоровье, измена, а также и «непристойные слова». Так, единомышленники Федора Шакловитого (начальника Стрелецкого приказа) за то, что они слышали «воровские непристойные слова и к смуте затеянные, государю про то не известили», были приговорены к битью кнутом и ссылке¹².

Соборное уложение царя Алексея Михайловича законодательно оформило всеобщую обязанность «политического извета», ранее основанную на «крестоцеловальных грамотах», и установило уголовно-правовую ответственность за нарушение указанной обязанности.

Существенные преобразования, произошедшие в государственной и политической системе России при ее вступлении в эпоху абсолютной монархии, непосредственным образом отразились на дальнейшей законодательной регламентации такого политического преступления, как недоносительство.

Всеобщая обязанность доносов по политическим преступлениям сохранялась не только в Петровскую эпоху, но и на протяжении всего XVIII в. Законодательные акты неоднократно повторяли о необходимости со стороны подданных всего государства доносить о преступлениях, направленных против государева здоровья и его чести, о бунте и измене.

Определенной новеллой петровского законодательства явилось включение в круг субъектов указанного состава преступлений священнослужителей. В соответствии с прибавлением к Духовному регламенту 1722 г. духовным лицам предписывалось доносить «про всякое несделанное... воровство... измену или бунт на Государя, или на Государство, или злое умышление на честь или здравие Государево, или на фамилию Его Величества», о котором они непосредственно узнавали в том числе и при таинстве покаяния (исповеди), «если исповедовавшийся не отложил намерения оное совершить». Нарушивший обязанность священнослужитель рассматривался как «противник и таковым злодеям согласник, паче же государственных вредов прикрыватель», наказывался лишением сана, имущества и «живота»¹³.

Так, в 1718 г. подьячий Докукин признался на исповеди московскому попу Аврааму о своем желании подать лично Петру I протест против установленного нового порядка престолонаследия. Ввиду того, что Авраам не сообщил «где надлежит... и тем своим злоумышленным делом весьма оного поощрил», он был подвергнут смертной казни¹⁴.

Артикул воинский 1715 г. с кратким толкованием также содержал нормы, обязывающие доносить о политических преступлениях, объем которых был существенно расширен в сравнении с Соборным уложением.

Смертная казнь грозила за несообщение властям как о готовящемся, так и о совершенном преступлении. Так, в толковании к арт. 19 главы 3 устанавливалась ответственность в виде четвертования и конфискации имущества для тех лиц, которые знали о преступных умыслах

¹⁰ Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 125.

¹¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. С. 339.

¹² Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 129–130.

¹³ Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. I : С. 1649 по 12.12.1825. СПб., 1830. Т. VI. № 4022. С. 687, 701. (Далее — ПСЗ РИ.)

¹⁴ Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое литературное обозрение, 1999. С. 181.

лах других лиц, направленных на совершение государственной измены, вооруженного выступления против монарха или лично против «его величества», и не донесли об этом.

Кроме того, за недоносительство о совершенной или готовящейся измене, о случаях шпионажа, о подозрительных людях виновный «по розыску дела, живота лишится, или на теле наказан будет» (арт. 129 главы 16). В толковании отмечается, что всякое лицо, которое знает или только догадывается о таких преступлениях и преступниках, обязано сообщить, хотя бы у него и не было точных фактов¹⁵.

Аналогичным образом по арт. 136 главы 17 наказывалось несообщение властям о случаях провокации «словом, или делом, или письмами» бунта и возмущения.

Смертная казнь и конфискация как движимого, так и недвижимого имущества угрожали недоносителям, которые слышали про «многие злые слова, касающиеся до превысокой чести Его Императорского Пресветлага Величества и весьма вредительная Государству»¹⁶.

В 1734 г. были приговорены к ссылке в Сибирь смоленский шляхтич Семен Корсак с супругой, поручик Иван Аршеневский, управляющий князя А.А. Черкасского Александр Пребышевский за то, что слышали от князя Александра Черкасского (смоленского губернатора) непристойные слова против Императорского Величества и государства «зело тяжкие и наиважнейшие изменнические и возмутительные умыслы», а о том не донесли¹⁷.

Обер-штер-кригс-комиссару Александру Зыбину в 1743 г. назначенная смертная казнь, по императорской милости была заменена

плетью и ссылкой за то, что «коварные их к лишению» Ее Императорского Величества «Престола замыслы и собственной Нашей персоне зловредные поношения, многократно от Натальи Лопухиной слышал и рассуждая, что то худо, а о том не доносил...»¹⁸.

За недоносительство о «злом умысле к возмущению», «оскорбительных словах» против Государыни Императрицы лейб-гвардии Измайловского полка капитан-поручик Иван Гурьев и квартирмейстер Петр Гурьев в 1762 г. вместо смертной казни были приговорены к пожизненной ссылке в Якутск с лишением чинов¹⁹.

Особая опасность и важность политических преступлений, которые затрагивали так или иначе интересы верховной власти, способствовали процессу криминализации специального состава — недоносения о них. За несообщение специально уполномоченным органам государственной власти о готовящихся или уже совершенных политических преступлениях предусматривались достаточно жестокие наказания как в законодательстве, так и на практике.

Таким образом, прослеживается четкая тенденция к конкретизации не только особо опасных преступных деяний, но и ответственности за недоносительство, предусмотренная значительным массивом законодательных актов.

На современном этапе, особенно на фоне разворачивающейся войны политических элит, а также на фоне террористических угроз недоносение о преступлениях такого рода становится дополнительной угрозой и требует адекватных ответных мер в виде ответственности, предусмотренной уголовным законодательством.

¹⁵ Памятники русского права. Законодательные акты Петра I. Вып. 8. М., 1961. С. 422.

¹⁶ ПСЗ РИ. Т. VI. № 3984. С. 666.

¹⁷ Там же. Т. IX. № 6647. С. 430.

¹⁸ Там же. Т. XI. № 8775. С. 883.

¹⁹ Там же. Т. XVI. № 11693. С. 92–93.

Литература

1. Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е.В. Анисимов. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 719 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 639 с.
3. Исаев И.А. Правовая культура России / И.А. Исаев. М. : Проспект, 2009. 96 с.
4. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века / Г.Г. Тельберг. М. : Тип. Императорского Московского университета, 1912. 342 с.

References

1. Anisimov E.V. Dy'ba i knut. Politicheskii sy'sk i russkoe obschestvo v XVIII veke [The Rack and Whip. Political Investigation and the Russian Society in the XVIIIth Century] / E.V. Anisimov. Moskva : Novee literaturnoe obozrenie — Moscow : New Literary Overview, 1999. 719 s.
2. Vladimirsky-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the Russian Law History] / M.F. Vladimirsky-Budanov. Rostov-na-Donu : Feniks — Rostov-on-Don : Phoenix, 1995. 639 s.
3. Isaev I.A. Pravovaya kultura Rossii [Russian Legal Culture] / I.A. Isaev. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2009. 96 s.
4. Telberg G.G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestupleniy v Moskovskom gosudarstve XVII veka [Sketches of Political Court and Political Crimes in the Moscow State in the XVIIth Century] / G.G. Telberg. Moskva : Tip. Imperatorskago Moskovskago un-ta — Moscow : printing office of the Imperial Moscow University, 1912. 342 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-41-43

О некоторых вопросах привлечения к уголовной ответственности должностных лиц (по материалам Новгородской губернии)

*Жуков Георгий Константинович,
заместитель начальника уголовно-судебного
отдела прокуратуры Новгородской области
Hagen5@yandex.ru*

В статье рассматриваются положения уголовно-процессуального законодательства Российской империи, регулировавшего порядок уголовного преследования должностных лиц. На примере из практики прокурорского надзора в Новгородском судебном округе анализируются особенности привлечения должностных лиц к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство в Российской империи, прокурорский надзор, уголовная ответственность должностных лиц, служебный иммунитет.

On Some Issues of Bringing Officials to Criminal Liability (Based on the Files of the Novgorod Governorate)

*Zhukov Georgy K.
Deputy Head of the Criminal Proceedings Department
of the Prosecutor's Office of the Novgorod Region*

The article examines the criminal procedure legislation provisions of the Russian Empire, which regulated the procedure of criminal prosecution of officials. With the example of public prosecutor's supervision practice in the Novgorod Court District the features of bringing officials to criminal responsibility are analyzed.

Keywords: criminal procedure in the Russian Empire, public prosecutor's supervision, criminal responsibility of officials, functional immunity.

Судебная реформа 1864 г. была и остается одним из наиболее удачных систематических государственных преобразований в сфере юстиции в нашей стране. Хотя идеализация или слепое копирование институтов судебной реформы недопустимы, опыт реформаторской деятельности Российского правительства в XIX столетии может и должен использоваться при проведении современной судебной реформы и совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Такое осторожное заимствование исторического опыта требует глубокого исследования принципиальных положений судебных уставов 1864 г., а также их практической реализации в различных регионах Российской империи.

Одним из институтов уголовно-процессуального права, зародившихся в дореволюционной России и прошедших частичную рецепцию в действующем уголовно-процессуальном регулировании, является специальный порядок привлечения к уголовной ответственности лиц с особым правовым статусом. Значимость данного института обусловлена необходимостью соблюдения баланса меж-

ду конституционным принципом равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) и публично-правовыми интересами защиты лиц, выполняющих важные общественные и государственные функции, от произвольного уголовного преследования и вмешательства в их служебную деятельность.

Соответственно, действие уголовно-процессуального закона по лицам базируется не только на принципе равенства, но и на некоторых иных основаниях. Так, должностное положение может обуславливать служебный иммунитет, т.е. особый порядок производства в отношении ряда категорий должностных лиц, включающий необходимость получения разрешений определенных инстанций на проведение в отношении этих лиц всех или некоторых процессуальных действий. Своим юридическим основанием он имеет не принцип равенства граждан, а другие правовые принципы — независимости судей, разделения властей и др.¹

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2012 // СПС «КонсультантПлюс».

Существование такого исключения определяется статусом лица, важностью выполняемых им функций и, как следствие, необходимостью особой защиты данного лица, в том числе от необоснованного применения мер административной либо уголовной ответственности².

По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) привлечение к ответственности должностных лиц требовало проведения согласительной процедуры с начальством обвиняемых, которая в литературе также именуется административной гарантией³.

Примечательно, что особенности уголовного преследования таких лиц применялись не только исходя из их должностного положения, но и характера инкриминируемого деяния — должностного преступления (кн. 3 р. 3 УУС). Отсутствие связи между должностным положением лица и фактическими обстоятельствами инкриминируемого деяния не требовало применения к нему соответствующих специальных правил.

В практике Новгородского судебного округа имелись факты различных правовых позиций прокуратуры и органов исполнительной власти по вопросам привлечения к уголовной ответственности должностных лиц.

Так, 9 мая 1907 г. Правительствующий Сенат в Соединенном Присутствии 1-го и Уголовного кассационного департаментов слушал дело по рапорту Новгородского губернского правления о разномыслии с прокурорским надзором по вопросу о привлечении к ответственности бывшего полицейского пешего стражника Крестецкого уезда Ивана Трифонова по обвинению его по ст. 346 Улож. о Наказ. (причинение государственным служащим при исполнении должностных обязанностей вреда здоровью потерпевшего).

Из процессуальных документов следовало, что 5 июля 1906 г. в д. Диговоши Крестецкого уезда был местный праздник. Вечером этого дня между крестьянами произошла драка, в которой полицейский пеший стражник И. Трифонов нанес обнаженной шашкой раны крестьянам Гавриилу Васильеву и Константину Ефимову, а также крестьянину

с. Старого Рахина Константину Парфенову. Раны, нанесенные этим крестьянам, по заключению крестецкого уездного врача, были отнесены к разряду легких. По постановлению крестецкого уездного исправника от 10 июля 1906 г. стражник Трифонов был уволен со службы.

Рассмотрев материалы о Трифонове, губернское правление нашло, что ему может быть предъявлено обвинение в том, что 5 июля 1906 г. он, будучи в нетрезвом виде, нанес телесные повреждения Васильеву, Ефимову и Парфенову. Усмотрев в действиях Трифонова признаки преступления, предусмотренного ст. 346 Улож. о Наказ., правление определило предать его суду, в связи с чем обратилось к прокурору Новгородского окружного суда. 12 декабря 1906 г. прокурор округа возвратил всю переписку о Трифонове и уведомил губернское правление, что названный Трифонов не может быть, по его мнению, предан суду по ст. 346 Уложения, так как из результатов дознания усматривается, что он причинил раны крестьянам, находясь в отпуске на родине и не будучи, следовательно, при исполнении своих служебных обязанностей. Поэтому, заключил прокурор, Трифонов подлежит привлечению к ответственности лишь по частной жалобе и притом в общем, а не должностном порядке уголовного судопроизводства.

Губернское правление, в свою очередь, не согласилось с заключением прокурорского надзора и постановило, что бывший полицейский Трифонов, хотя и был уволен по домашним обстоятельствам в отпуск на родину, однако во время возникшей между крестьянами д. Диговищи драки прибыл на место происшествия для усмирения дерущихся в качестве должностного лица, хотя и в пьяном виде, и имел при себе шашку, ношение которой присвоено никак не частному, а только должностному лицу, и нанес ею раны крестьянину Г. Трифонову и другим, сознавая себя должностным лицом. Также и свидетели происшествия признавали его не частным лицом — участником драки, а именно стражником. Правление посчитало, что если должностное лицо при совершении преступления воспользовалось своим служебным положением или званием, причем потерпевшие должны были признавать его исполняющим свои должностные обязанности, то при таких обстоятельствах обвиняемые могут быть привлечены к ответственности в должностном порядке уголовного судопроизводства. Поэтому, считая бывшего стражника Трифонова виновным по ст. 346 Улож. о Наказ., как нанесшего удары крестьянам при исполнении своих служебных

² Суменков С.Ю. Правовой иммунитет как исключение из правил: историко-правовой аспект // История государства и права. 2010. № 12. С. 41–43.

³ Карапетян А.А. Институт административного усмотрения при юридической ответственности должностных лиц в партийных концепциях кадетов и октябристов в начале XX века в России: к постановке проблемы // История государства и права. 2013. № 2. С. 19–24.

обязанностей, правление в соответствии со ст. 1093 УУС обратилось для разрешения возникших с прокуратурой разногласий в Правительствующий Сенат.

Сенат, выслушав заключение и.о. обер-прокурора, решил, что полицейский стражник И. Трифонов во время нанесения им ран крестьянам не находился при исполнении своих служебных обязанностей, так как был в отпуске. На этом основании, и принимая во внимание, что в действиях Трифонова не имеется признаков преступления, предусмотренного ст. 346 Улож. о Наказ., Сенат определил: настоящее дело, возбужденное в порядке, установленном для должностных преступлений, производством прекратить⁴. О сенатском ре-

шении новгородского прокурора уведомил и.о. обер-прокурора⁵.

Рассмотренный пример иллюстрирует не только тщательный подход прокуроров Новгородского окружного суда к правовой оценке результатов дознания и недопущение ими фактов искусственного завышения квалификации преступлений, но и показывает, что применение особого порядка производства по уголовным делам в отношении должностных лиц не было абсолютным: оценке подлежал не только сам статус привлекаемого к ответственности лица, но и характер вменяемых ему в вину действий, от которого зависела необходимость в применении к нему особой процедуры судопроизводства.

⁴ ГАНУ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 21. Л. 59, 59а.

⁵ Там же. Л. 58.

Литература

1. Карапетян Л.А. Институт административного усмотрения при юридической ответственности должностных лиц в партийных концепциях кадетов и октябристов в начале XX века в России: к постановке проблемы / Л.А. Карапетян // История государства и права. 2013. № 2. С. 19–24.
2. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский // СПС «КонсультантПлюс».
3. Суменков С.Ю. Правовой иммунитет как исключение из правил: историко-правовой аспект / С.Ю. Суменков // История государства и права. 2010. № 12. С. 41–43.

References

1. Karapetyan L.A. Institut administrativnogo usmotreniya pri yuridicheskoy otvetstvennosti dolzhnostny'kh lits v partiyny'kh kontseptsiyakh kadetov i oktyabristov v nachale XX veka v Rossii: k postanovke problemy' [The Institution of Administrative Discretion in the Legal Liability of Officials in the Party Concepts of the Kadets and the Octobrists in the Early XXth Century in Russia: Problem Setting] / L.A. Karapetyan // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 2. S. 19–24.
2. Smirnov A.V. Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation] / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskiy // SPS «KonsultantPlus» — ConsultantPlus reference legal system.
3. Sumenkov S.Yu. Pravovoy immunitet kak iskl'yucheniye iz pravil: istoriko-pravovoy aspekt [The Legal Immunity as an Exception from the Rules: a Historical and Legal Aspect] / S.Yu. Sumenkov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2010. № 12. S. 41–43.

О правовой защите несовершеннолетних в послереволюционный период

*Сулейманова Инна Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры
административно-правовых дисциплин
Уфимского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
innasuleymanova@mail.ru*

Анализируются особенности развития отечественного законодательства об ответственности за молодежную преступность и преступления, направленные против несовершеннолетних, в первые годы после Великой Октябрьской революции 1917 г. Автор приходит к выводу о том, что система защиты прав и законных интересов несовершеннолетних к началу XX в. не являлась совершенной. До принятия единого кодифицированного нормативного акта охрана прав несовершеннолетних обеспечивалась различными декретами, а с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. характеризовалась незначительной проработкой защиты прав и законных интересов подростков. Вместе с тем значительно больше внимания со стороны государства стало уделяться социальной защите детства и материнства, обеспечению нормального уровня социальной защиты несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, права и законные интересы, беспризорный, безнадзорный, декрет, уголовное право.

On the Legal Protection of Minors in the Post-Revolutionary Period

*Suleymanova Inna E.
Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

Analyzes the characteristics of development of domestic legislation on liability for juvenile delinquency and crime aiming against minors in the first years after the great October revolution of 1917. The author comes to the conclusion that the system of protection of rights and legitimate interests of minors by the beginning of XX century was not perfect. Prior to the adoption of a uniform codified normative act, the protection of minors was ensured by various decrees, and with the adoption of the Criminal code of the RSFSR of 1922 was characterized by a small study of the protection of rights and legitimate interests. However, much more attention from the state has been paid to social protection of childhood and motherhood, to ensure a normal level of social protection of minors.

Keywords: a minor, the rights and legitimate interests, homeless, neglected, decree, criminal law.

К началу XX столетия система защиты прав и законных интересов несовершеннолетних отвечала современным тенденциям развития общества и государства, но не являлась совершенной. Октябрьская революция 1917 г. кардинально изменила не только основные принципы, но и содержание уголовного права.

Великая Октябрьская революция создала первое в мире социалистическое уголовное право. «Новая власть, — отмечал Сталин, — создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком»¹.

Вместе с тем процесс создания нового уголовного законодательства начался не с соз-

дания крупного кодифицированного акта, а с принятия отдельных нормативно-правовых актов.

Так, особого внимания заслуживает декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних», согласно которому субъектом преступления признавалось лицо, достигшее возраста 17 лет. Лица, совершившие преступления в возрасте до 17 лет, подлежали ведению комиссий несовершеннолетних².

При сравнении данного положения с нормами современного российского уголовного законодательства обращает на себя внима-

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. С. 611.

² Герцензон А.А. История советского уголовного права. М.: Юридическое издательство, 1948. С. 148.

ние возраст субъекта преступления. На наш взгляд, позиция российского законодателя по данному вопросу представляется более правильной, поскольку несовершеннолетний в возрасте 16 лет в полной мере способен осознавать характер и степень общественной опасности преступного деяния.

Не менее важными документами, обеспечивающими защиту несовершеннолетних от противоправных посягательств, являлись декрет от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» и Инструкция о Комиссиях по делам несовершеннолетних. В данных документах предусматривалась судебная ответственность взрослых лиц за склонение несовершеннолетних и малолетних к совершению преступления, за соучастие с несовершеннолетними в преступлении, склонение несовершеннолетних и малолетних к проституции и половым извращениям, за эксплуатацию труда и за жестокое обращение с малолетними и несовершеннолетними.

Следует подчеркнуть, что ряд нормативных актов первых послереволюционных лет был направлен на профилактику беспризорности и безнадзорности. В связи с голодом, который существовал в стране, государство стремилось повысить уровень социального благополучия несовершеннолетних и их семей. По этой причине были приняты декрет от 14 сентября 1918 г. «Об усилении детского питания» и Постановление Совета народных комиссаров от 9 августа 1918 г. «О необходимости усиления детского пайка в местностях, охваченных голодом».

Также государственная защита сирот и беспризорных обеспечивалась декретом СНК РСФСР от 9 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних»³. Согласно ст. 1 данного декрета суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних упразднялись, а для разбора дел об их правонарушениях создавались комиссии для несовершеннолетних. В состав комиссии входили педагог, врач-психиатр и народный судья. Кроме того, при комиссиях был создан и специальный орган в лице обследователя-воспитателя, выполнявшего функции тщательного исследования дела несовершеннолетнего и дальнейшего его воспитания. Среди основных мер, которые применялись комиссиями, следует выделить: внушение, беседу, замечание, устройство на работу, помещение в интернат и отправку на родину.

³ Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. 14 янв.

12 декабря 1919 г. декреты, изданные советской властью, были обобщены в «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». Данный нормативно-правовой акт явился важным историческим этапом развития советского уголовного права. В его содержание входили только нормы Общей части, которые впоследствии стали прообразом Общей части будущего УК РСФСР 1922 г.

В «Руководящих началах» в целях дифференциации уголовной ответственности устанавливался иной возраст субъекта преступления. Субъектом преступления теперь признавалось физическое лицо, достигшее возраста 14 лет и действующее с «разумением». Лица, не достигшие возраста 14 лет и в возрасте от 14 до 18 лет, «действующие без разумения», при совершении преступления подвергались воспитательным мерам.

К 1922 г. ввиду отсутствия в «Руководящих началах» норм об уголовной ответственности за преступные посягательства возникла острая необходимость в создании и развитии Особенной части советского уголовного права. Будущая система Особенной части Уголовного кодекса создавалась на основе судебной практики, работы трибуналов, чрезвычайных комиссий и излагалась в многочисленных постановлениях и декретах. Первая попытка систематизации норм уголовного права была предпринята в научной статье Д.И. Курского, в которой отдельные декреты были систематизированы в 11 разделов и содержали карательные санкции. Данная статья имела особую практическую и теоретическую ценность в будущем при разработке Особенной части УК РСФСР.

Особенная часть УК РСФСР 1922 г. состояла из восьми глав, однако нормы об ответственности за преступления в отношении несовершеннолетних были сосредоточены лишь в двух главах:

— глава III «Нарушение правил об отделении церкви от государства» включала ст. 121⁴ об ответственности за преподавание детям религиозных вероучений в образовательных учреждениях. *Представляется, что данная норма способствовала развитию светского образования несовершеннолетних, однако одновременно воспрепятствовала реализации права на свободу совести;*

— глава V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»

⁴ «Преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах карается — принудительными работами на срок до одного года». См.: Уголовный кодекс РСФСР. 1926.

содержала ст. 148⁵ об ответственности за содействие и склонение к самоубийству несовершеннолетнего, ст. 162⁶ — об ответственности за похищение, сокрытие или подмену ребенка, ст. 163⁷ — об ответственности за оставление в опасности малолетнего, а также ст. 166⁸, 167⁹, 168¹⁰ — об ответственности за преступления в области половых отношений. *Как видим, круг преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства несовершеннолетних был ограничен и содержал лишь шесть составов преступлений в рассматриваемой главе.*

В первоначальной редакции Уголовный кодекс не содержал некоторых норм. Например, Законом от 16 октября 1924 г. в УК РСФСР была введена ст. 165-а об ответственности за неплатеж алиментов и оставление без поддержки детей. В объяснительной записке к изменениям и дополнениям Уголовного кодекса РСФСР указывалось, что «особо важное значение имело признание неплатежа алиментов уголовным преступлением. В этом выразилось отношение Советского государства к родительской обязанности как одной из важнейших обязанностей советского гражданина; злостное ее невыполнение отныне закон стал считать не только антиморальным поступком и гражданским правонарушением, но и общественно опасным деянием»¹¹.

⁵ «Содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали, карается — лишением свободы на срок до трех лет». См.: Там же.

⁶ «Похищение, сокрытие или подмена чужого ребенка с корыстной целью, из мести или иных личных видов карается — лишением свободы на срок не ниже пяти лет». См.: Там же.

⁷ «Оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни положении и лишенного возможности самосохранения по малолетству, дряхлости, болезни или вследствие иного беспомощного состояния, если оставивший без помощи был обязан иметь заботу о таком лице, карается — лишением свободы на срок до двух лет». См.: Там же.

⁸ «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, карается — лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией». См.: Там же.

⁹ «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением, или удовлетворение половой страсти в извращенных формах, карается — лишением свободы на срок не ниже пяти лет». См.: Там же.

¹⁰ «Развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их, карается — лишением свободы на срок до пяти лет». См.: Там же.

¹¹ ЕСЮ. 1924. № 35–36.

Интересно отметить, что в 1924 г. в УК РСФСР вводится наказуемость общественно опасных деяний, которые составляли пережитки родового быта (похищение женщин, брак с малолетней и др.). Указанные общественно опасные деяния сформировали новую главу в Уголовном кодексе — главу IX «Бытовые преступления»¹².

Также в первоначальную редакцию УК РСФСР от 1 июня 1922 г. были введены нормы об ответственности самих несовершеннолетних. Законом от 1 ноября 1922 г. было установлено обязательное снижение меры наказания для несовершеннолетних от 14 до 16 лет наполовину, для несовершеннолетних от 16 до 18 лет — на одну треть¹³. А законами от 27 июля и 7 сентября 1922 г.¹⁴ в ст. 33 УК РСФСР были введены важнейшие примечания, исключающие применение расстрела к несовершеннолетним и женщинам, находящимся в состоянии беременности.

Кроме того, в соответствии с Законом от 11 августа 1924 г. допускалось условное осуждение несовершеннолетних, а также усиливалась наказуемость посягательств на малолетних и несовершеннолетних. Так, в соответствии со ст. 25 к отягчающим обстоятельствам относилось совершение деяния в отношении лица, находящегося на попечении или особо беспомощного по возрасту, а в ст. 46 предусматривалась новая мера защиты детей в виде лишения родительских прав.

Таким образом, анализ отечественного уголовного законодательства о правовой защите несовершеннолетних в послереволюционный период позволяет выделить следующие особенности:

1) *УК РСФСР 1922 г. характеризовался незначительной проработкой защиты прав и законных интересов детей, поскольку в первоначальной редакции содержал лишь нормы об ответственности за преступления, посягающие на жизнь, здоровье, личную свободу, нормальное половое и нравственное развитие несовершеннолетних;*

2) *уголовная политика в сфере назначения наказаний в отношении несовершеннолетних имела тенденцию к смягчению, что подтверждается введением в УК РСФСР ст. 33, исключающей применение расстрела к несовершеннолетним и беременным женщинам;*

3) *значительно больше внимания со стороны государства стало уделяться вопросам защиты детства и материнства, обе-*

¹² СУ РСФСР. 1924. № 79.

¹³ СУ РСФСР. 1923. № 48.

¹⁴ СУ РСФСР. 1922. № 47, 58.

спечения нормального уровня социальной защиты несовершеннолетних, а также исправления и перевоспитания подростков,

вставших на преступный путь, что отразилось в различных декретах и постановлениях СНК РСФСР.

Литература

1. Герцензон А.А. История советского уголовного права / А.А. Герцензон. М. : Юридическое издательство, 1948. 466 с.
2. Сталин И.В. Вопросы ленинизма / И.В. Сталин. 10-е изд. М. : Партиздат ЦК ВКП (б), 1935. 655 с.

References

1. Gertsenzon A.A. Istoriya sovetskogo ugovornogo prava [History of the Soviet Criminal Law] / A.A. Gertsenzon. Moskva : Yuridicheskoe izdatelstvo — Moscow : Legal Publishing House, 1948. 466 p.
2. Stalin I.V. Voprosy' leninizma ; 10-e izd. [Issues of Leninism ; 10th edition] / I.V. Stalin. Moskva : Partizdat TsK VKP (b) — Moscow : Party Publishing House of the Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks, 1935. 655 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-47-51

Упрощенное производство дел о контрреволюционных преступлениях, 1934—1953 гг.

*Смирнов Владимир Николаевич,
доцент Уральского государственного
юридического университета (УрГЮУ),
член комиссии по вопросам помилования
на территории Свердловской области,
заслуженный юрист Российской Федерации,
кандидат юридических наук
sazonova.ekaterina97@yandex.ru*

После Октябрьской социалистической революции 1917 г. правом уголовной репрессии обладали различные несудебные органы. С 1 декабря 1934 г. было упрощено судопроизводство по делам о терроризме — в десятидневный срок, без участия сторон, без права обжалования и помилования, с немедленным исполнением смертных приговоров. Пострадали и погибли сотни тысяч невиновных, их реабилитация началась только в 1950-е годы. Конституция России учла тот горький опыт: правосудие отнесено к исключительной прерогативе судебной власти, чрезвычайные суды запрещены, провозглашены презумпция невиновности, процессуальная состязательность и равноправие сторон, право каждого на помощь адвоката с самого начала уголовного преследования и другие демократические принципы. В статье освещены эти вопросы.

Ключевые слова: ст. 58¹–58¹⁸ УК РСФСР, И.В. Сталин, С.М. Киров, А.А. Вышинский, Н.И. Ежов, В.В. Ульрих, «тройка», Особое совещание при НКВД — МГБ — МВД СССР, Приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., Большой террор, реабилитация.

Simplified Proceedings in Counter-Revolutionary Crime Cases, 1934 to 1953

*Smirnov Vladimir N.
Assistant Professor of the Ural State Law University (USLU)
Member of the Commission of Pardons of the Sverdlovsk Region
Honored Lawyer of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

After the October Socialist Revolution of 1917 right of criminal repression was granted to non-judicial authorities. Since 1st December 1934 terrorism proceedings were simplified and these cases were being

tried summarily within a ten-day period without involvement parties to an action, liberty to apply and right of pardon, but with immediate execution of judgements of death. Hundreds of thousands innocent convicted inmates lost their lives, their rehabilitation has begun only from the 50th years of the XX century. Constitution of the Russian Federation honored galling experience of those years: the administration of justice is an exclusive prerogative of judicial authority, creation of extraordinary judicial authorities shall not be allowed, assumption of innocence, adversarial system and equality of participants, right to qualified legal assistance of a lawyer from the moment of beginning of criminal prosecution are declared also as other fundamental democratic principles.

Keywords: articles 58¹–58¹⁸ the Criminal Code of Russian Soviet Federated Socialistic Republic (RSFSR), J.V. Stalin, S.M. Kirov, A.J. Vyshinsky, N.I. Ezhov, V.V. Ulrich, “troika”, Special Council of the NKVD — Ministry of State Security (MSS) USSR — Ministry of Internal Affairs USSR, order of NKVD USSR № 00447 of 30 July 1937, Great terror, rehabilitation.

Сто лет тому назад, 25 октября (7 ноября) 1917 г., в России произошла Октябрьская социалистическая революция. Неотъемлемой чертой новой большевистской советской власти стали идеологические преследования. Массы граждан были отнесены к «бывшим»: дворяне, буржуазия, духовенство, интеллигенция. В их число попали и адвокаты.

Автор выявил 24 работника Уральской (Свердловской) коллегии защитников (адвокатов), которые в 1923–1940 гг. подвергались арестам, были осуждены к лагерному сроку или расстреляны (это тема отдельного исследования).

Та государственная политика имела некую правовую базу: ст. 58¹–58¹⁸ УК РСФСР о контрреволюционных преступлениях в редакции 1926 г. и упрощенный порядок судопроизводства по таким делам.

1 декабря 1934 г. в Смольном пробравшийся туда молодой коммунист Николаев убил С.М. Кирова, члена Политбюро ЦК ВКП (б) и первого секретаря Ленинградской партийной организации.

С.М. Кирова называли «любимцем партии», считали соперником И.В. Сталина и были предположения, что именно по его приказу убили Кирова. Так ли это — неизвестно. Точно то, что убийство Кирова Сталин использовал для подтверждения идеи заговора, угрожающего стране, ее правительству и социализму¹.

Через несколько часов после смерти Кирова Сталин собственноручно подготовил Постановление ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», известное как «Закон от 1 декабря». Этот чрезвычайный акт упрощал процедуру по делам террористов:

- следствие заканчивать в срок не более 10 дней;
- обвинительное заключение вручать обвиняемым за сутки до рассмотрения дела в суде;

¹ Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. 2-е изд., испр. М.: Три века истории, 2001. С. 184–186.

- дела слушать без участия сторон;
- кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать;
- приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно.

В убийстве Кирова Сталин обвинил бывших оппозиционеров-троцкистов-зиновьевцев². По всей стране покатила волна процессов над их «идеологическими пособниками». Дела о терроризме относились к подсудности Военной коллегии Верховного суда СССР. Но с осени 1935 г. с подачи главы НКВД Н.И. Ежова и прокурора РСФСР А.Я. Вышинского решения о лицах, подлежащих этому суду, включая вид наказания, списочно стали принимать в Политбюро ВКП (б). А Военная коллегия под председательством армвоенюриста В.В. Ульриха лишь процессуально оформляла приговоры, которые исполнялись немедленно. Таким образом, Военная коллегия только в 1937–1938 гг. приговорила к расстрелу 39 000 человек, а всего осудила 44 000.

30 июля 1937 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов подписал Приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»³ (далее — Приказ № 00447). Эта операция вошла в историю под названием Большой террор. Учет всех подозрительных, преимущественно по их анкетам, вели органы НКВД. Для каждой союзной, ав-

² Троцкистско-зиновьевский блок в 1926–1927 гг. претендовал на создание оппозиционной политической партии. Троцкизм (по имени идеолога Л.Д. Троцкого) — крайне левое направление коммунизма. Группировка Троцкого была разгромлена, он был выслан в Алма-Ату (Казахстан), а в 1929 г. — за пределы СССР. В 1940 г. убит в Мексике в результате специальной операции советской разведки. В период с 1934 по 1953 г. одно только подозрение в принадлежности к троцкистской оппозиции могло послужить основанием для вынесения смертного приговора за контрреволюционное преступление (ст. 58¹⁰ УК РСФСР 1926 г.).

³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. ОП. 5. Д. 2. Л. 155–174; АП РФ. Ф. 3. ОП. 58. Д. 212. Л. 59–78.

тономной республики, края, области устанавливалась квота репресслируемых по категориям, первая — расстрел, вторая — заключение в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет.

Приказ охватывал 257 250 человек, из них ликвидации подлежали 81 350, но эти цифры были перекрыты в несколько раз. Дополнительные квоты давали НКВД и Политбюро. Только оно удовлетворило с сентября 1937 г. такие заявки на 200 000 человек⁴.

Рассмотрение дел вверялось несудебным органам — территориальным «тройкам» (начальник органа НКВД, секретарь ЦК ВКП (б) республики, крайкома, обкома, прокурор), персональный состав которых утвердил Ежов.

В Свердловской области, в которую тогда входил и Пермский край, план охватывал 10 000 человек, в том числе по первой категории — 4000. Фактически в течение двух лет УНКВД возбудило «контрреволюционных» дел на 45 823 человека. А расстреляли 19 410 человек, т.е. почти впятеро (4,85%) больше, чем намечалось по Приказу № 00447⁵.

Среди репрессированных оказались сотрудники Свердловского юридического института⁶: его первый директор профессор Ю.М. Позан, профессор И.А. Антропов, доцент П.А. Гордеев и председатель профкома студентов В.П. Мартиросян. Их фамилии значатся в «Списке лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР» — всего 82, по первой категории — 74, по второй — 8 человек. На титуле списка — подписи И. Сталина и В. Молотова, дата 10 июня 1938 г.⁷

А обвинительные заключения Ю.М. Позану, И.А. Антропову, П.А. Гордееву и В.П. Мартиросяну вручили 8 августа. Двухмесячная задержка предпрещенного приговора была вызвана ожиданием прибытия в Свердловск выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. 9 августа 1938 г. она рассмотрела дела на всех четверых, каждое в течение 15 минут. Все подсудимые приговорены к расстрелу как «участники контрреволюционной троцкистской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С.М. Кирова и подготовлявшей в последующие годы террористические акты против руководителей ЦК ВКП (б) и Совет-

ского правительства...» (ст. 58⁶, 58⁷, 58⁸, 58¹¹ УК РСФСР). Приговор исполнен в день его вынесения. Осужденные реабилитированы посмертно в 1958 и 1962 гг.⁸

За время «Большой чистки» партийные, государственные и хозяйственные органы подвергались неоднократным перетряскам. На XVIII съезде ВКП (б), в марте 1939 г., Сталин объявил, что с 1934 г. выдвинуто более 500 тыс. новых руководителей. Произошло полное перераспределение власти из рук старой гвардии (на XVII съезде ВКП (б), в марте 1934 г., она отдавала предпочтение Кирову)⁹ в руки послушной «сталинской» молодежи. И Сталин с осени 1938 г. сменил репрессивный курс на более умеренный.

17 ноября 1938 г. вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем прежде всего подтверждалась верность прежней генеральной линии. Но многое в деятельности НКВД и прокуратуры подверглось жесткой критике: «Массовые операции против вражеских элементов при упрощенном введении следствия и суда не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений... Органы прокуратуры сводят свое участие в расследовании к штампованию следственных материалов... не только не устраняют нарушений социалистической законности, но и фактически их узаконивают...».

«Безответственность и грубые нарушения процессуальных правил» в постановлении объяснялись традиционно — виноваты враги народа, пробравшиеся в центре и на местах в органы НКВД и прокуратуры. «Они совершали подлоги, фальсифицировали процессуальные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без оснований, создавали с провокационной целью „дела“ против невинных людей...».

Отныне запрещались массовые операции и аресты, ликвидировались «тройки», уголовные дела предписывалось передавать в суды и на Особое совещание при НКВД СССР.

В НКВД начались кадровые чистки, наркома Ежова обвинили в руководстве в наркомате контрреволюционной организацией и шпионаже и в феврале 1940 г. расстреляли. Так же, как и его предшественника Г.Г. Ягоду. Только Ягоду осудили шумно, в показательном деле антисоветского «право-троцкистского блока»¹⁰, а Ежова устранили тихо. Из-

⁴ Черная книга коммунизма... С. 191.

⁵ Книга памяти политических жертв политических репрессий. Свердловская область / кол. авт. Т. 10: А–Я. Екатеринбург: Управление архивами Свердловской области, 2014. С. 5.

⁶ В дальнейшем — Уральская государственная юридическая академия, ныне — Уральский государственный юридический университет.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 417. Л. 47–52.

⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп-2. Д. 25181, 26027, 23574, 31616.

⁹ История советского государства 1900–1991. М., 1992. С. 232.

¹⁰ Вышинский А.Я. Судебные речи. 4-е изд. М.: Госюриздат, 1995. С. 485–563.

лишнее внимание к репрессивным методам НКВД поставило бы под сомнение саму политику «Большой чистки». Также тихо прошла и низовая ротация.

В Свердловском УНКВД ведомственная проверка выявила фальсификацию уголовных дел, несколько фальсификаторов были осуждены. Однако это не повлекло пересмотра тысяч сфабрикованных ими обвинений. Лишь дела десяти граждан, которых приговорили к высшей мере наказания, но не успели расстрелять, затребовала Москва. Дела были прекращены, осужденных освободили. Об этом рассказал ныне покойный ветеран КГБ СССР подполковник В.Д. Чернускутов в статье под заголовком «Страна должна знать не только своих героев, но и антигероев», которую не успел опубликовать¹¹.

По материалам на бывших сотрудников Свердловского НКВД в 1941 г. выяснилось, что они фальсифицировали уголовное дело на 295 человек, которых местная «тройка» 13 мая 1938 г. приговорила к расстрелу. Это дело Тележкина И.И. и других, среди них два члена коллегии защитников: Корпачев Алексей Ильич и Ильин Михаил Евсеевич. А реабилитированы все осужденные были только в 1956 г., после развенчания сталинизма, благодаря родным, которые в ноябре 1953 г. дошли до ЦК КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР и в КГБ при Совете министров СССР, и их жалобам был дан ход. После «изучения материалов данного архивно-следственного дела, архивных дел оперативного учета и произведенной дополнительной проверки» военный прокурор Уральского военного округа внес надзорный протест в военный трибунал УралВО. В протесте сказано, что никакой контрреволюционной организации, куда якобы входили осужденные, не существовало. Из всех арестованных 20 свою вину не признали, а остальные 275 человек дали показания «в результате обмана, угроз и провокаций со стороны следователей, а также в результате камерной обработки осужденных... Следователи писали протоколы допроса в отсутствие арестованных, насыщая их различными вымышленными фактами. Включали в протоколы от 5 до 50 человек... искусственно создавали мнимые контрреволюционные формирования. Причем включенные в протокол лица часто даже не знали друг друга.

Сфальсифицированные протоколы передавались на подпись арестованным, предварительно обработанным в камерах „агитаторами“ и „колунами“... Арестованным через камерных „колунов“ внушалось о том,

¹¹ Чернускутов В.Д. Страна должна знать не только своих героев, но и антигероев // Личный архив автора.

что такие документы нужны советской власти для борьбы с действительными врагами, шпионами и диверсантами... В одно следственное производство объединены дела на 295 человек, хотя никакой организационной связи между ними не установлено. Без ознакомления обвиняемых с материалами предварительного следствия дело поспешно было передано на рассмотрение Тройки при УНКВД Свердловской области, которая всех привлеченных по делу арестованных приговорила к расстрелу¹². В протесте ставился вопрос о прекращении дела. Военный трибунал УралВО своим определением от 8 июля 1956 г. отменил решение «тройки» и уголовное дело «о каждом из перечисленных выше лиц производством прекратил за отсутствием состава преступления»¹³.

А до этого власти скрывали от сограждан злодеяния, страшные по масштабам и жестокости.

Слухи о чистках в НКВД вызвали вопросы и обращения с мест о применении пыток к «врагам народа» и о допущении в суды защиты по этим делам. Сталин ответил шифрограммой в адрес партийных секретарей и руководителей органов НКВД. В ней разъяснил, что «физическое воздействие в практике НКВД было разрешено ЦК ВКП (б) с 1937 г. И этот метод должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный»¹⁴.

А прокурор СССР М. Панкратьев в письме на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова предложил и впредь не допускать защиту по «контрреволюционным преступлениям, по ним, относящимся к 1937–1938 гг., подсудимые часто отказываются от своих показаний на следствии как вынужденных в силу применения к ним незаконных методов расследования. Такое поведение обвиняемых приводит суд к необходимости заняться выяснением не только вопросов самого факта и существа преступления, но и вопросов, связанных с методом проведения расследования. А это нежелательно, пока не будут рассмотрены дела о контрреволюционных преступлениях этого периода — 1937–1938 гг. Тем более что до настоящего времени Народный комиссариат Юстиции СССР не провел необходимой работы по проверке состава членов Коллегии защитников, и нет гарантии, что при допущении защитников с их стороны будет обеспечен правильный подход к этим делам»¹⁵.

¹² ГААСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 17160. Т. 54. Л. 44–46, 52–54.

¹³ Там же. Л. 80–90.

¹⁴ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 145.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 143. Л. 78–79.

Таким образом, при официальных обвинениях органов НКВД в проведении незаконных массовых репрессий они были взяты под защиту. Выход из Большого террора осуществляли без лишнего шума и в определенных рамках.

Только 1 сентября 1953 г. было ликвидировано Особое совещание при НКВД СССР как судебный орган, и Верховному суду СССР предоставлено право пересматривать по протесту Генерального прокурора СССР решения бывших коллегий ОГПУ, троек НКВД-УНКВД, Особого совещания при НКВД-МГБ-МВД СССР¹⁶.

При этом согласно Постановлению ЦК КПСС от декабря 1953 г. под реабилитацию не попадал период до 1 июня 1945 г.¹⁷ Хотя за 11 предыдущих лет, начиная с 1934 г., Особое совещание при НКВД СССР осудило 308 863 человека. Всего же им был осужден 442 531 человек, в том числе «к высшей мере наказания — 10 101, к лишению свободы — 360 921, к ссылке и высылке (в пределах страны) — 67 539, и к другим мерам наказания (зачет времени нахождения под стражей, высылка за границу, принудительное лечение) — 3970 человек»¹⁸.

Красноречивая характеристика процедуры Особого совещания отражена в письме А.Я. Вышинского от 31 мая 1939 г., занявшего к тому времени пост заместителя председателя СНК СССР, наркому внутренних А.П. Берии (сменившего Н.И. Ежова): «За последнее время в каждом заседании Особого совещания рассматривается от 200 до 300 дел, на каждое затрачивается до 1 минуты. Это, несомненно, не гарантирует нас от ошибок... даже при условии, что предварительно эти дела подвергаются просмотру в секретариате Особого совещания и прокурором.

Считаю необходимым просить Вас установить более частый созыв Особого совещания с рассмотрением в каждом заседании меньшего количества дел и увеличить количество часов каждого заседания»¹⁹.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 57. Д. 887. Л. 68.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 33. Л. 1–5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 143. Л. 39.

Конституция РФ учла этот горький опыт и установила, что правосудие осуществляется только судом, создание чрезвычайных судов не допускается (ст. 118). Судопроизводство осуществляется на основании состязательности и равноправия сторон (ст. 123). Каждому гарантировано право на получение квалифицированной юридической помощи и право пользоваться помощью адвоката с самого начала уголовного преследования (ст. 48). Провозглашена презумпция невиновности, согласно которой виновность каждого обвиняемого устанавливается в соответствии с законом и только вступившим в силу приговором суда, вынесенным в соответствии с законом (ст. 49). Действие этих и других конституционных демократических принципов получает свое развитие с течением времени.

17 апреля 2017 г. Федеральным законом № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесены поправки в УПК РФ, которые усиливают позиции адвокатов-защитников, создают дополнительные гарантии их деятельности при производстве уголовных дел. Президент Федеральной палаты адвокатов РФ Ю.С. Пилипенко назвал изменения «беспрецедентными с точки зрения защиты адвокатской тайны, адвокатского иммунитета»²⁰.

Российский уголовный процесс, названный в Конституции РФ и УПК РФ состязательным, в действительности носит смешанный характер. Досудебным стадиям свойственна разыскная, инквизиционная природа, «хозяйном» дела остаются дознаватель, следователь, прокурор. Здесь сторона защиты не является полноценным субъектом доказывания. Состязательность и формальное равенство сторон обвинения и защиты вполне проявляются в судебных стадиях. Надо ли эти начала перенести в досудебное производство — это большой вопрос. Несомненно то, чему нас учит история: недопустимы перекосы разумного соотношения, баланса публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве.

²⁰ Об авторитете адвокатуры // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2. С. 204.

Литература

1. Вышинский А.Я. Судебные речи / А.Я. Вышинский. 4-е изд. М.: Госюриздат, 1995. 568 с.
2. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. 2-е изд., испр. М.: Три века истории, 2001. 766 с.
3. Черноскутов В.Д. Страна должна знать не только своих героев, но и антигероев / В.Д. Черноскутов // Личный архив автора.

References

1. Vyshinsky A.Ya. Sudebnye rechi; 4-e izd. [Judicial Speeches; 4th edition] / A.Ya. Vyshinsky. Moskva: Gosyurizdat — Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1995. 568 s.
2. Chernaya kniga kommunizma. Prestupleniya, terror, repressii; 2-e izd., ispr. [The Black Book of Communism. Crimes, Terror, Repressions; 2nd edition, revised]. Moskva: Tri veka istorii — Moscow: Three Centuries of History, 2001. 766 s.
3. Chernoskutov V.D. Strana dolzhna znat ne tolko svoikh geroev, no i antigeroev [The Country Should Know not Only Its Heroes by Anti-Heroes as Well] / V.D. Chernoskutov // Lichnyy arkhiv avtora — the author's personal archive.

Система мер пресечения в свете судебной реформы 1864 г.

*Илюхина Вера Александровна,
доцент кафедры теории государства и права,
международного и европейского права Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук
eva3011@bbk.ru*

*Помощникова Надежда Владимировна,
преподаватель кафедры теории государства и права,
международного и европейского права Академии ФСИН России
nadia.pomoshchikova@mail.ru*

В статье исследуется система мер пресечения, существовавшая в период проведения судебной реформы 1864 г. Закрепленные Уставом уголовного судопроизводства меры пресечения ставили цель смягчить карательный характер существующей системы судопроизводства, устранить возможность их применения без достаточных на то оснований. Особое внимание авторы уделяют таким мерам пресечения, как домашний арест и взятие под стражу

В ходе изучения исторических источников авторы пришли к выводу, что домашний арест в определенной степени выступал своеобразным видом содержания под стражей, но при этом местом заключения является квартира обвиняемого. Домашний арест рассматривался как краткосрочная мера, заменяющая содержание под стражей в случае болезни, недостатка помещения и в случае исключительного общественного или семейного положения обвиняемого. Заключение под стражу, в свою очередь, имело место тогда, когда при применении более мягких мер пресечения существовала опасность возможности бегства обвиняемого или сокрытия им следов преступления.

Авторами анализируются статистические сведения по уголовным делам относительно количества случаев применения каждой из рассматриваемых мер пресечения.

Ключевые слова: судебная реформа, меры пресечения, отобрание вида на жительство, отдача под особый надзор полиции, отдача на поруки, залог, домашний арест, взятие под стражу.

The System of Restrictive Measures in View of the Judicial Reform of 1864

*Ilyukhina Vera A.
Assistant Professor of the Department of Theory of State and Law,
International and European Law of the Academy of the FPS of Russia
Candidate of Legal Sciences*

*Pomoschikova Nadezhda V.
Lecturer of the Department of Theory of State and Law,
International and European Law of the Academy of the FPS of Russia*

In article the system of measures of restraint existing during judicial reform of 1864 is investigated. The measures of restraint fixed by the Charter of criminal legal proceedings set the purpose to soften the retaliatory nature of the existing system of legal proceedings, to eliminate a possibility of their application without the bases, sufficient on that. Authors pay special attention to such measures of restraint as house arrest and taking prisoner.

During studying of historical sources authors have come to a conclusion that house arrest to some extent acted as a peculiar type of detention, but at the same time jail is the apartment of the defendant. House arrest was considered as the short-term measure replacing detention in case of a disease, a lack of the room and in case of exclusive social or marital status of the defendant. Detention in turn took place when at application of softer measures of restraint there was a danger of a possibility of escape of the defendant or concealment of traces of crime by him.

Authors analyze statistical data on criminal cases concerning quantity of cases of application of each of the considered measures of restraint.

Keywords: judicial reform, measures of restraint, confiscation of the residence permit, return under special supervision of police, return on bails, pledge, house arrest, taking prisoner.

Судебная реформа 1864 г. произвела коренные изменения в судоустройстве и судопроизводстве. Были провозглашены важнейшие для судебной системы принципы: отделение судебной власти от законодательной и исполнительной; независимость и незыблемость судей; равенство перед законом и судом; устность, гласность, состязательность судопроизводства.

Устав уголовного судопроизводства, введенный в действие в 1864 г., для воспрепятствования обвиняемым уклоняться от следствия содержал следующие меры:

1) отобрание вида на жительство или обя-зание их подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства;

- 2) отдача под особый надзор полиции;
- 3) отдача на поруки;
- 4) взятие залога;
- 5) домашний арест;
- 6) взятие под стражу.

В.К. Случевский классифицировал меры пресечения по трем категориям:

1. Лишающие обвиняемого физической возможности укрыться от суда и следствия посредством предварительного заключения его под стражу;

2. Создающие для обвиняемого препятствия к уклонению (отобрание вида на жительство, полицейский надзор);

3. Создающие в обвиняемом особые побуждения не уклоняться (поручительство, залог)¹.

В соответствии с действовавшим законодательством меры пресечения принимались:

- полицией;
- органами судебной власти, т.е. мировыми судьями, судебными следователями и общими судами².

В соответствии со ст. 76 и 415 Устава уголовного судопроизводства никто из обвиняемых не должен отлучаться без разрешения подлежащего следователя или суда из того города или участка, в котором производится дело, а в Мировом уставе обвиняемые при перемене жительства обязаны уведомлять о том мирового судью, у которого производится дело. Для воспрепятствования обвиняемому уклонения мировой судья может принять одну из мер пресечения.

Как отмечает профессор В.К. Случевский, «основания избрания меры пресечения могут меняться по мере развития следственных и судебных действий, следовательно, приходится заключить о праве судьи и следователя

менять принятые меры в течение всего производства у них дела»³.

М.В. Духовской выделяет общие положения для всех мер пресечения:

1. Не следует допускать ненужных стеснений для подсудимого;
2. К каждому подсудимому можно применять лишь одну меру пресечения⁴.

Рассмотрим подробнее, в чем заключается каждая из мер пресечения в отдельности.

1. Отобрание вида на жительство или обя-зание подпиской о явке к следователю и неотлучке с места жительства. Данная мера представляет собой сочетание двух различных мер пресечения: обяание подпиской состоит в на-поминании обвиняемому о лежащей на нем обязанности являться к следствию по требованию следователя и не отлучаться из своего места жительства без его разрешения. Обви-няемый не лишен права передвигаться, пере-езжать с места на место в пределах того участ-ка или города, где производится следствие, но не имеет права без разрешения следова-теля удаляться хотя бы временно за их пре-делы и обязан о каждой перемене места жи-тельства доводить немедленно до сведения следователя.

В свою очередь отобрание вида на жите-льство лишает обвиняемого возможности бес-препятственного передвижения в тех местах, где для этого требуется предъявление паспор-та. Смысл данной меры состоит в том, что ли-цо, у которого отбирался паспорт, теряло юри-дическую возможность переезжать с места в пределах того участка, где проводится след-ствие⁵.

2. Отдача под особый надзор полиции. Четкой регламентации данной меры пресече-ния установлено не было, в связи с чем она по-нималась и выполнялась различно. Как пишет П.В. Макалинский, «некоторые полицейские управления с отданных под их надзор обвиня-емых берут подписку о неотлучке из пределов их ведомства без особого дозволения, другие поручают местным полицейским чиновни-кам и служителям наведываться в известные сроки к лицу, состоящему под надзором, и та-ким образом иметь его всегда под наблюдени-ем, третьим вменяют в обязанность самому состоящему под надзором являться в поли-цейское управление, четвертых содержать в особом помещении или в дежурной комна-те, дозволяются отлучки в сопровождении по-лицейского служителя, пятые ограничивают-

¹ Случевский В.К. Учебник русского уголовного про-цесса. Судоустройство — судопроизводство. СПб., 1913. С. 368.

² Там же. С. 369.

³ Там же. С. 370.

⁴ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 255.

⁵ Случевский В.К. Указ. соч. С. 381.

ся простой отметкой в книгах полицейского управления, шестые применяют полицейский надзор отдачи обвиняемого на поруки без денежной ответственности и отобранием у него паспорта»⁶.

3. Отдача на поруки или поручительство заключалось в том, чтобы какое-либо состоятельное лицо, общество или учреждение вносило определенную денежную сумму в случае уклонения обвиняемого от следствия или суда.

4. Взятие залога. Данная мера однородна с поручительством, разница состоит лишь в том, что при поручительстве сумма вносится следователю в случае уклонения обвиняемого от следствия или суда, а при залоге эта сумма представляется следователю вперед.

5. Домашний арест как мера пресечения есть вид содержания под стражей, отличающийся от обыкновенного лишения свободы тем, что местом заключения является квартира обвиняемого⁷. П.И. Люблинский описывает порядок исполнения домашнего ареста следующим образом: «Обыкновенная форма его применения — помещение жандарма или полицейского служителя в дом обвиняемого. Эта мера применялась по отношению к лицам высших классов общества в случаях, где заключение под стражу было обязательно»⁸.

Л.А. Добкевич под домашним арестом рассматривает меру, заменяющую содержание под стражей в случае болезни, недостатка помещения и в случае исключительного общественного или семейного положения обвиняемого, который должен осуществляться приставленным в квартиру обвиняемого караулом. За уход из домашнего ареста обвиняемый наказывается мировым судом по ст. 63 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями как за самовольное оставление места, назначенного для жительства по законному распоряжению надлежащей судебной или правительственной власти⁹. Данную позицию не разделяет П.В. Макалинский: «Временный выход из квартиры не имеет ничего общего с оставлением места жительства, т.е. с выездом или выходом на более или менее продолжительное время из города, уезда или губернии, назначенных для житья»¹⁰. По его мнению, домашний арест представляется мерой, если и

не однородной с содержанием под стражей, то почти столь же обеспечивающей правосудие.

Как отмечал профессор А. Кистяковский, «этот способ отнятия у подсудимого способ уклониться от следствия и суда более достигается своей цели, чем полицейский надзор, но мера эта не устраняет возможности стачки и скрытия следов преступления, между тем она крайне обременительна для полиции и в большинстве случаев совершенно невозможна»¹¹. Таким образом, для применения домашнего ареста необходим многочисленный состав полицейских служителей, специально для этого назначенных. Соответственно, домашний арест применялся в отношении лиц, страдающих болезнью, препятствующей аресту при полиции или в тюрьме.

Как показывают исторические источники, домашний арест являлся краткосрочной мерой, применяемой к лицам, занимающим выдающееся общественное положение. В период действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. профессор В.Д. Кузьмин-Караваев в 1902 г. в своем докладе приводит статистические сведения по уголовным делам относительно числа случаев применения каждой из мер пресечения к осужденным в 1898 г. в общих судебных установлениях и в мировых судах и учреждениях, образованных по закону 12 июля 1889 г. В 1898 г. домашний арест применен к двум осужденным, в 1889 г. — ни к одному¹².

Необходимо отметить, что законодательное закрепление перечня преступлений, за совершение которых применяется домашний арест, отсутствует. Согласно историческим источникам, данная мера пресечения в первый раз была применена в апреле 1759 г. к графу Бестужеву-Рюмину, который во время следствия содержался под арестом в собственном доме. После этого домашнему аресту подвергались другие лица, пользовавшиеся привилегированным положением.

6. Заключение под стражу или арест является самой строгой мерой пресечения. Исходя из смысла судебных уставов назначение во время предварительного следствия ареста может иметь место тогда, когда при применении более мягких мер пресечения — залога или поручительства — остается опасение бегства обвиняемого или когда у него представляется возможность скрыть следы преступления. М.В. Духовской отмечал: «Следователь дол-

⁶ Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. СПб., 1871. Ч. II. С. 296.

⁷ Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906. С. 372.

⁸ Там же.

⁹ Добкевич Л.А. Настольный полицейский словарь. Одесса, 1904. С. 19.

¹⁰ Макалинский П.В. Указ. соч. С. 297.

¹¹ Тарасов И. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Киев, 1875. С. 65.

¹² Помошкова Н.В. Домашний арест в России: от меры наказания до меры пресечения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 106.

Таблица

Статистические сведения применения мер пресечения

Мера пресечения	Количество лиц, в отношении которых применялась мера пресечения	Количество лиц, в отношении которых применялась мера пресечения, назначаемая мировым судом и земскими начальниками
Содержание под стражей:		
— на срок до 1 месяца,	289	24 424
— на срок 1–3 месяца,	1232	5177
— на срок от 6 месяцев до 1 года,	6570	
— на срок более 1 года	1590	232
Домашний арест	2	
Залог	452	311
Отдача на поруки	2240	773
Отдача под надзор полиции	11 578	20
Отобрание вида на жительство или подписки о неотлучке	9605	56

жен приступить с большой осторожностью и лишь в том случае, когда нет иного выхода; исключение допускается на практике тогда, когда подсудимый не заслуживает никакого доверия, если это, например, абориген тюрьмы, рецидивист, если у него нет ни приюта, ни работы»¹³.

Для несовершеннолетних от 10 до 17 лет взятие под стражу заменяется помещением в исправительные приюты либо колонии для несовершеннолетних преступников или в подобные заведения для призрения детей, или они отдаются под присмотр частных лиц с обязательством их представления по требованию суда.

Относительно числа случаев применения каждой из рассмотренных мер пресечения свод статистических сведений по уголовным делам показывает следующее¹⁴ (см. табл.).

¹³ Духовской М.В. Указ. соч. С. 264.

¹⁴ Кузьмин-Караваев С.Д. Пресечение способов уклонения от следствия и от суда. СПб., 1902. С. 23.

Таким образом, в мировых судах содержание под стражей на практике выступает почти единственной мерой пресечения.

Меры пресечения прекращали свое существование с момента их отмены или оправдания подсудимого.

Как писал профессор П.И. Люблинский, «ни в одной стране нет такого богатства мер обеспечения, как в России, и, по-видимому, это есть ее преимущество, чем больше мер обеспечения, тем индивидуальнее может быть каждая и тем лучше она может быть приспособлена к личным свойствам обвиняемого»¹⁵. Судебная реформа 1864 г. явилась наиболее прогрессивной из всех либеральных реформ 1860–1870-х годов. Закрепленные Уставом уголовного судопроизводства меры пресечения ставили цель наметить условия, которые способствовали бы смягчению их карательного характера, устранению их применения без достаточных оснований, но, не смотря на это, карательный характер все-таки остается.

¹⁵ Люблинский П.И. Указ. соч. С. 332.

Литература

1. Добкевич Л.А. Настольный полицейский словарь / Л.А. Добкевич. Одесса, 1904. 362 с.
2. Духовской М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. М., 1910. 448 с.
3. Кузьмин-Караваев С.Д. Пресечение способов уклонения от следствия и от суда / С.Д. Кузьмин-Караваев. СПб., 1902. 59 с.
4. Люблинский П.И. Свобода личности в уголовном процессе / П.И. Люблинский. СПб., 1906. 711 с.
5. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах / П.В. Макалинский. СПб., 1871. Ч. II. 474 с.
6. Помошкова Н.В. Домашний арест в России: от меры наказания до меры пресечения / Н.В. Помошкова // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 105–107.
7. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство / В.К. Случевский. СПб., 1913. 683 с.
8. Тарасов И. Личное задержание как полицейская мера безопасности / И. Тарасов. Киев, 1875. 230 с.

References

1. Dobkevich L.A. *Nastolny'y politseyskiy slovar* [Desk Police Dictionary] / L.A. Dobkevich. Odessa — Odessa, 1904. 362 s.
2. Dukhovskoy M.V. *Russkiy ugovolny'y protsess* [The Russian Criminal Procedure] / M.V. Dukhovskoy. Moskva — Moscow, 1910. 448 s.
3. Kuzmin-Karavaev S.D. *Presechenie sposobov ukлонeniya ot sledstviya i ot suda* [Restriction of the Means to Evade Prosecution and Court] / S.D. Kuzmin-Karavaev. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1902. 38 s.
4. Lyublinsky P.I. *Svoboda lichnosti v ugovolnom protsesse* [Individual Freedom in the Criminal Procedure] / P.I. Lyublinsky. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1906. 711 s.
5. Makalinsky P.V. *Prakticheskoe rukovodstvo dlya sudebny'kh sledovateley, sostoyaschikh pri okruzhny'kh sudakh* [A Practical Guide for Court Investigators under District Courts] / P.V. Makalinsky. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1871. Ch. II. S. 102-104.
6. Pomoschikova N.V. *Domashniy arest v Rossii: ot mery' nakazaniya do mery' presecheniya* [Home Arrest in Russia: from a Punitive to a Restrictive Measure] / N.V. Pomoschikova // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* — Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4 (26). S. 105–107.
7. Sluchevsky V.K. *Uchebnik russkogo ugovolnogo protsessa. Sudoustroystvo — sudoproizvodstvo* [Textbook of the Russian Criminal Procedure. Judicial Administration — Proceedings] / V.K. Sluchevsky. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1918. 684 s.
8. Tarasov I. *Lichnoe zaderzhanie kak politseyskaya mera bezopasnosti* [Detention of an Individual as a Police Security Measure] / I. Tarasov. Kiev — Kiev, 1875. S. 254–276.

DOI: 10.18572/1812-3805-2018-5-56-59

Уголовно-правовая охрана государственной власти в Российской империи (по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.)

*Журавлев Андрей Леонидович,
доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
кандидат исторических наук
olegtui@mail.ru*

*Тарасов Никита Игоревич,
аспирант Международного юридического института
tarasov.nikita@mail.ru*

В статье рассмотрены исторические аспекты уголовно-правовой охраны государственной власти, представлены различные подходы к пониманию государственной власти, исследована система преступлений против государственной власти, закрепленная Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Автор предложил классификацию преступных деяний, объектом которых выступала государственная власть.

Ключевые слова: государственная власть, система преступлений, порядок управления, правосудие, Российское государство.

Criminal Law Protection of Government in the Russian Empire (under the Code of Criminal and Corrective Penalties of Russia of 1845)

*Zhuravlev Andrey L.
Assistant Professor of the Department of Theory of Law and State
and Legal Disciplines of the International Law Institute
Candidate of Historical Sciences*

*Tarasov Nikita I.
Postgraduate Student of the International Law Institute*

The article considers historical aspects of criminal law protection of state power, represented by various approaches to understanding state power, it studies the system of crimes against the state enshrined in the

ulozhenie about punishments of criminal and corrective 1845, the Author proposed a classification of criminal acts, the object of which was the state power.

Keywords: *the power of the state, the system of offences, administration, justice, the Russian government.*

Одним из приоритетных направлений современной уголовно-правовой политики является защита государственной власти от преступных посягательств. Раздел X Уголовного кодекса РФ¹, имея одноименное название, объединяет в данную группу ряд преступлений, посягающих на конституционный строй и безопасность государства (глава 29), интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30), правосудие (глава 31), порядок управления (глава 32). Родовым объектом данной группы преступлений выступает государственная власть. В целом преступления против государственной власти представляют собой запрещенные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на нормальную деятельность органов государственной (муниципальной) власти и управления.

Защита государственной власти уголовно-правовыми средствами представляет собой необходимую составляющую правовой деятельности государства на всех этапах его исторического развития.

В формально-юридическом смысле основополагающей категорией рассматриваемой группы преступлений является государственная власть. В политико-юридической науке представлены различные подходы к пониманию государственной власти. М.М. Сперанский во «Введении к уложению государственных законов» понимал под ней «державную власть», действие которой определено «законодательной, судной и исполнительной» функциями². Он настаивал, что в России «вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной. Власть судная в источнике своем не что другое есть, как власть исполнительная»³. По мнению Б.Н. Чичерина, государственная власть представляет собой разновидность общественной власти, наряду с патриархальной, гражданской и церковной⁴. Государственную власть он характеризует как «верховную», поскольку ее источником и носителем выступает «государство с системой

его органов»⁵. А.Д. Градовский отождествлял верховную государственную власть с императорской властью⁶. К основным функциям государственной власти П.А. Сорокин относил «законодательствование, суд, управление»⁷, тем самым отождествляя государственную власть с органами государства. Термин «государственная власть» как правовая категория понималась как совокупность властных государственных полномочий, а также как институциональная система. Такое понимание государственной власти, реализующей свои функции через систему государственных органов, характерно для правовой доктрины и отечественного законодательства. В частности, такой подход обнаруживаем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁸ (далее — Уложение 1845 г.).

Уложение 1845 г. является одним из крупных законодательных актов XIX столетия. Уложение 1845 г. разработано во II Отделении Собственной Его императорского Величества канцелярии под руководством М.М. Сперанского. Проблемы уголовно-правового обеспечения функционирования государственной власти можно рассматривать только в контексте социально-политической ситуации, сложившейся на момент принятия законодательного акта. Необходимость издания Уложения 1845 г. в 40-х годах XIX в. обусловлена конкретно-историческими условиями (внутреннего и внешнеполитического характера) предшествующего периода. Изданное в 1845 г., оно более 70 лет оставалось нормативной основой для борьбы с преступлениями против государственной власти, а также с общеуголовной преступностью.

Преступления, объектом которых выступает государственная власть, в уголовных кодификациях XIX в. не составляли самостоятельную группу. Большинство преступных деяний, посягающих на государственную

⁵ Там же. С. 51.

⁶ Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2016. Т. 1. С. 143–144.

⁷ Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. С. 145.

⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XX. СПб., 1846. № 19283.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Сперанский М.М. Юридические произведения / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 388.

³ Там же. С. 391–392.

⁴ Чичерин Б.Н. Общее государственное право / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006. С. 62.

власть, рассматривались как разновидность государственных преступлений.

В отечественной юридической науке представлены классификации преступлений, присутствующих в уголовных кодификациях середины — второй половины XIX в. В.И. Сергеевич предложил систему преступлений, традиционно основанную на различных видах нарушенных прав, выделив в юридической сфере права отдельного лица, права семьи, права церкви, права государства. Следовательно, система преступлений представлена преступлениями против личности, семьи, церкви и государства⁹. В пределах каждого вида В.И. Сергеевич выделил группы преступлений, объединенные конкретным объектом. Преступления, направленные против государства, представлены преступлениями против финансовых прав государства, против полицейской, военной, судебной власти, против неприкосновенности главы государства, против государственной целостности¹⁰. Другой подход к классификации государственных преступлений предложил А.С. Белогриц-Котляревский, сгруппировавший преступления, нарушающие интересы государства, следующим образом: политические преступления (посягательства на государство как на целостный политический механизм), преступления против порядка управления, преступления по службе¹¹.

Уложение 1845 г. сосредоточило преступления против государственной власти в нескольких разделах: третий раздел (устанавливал ответственность за государственные преступления); четвертый раздел (устанавливал ответственность за преступления против порядка управления); раздел пятый (устанавливал ответственность за преступления по службе государственной и общественной).

К преступлениям против государства российский законодатель середины XIX в. отнес: преступления, направленные против императора и членов императорской семьи (глава I третьего раздела), бунт против верховной власти и государственную измену (глава II третьего раздела), государственную измену и преступления, направленные против народного права (глава III третьего раздела). Преступления против государства составили особый предмет внимания законодательства середины XIX в. Наибольшее внимание

законодатель уделил регламентации преступных деяний, посягающих на императора как носителя верховной власти. Развивая и совершенствуя уголовно-правовую охрану императорской власти, Уложение 1845 г. сохранило преемственность с законодательством предшествующих периодов Российского государства.

Преступления против порядка управления составили самостоятельную группу. Реализация государственной власти предполагает право требовать от населения подчинения законам, законным требованиям и постановлениям, относящимся к существующим отраслям управления; преступные деяния, нарушающие это право, составляют особую группу государственных преступлений — преступления, направленные против порядка управления¹². А.С. Белогриц-Котляревский подразделил преступления против порядка управления на две группы: преступления против административной власти и преступления против судебной власти¹³. Уложение 1845 г. отнесло к преступлениям против порядка управления только преступления против власти административной. Уложение 1845 г. предусматривало несколько видов преступлений против порядка управления: сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение установленным правительством властям (глава I раздела 4), оскорбление и неуважение к присутственным местам и государственным чиновникам (глава II раздела 4), самовольное присвоение власти, составление подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства документов (глава III раздела 4), похищение документов и вещей из присутственных мест, уничтожение печатей и знаков, поставленных по распоряжению правительства (глава IV раздела 4), взлом тюрем и побег лиц, находящихся под надзором или под стражей (глава V раздела 4), участие в тайных обществах, а также запрещенных собраниях (глава VI раздела 4), незаконное оставление отечества (глава VII раздела 4).

В системе преступлений против службы государственной и общественной детально регламентируются преступления, выражающиеся в неисполнении указов, предписаний, законных служебных требований (глава I раздела 5), превышении власти и незаконном бездействии власти (глава II раздела 5), противозаконных поступках должностных лиц при управлении, а также хранении вверенного им государственного имущества (глава III раз-

⁹ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древнейшей истории русского права. СПб. : Тип. М.М. Слюсаревича, 1910. СПС «Гарант».

¹⁰ Там же.

¹¹ Белогриц-Котляревский А.С. Краткий курс русского уголовного права. Киев : Тип. «Петр барский», 1908. С. 241.

¹² Малиновский И. Лекции по истории русского права. Ростов н/Д : Издательство кооперативного товарищества «Единение», 1918. С. 312.

¹³ Белогриц-Котляревский А.С. Указ. соч. С. 244.

дела 5), служебном подлоге (глава IV раздела 5), неправосудии (глава V раздела 5), мздоимстве и лихоимстве государственных чиновников (глава VI раздела 5) и т.д. Раздел Уложения 1845 г., устанавливающий ответственность за преступления против государственной и общественной службы, был призван минимизировать деяния, связанные с использованием служебного положения в личных и корыстных целях, коррупцией в органах власти. Большинство преступлений против правосудия законодатель включил в систему преступных деяний, направленных против государственной службы (о неправосудном постановлении приговора, о незаконном освобождении от наказания, а также назначении необоснованного мягкого наказания и т.д.). Правовые нормы, содержащие ответственность за преступления, совершаемые лицами, которые не осуществляют правосудие, предусматривались в других главах: побег из тюрьмы (ст. 335–346 глава V «О взломе тюрем, уводе и побегах находящихся под стражей или надзо-

ром» раздела 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления»), ложная присяга (ст. 258–262 главы V «О лжеприсяге» раздела «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений»).

Исследование норм Уложения 1845 г. позволяет сформировать систему преступлений, объектом которых выступала государственная власть:

— преступления против императора как носителя государственной власти;

— преступления против порядка управления и как их разновидность преступления против государственной службы;

— преступления против правосудия.

Таким образом, Уложение 1845 г. отразило борьбу с преступлениями, объектом которых выступала государственная власть. Законодатель не выделил преступления против государственной власти в отдельную группу, однако спектр составов таких преступных деяний представлен достаточно широко.

Литература

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Краткий курс русского уголовного права / Л.С. Белогриц-Котляревский. Киев : Тип. «Петр Барский», 1908. 256 с.
2. Градовский А.Д. Начала русского государственного права : в 2 т. / А.Д. Градовский ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2016. Т. 1. 472 с.
3. Малиновский И. Лекции по истории русского права / И. Малиновский. Ростов н/Д : Издательство кооперативного товарищества «Единение», 1918. 488 с.
4. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древнейшей истории русского права / В.И. Сергеевич. СПб. : Тип. М.М. Слюсаревича, 1910. 667 с.
5. Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства / П.А. Сорокин. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. 240 с.
6. Сперанский М.М. Юридические произведения / М.М. Сперанский ; под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. 480 с.
7. Чичерин Б.Н. Общее государственное право / Б.Н. Чичерин ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2006. 536 с.

References

1. Belogrits-Kotlyarevsky L.S. Kratkiy kurs russkogo ugovornogo prava [A Brief Course of the Russian Criminal Law] / L.S. Belogrits-Kotlyarevsky. Kiev : Tip. «Petr Barskiy» — Kiev : Petr Barsky printing office, 1908. 256 s.
2. Gradovsky A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava : v 2 t. ; pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova [The Origins of the Russian State Law : in 2 vol. ; edited and foreword by V.A. Tomsinov] / A.D. Gradovsky. Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 2016. T. 1. 472 s.
3. Malinovsky I. Lektzii po istorii russkogo prava [Lectures on the History of Russian Law] / I. Malinovsky. Rostov-na-Donu : Izdatelstvo kooperativnogo tovarishestva «Edinenie» — Rostov-on-Don : publishing house of the Unity cooperative association, 1918. 488 s.
4. Sergeevich V.I. Lektzii i issledovaniya po drevneyshey istorii russkogo prava [Lectures and Research on the Ancient History of Russian Law] / V.I. Sergeevich. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Slyusarevicha — Saint Petersburg : M.M. Slyusarevich's printing office, 1910. 667 s.
5. Sorokin P.A. Elementarnyy uchebnik obschey teorii prava v svyazi s teoriey gosudarstva [Elementary Textbook of the General Theory of Law in Relation with the Theory of State] / P.A. Sorokin. Sankt-Peterburg : Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta — Saint Petersburg : publishing house of the Saint Petersburg University, 2009. 240 s.
6. Speransky M.M. Yuridicheskie proizvedeniya ; pod red. V.A. Tomsinova [Legal Writings ; edited by V.A. Tomsinov] / M.M. Speransky. Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 2008. 480 s.
7. Chicherin B.N. Obschee gosudarstvennoe pravo ; pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova [General State Law ; edited and foreword by V.A. Tomsinov] / B.N. Chicherin. Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 2006. 536 s.

Основания легитимации и факторы делигитимации российского права

*Ромашов Роман Анатольевич,
профессор кафедры
теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
romashov_tgp@mail.ru*

Производится сравнительный анализ имперской, советской и постсоветской государственно-правовых традиций в контексте легитимации/делигитимации формального (позитивного) права. Высказывается авторская позиция, в рамках которой этапы (эпохи) отечественной политико-правовой истории определяются конкретной личностью главы государства (фактического государя). В таком понимании правотворческий и правоприменительный процессы в основе своей предполагают легализацию (возведение в закон) государственной воли, персонифицированной в волеизъявлении главы государства. Исходя из непосредственной связи государства, права и «национальной идеи», предлагаются три триады, каждая из которых определяет суть национальной (государственной) идеи в рамках локального (обособленного) цикла российской государственности. Для Российской империи это «православие, самодержавие, народность», для СССР — «коммунизм, коллективизм, интернационализм», для современной России — «мультикультурализм, экономико-правовой индивидуализм, общегражданский (российский) национализм». Исходя из советской конституционно-исторической традиции делается вывод об идеологической природе советских конституций, которые, формально имея статус основного закона (СССР, союзных государств — республик), выполняли в большей степени идеологическую роль этапов социалистического строительства, связанных с конкретными лидерами советского коммунистического движения.

Ключевые слова: легальность, легитимность, конституция, закон, правовая традиция, президент, бюрократический волюнтаризм, законодательная активность, «суетливое» законодательство.

Grounds for Legitimation and Factors of Delegitimation of the Russian Law

*Romashov Roman A.
Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The article gives a comparative analysis of the imperial, Soviet and post-Soviet state and legal traditions in the framework of legitimation/delegitimation of formal (positive) law. The author's position is that it is the personality of the head of the state (actual sovereign) that determines the stages (epochs) of the national political and legal history. In such interpretation, the law making and law enforcement processes basically stipulate legalization (making legal) of the state will personified in the declaration of will of the head of the state. Judging from the direct link between the state, law and national idea, the author suggests three triads, each of which determines the essence of the national (state) idea within the local (singled out) cycle of the Russian statehood. These are Orthodoxy, autocracy, nationality for the Russian Empire; communism, collectivism, internationalism for the USSR; multi-culturalism, economic and legal individualism, general civil (Russian) nationalism for modern Russia. Judging from the Soviet constitutional and historical tradition, the author comes to a conclusion about the ideological nature of the Soviet constitutions, which having a formal status of a basic law (the USSR, union states — republics) played largely an ideological role of socialist building stages related to specific leaders of the Soviet communist movement.

Keywords: legality, legitimacy, constitution, law, legal tradition, president, bureaucratic voluntarism, legislative activities, fussy laws.

Легитимность — положительное отношение граждан, общественного мнения к действующим в конкретном государстве институтам власти (к числу которых в том числе относится право), признание их правомерности.

Для российской правовой традиции, которая является продолжением имперской и советской, характерно восприятие права и, как следствие, его легитимация/делегитимация в контексте двух взаимоисключающих подходов: правового идеализма и правового нигилизма.

Идеалистическое представление сводит право к общей справедливости, нигилистическое — к узаконенному произволу. В соответствии с первым принятие законодательного акта рассматривается в качестве реального средства решения той или иной проблемы. В соответствии со вторым — «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло». Причем и в первом, и во втором случаях основным правовым гарантом выступает глава государства — фактический государь, формальное наименование которого не имеет значения.

Право в России на всех этапах государственной истории — это возведенная в закон воля государства/государя. Отечественная история в своих основных этапах привязана не к объективным культурно-историческим и социально-экономическим факторам, а к субъективному видению государства и права со стороны отдельных государственных деятелей. Мы с легкостью, как и вполне очевидно в вещах говорим об исторических эпохах Петра и Екатерины «Великих», Сталина, Хрущева, Брежнева, Ельцина, Путина. При этом смена государственного правителя неизменно влечет изменение политического курса государства, а в ряде случаев и политического режима, что в свою очередь предопределяет широкомасштабную государственно-правовую реформу. В таком понимании легитимность права в сознании населения непосредственным образом связана с отношением к тому или иному правовому акту со стороны государя, во власти которого находится практически любой государственный акт, не исключая конституцию.

В подтверждение сказанного — несколько цитат.

Президент РФ Владимир Путин: «Если бы я считал, что тоталитарная или авторитарная система является для нас наиболее предпочтительной, то я бы просто изменил Конституцию, как Вы понимаете, это было легко сделать. Это же не требует даже какого-то всенародного голосования, достаточно было провести это решение в

парламенте»¹; «Я никогда не менял конституцию... И у меня нет таких планов на сегодняшний день»².

Пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков: «Он (Президент РФ. — **РР**) не сделал этого в 2008 году. Если предположить, что тогда он захотел бы это сделать, он мог с легкостью это сделать — изменить Конституцию в соответствии со своими собственными политическими перспективами. Но он этого не сделал, и у нас нет ни малейшей причины считать, что он будет подгонять Конституцию под свою политическую волю»³.

Из процитированных слов как самого Президента РФ, так и его пресс-секретаря ясно, что ни тот, ни другой не сомневаются в фактической возможности изменения основного закона государства по воле «первого лица». Причем, как показывает история, если каких-то планов у Президента РФ нет сегодня, вовсе не факт, что они не появятся в перспективе.

Пример:

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы».

«Внести в Конституцию Российской Федерации, принятую всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (Российская газета, 1993, 25 декабря), следующие изменения:

1) часть 1 статьи 81 изложить в следующей редакции:

„1. Президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании“.

Следует напомнить, что право на законодательную инициативу в отношении внесения указанной поправки Конституции РФ использовал Президент РФ Д.А. Медведев, который на второй срок выборов свою кандидатуру не выставлял, заявив, что, несмотря на то что «к нему, как к действующему президенту сохраняется достаточно высокая степень доверия, он обладает приличным для нынешней ситуации избирательным рейтин-

¹ Пресс-конференция В.В. Путина 20.12.2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17173>

² Путин: «Я никогда не менял Конституцию» [Электронный ресурс] // URL: <http://kaliningrad-life.ru/Politics-Society/putin-ya-nikогда-ne-menyal-konstituciyu.html>

³ Песков: «Путин не намерен менять Конституцию в своих интересах» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1995444/>

гом. Но, с другой стороны, премьер-министр Путин, безусловно, в настоящий момент самый авторитетный политик в нашей стране, и его рейтинг несколько выше. Это практические, но очень важные вещи, которые должен принимать во внимание любой политик, если он хочет приносить пользу своей стране, а не толкаться локтями»⁴. Таким образом, очевидно, что, иницируя изменение Конституции, Д.А. Медведев действовал в интересах будущего президента, не сомневаясь, что им будет В.В. Путин. Приведенный пример наглядно свидетельствует, насколько легко может быть изменена Конституция, в том числе и в таких ключевых положениях, как порядок и сроки избрания главы государства — Президента РФ.

Еще одним способом фактического изменения российской Конституции без изменения ее текста является указное правотворчество Президента РФ и легальное толкование конституционных положений Конституционным Судом РФ.

Как известно главы 1, 2, 9 Конституции РФ могут быть изменены только путем принятия новой Конституции (п. 1 ст. 135).

Расположенная в главе 2 Конституции ст. 20 гласит: «1. Каждый имеет право на жизнь. 2. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей». В качестве вида наказания смертную казнь закрепляют также ст. 44, 59 действующего УК РФ, ст. 186 УИК РФ.

Вместе с тем в настоящее время фактическая отмена перечисленных статей обусловлена подзаконными актами, которые, с одной стороны, не содержат прямого указания на прекращение действия перечисленных норм, а с другой — практически вносят реальные изменения в российскую Конституцию, уголовный и уголовно-исполнительный законы. Речь идет об Указе Президента РФ Б.Н. Ельцина 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в состав Европы»⁵, а

также о постановлении КС РФ 1999 г., запрещающем нарушать мораторий на смертную казнь, введенный в 1996 г., вплоть до появления судов присяжных заседателей во всех субъектах Федерации. Когда же эти суды были повсеместно созданы, то КС РФ издал постановление, в котором указал, что наличие таких судебных инстанций в России не может быть основанием для использования данного наказания, так как сложилась многолетняя практика ее неприменения⁶. Таким образом, фактически Президент РФ и Конституционный Суд РФ изменили содержание главы 2 Конституции РФ, не внося в нее текстуальных изменений.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют, что в российской правовой системе достаточно легко можно поменять основной закон — Конституцию. Если же говорить о законах более низкого уровня, то их изменчивость не поддается какой бы то ни было последовательности и носит, говоря словами авторитетного ученого в области уголовного права профессора Т.В. Кленовой, «суевольный характер», обусловленный не наукоемкими технологиями, а стремлениями чиновничьего корпуса уловить «властные веяния» и придать этим веяниям узаконенный характер. Обусловленная «суевольным законодательством» непоследовательность обуславливает невыполнение задач, поставленных судебно-правовой реформой. Государственная власть вообще и судебная власть в частности «не заслужили безусловного доверия и авторитета. В обществе не сформировалось уважительное отношение к правовым ценностям и закону»⁷.

По мнению Т.В. Кленовой, не ясными остаются цели повышенной законодательной активности. В действующем УК РФ из более чем 360 статей неизменными сохранились только 52 (42 статьи Общей части и 10 статей Особой части) — это 14,4% от общего числа

как которого определяется, что слова «Смертная власть впредь до ее отмены...» следует понимать как «временный характер применения смертной казни», что противоречит теории действия нормативно-правовых актов во времени, в соответствии с которой временным считается акт (норма), в котором четко определены время завершения юридического действия. Положение п. 1 ст. 20 Конституции РФ такой информации не содержит, соответственно, оно носит постоянный характер.

⁴ Медведев объяснил, почему он не участвует в президентской гонке [Электронный ресурс] // URL: http://www.topnews.ru/news_id_45471.html

⁵ Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» [Электронный ресурс] // URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/37012/>

⁶ Конституционный Суд РФ запретил вводить смертную казнь [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/society/19/11/2009/5703d7af9a7947733180ca0c>

⁷ Кленова Т.В. Общие и специальные принципы уголовного права, их соотношение // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 1. С. 195.

Интересно, что в данном Указе содержится субъективное толкование ст. 20 Конституции РФ, в рам-

первоначальных статей УК РФ⁸. Больше всего поправок, касающихся криминализации деяний, было внесено в нормы о преступлениях в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ) и нормы о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка (глава 24 УК РФ). Стоит ли после этого удивляться, что пропорционально изменениям в уголовном законе растет число дел по экономическим (прежде всего по коррупционным) и так называемым государственным составам (государственная измена, шпионаж, разглашение государственной тайны)⁹. Представляется, что столь масштабные изменения в уголовном законодательстве и практике его применения не способствуют усилению степени доверия населения государству и праву. Последние рассматриваются не столько в качестве гарантов защиты прав и свобод человека и гражданина, сколько в качестве инструментов легальной (узаконенной) репрессии.

Возвращаясь к Конституции РФ как к основному закону государства, следует отметить большую степень неопределенности, связанную с пониманием правовой ценности Конституции РФ и определением ее места в национальной правовой системе современной России.

В Российской империи конституция рассматривалась в качестве акта экстремистского характера, угрожающего основам государственного строя и входящего в противоречие с государственной скрепой, представленной известной триадой графа Уварова «Православие, самодержавие, народность».

В советской России и СССР конституции, формально имея статус основного закона (СССР, союзных государств — республик), выполняли в большей степени идеологическую роль этапов социалистического строительства, связанных с конкретными лидерами советского коммунистического движения, при этом республиканские конституции практически дублировали Конституцию СССР.

Говоря об этапах советской конституционной истории, можно выделить трех основополагающих лидеров, с именами которых связаны наиболее значимые советские эпохи: Ленин — конституции первого в мире социалистического государства (1918 г. — РСФСР; 1924 г. — СССР) — эпоха революции и первоначального этапа создания Советского государства; Сталин — конституция окончательно победившего социализма — эпоха великих

свершений, репрессий, побед; Брежнев — конституция развитого социализма — эпоха застоя. При этом первая российская советская конституция (1918 г.) в ст. 9 определяла, что ее действие рассчитано на переходный период, который «заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»¹⁰.

Конституция СССР провозглашала «незыблемость основ советской власти» и являлась актом постоянного характера. Последующие конституции выступали в качестве «путеводных вех», определяющих прохождение Советским государством этапов «большого пути», целью которого было построение бесклассового и безгосударственного коммунистического общества. Если же говорить о государственной идее, выступавшей в качестве объединительной основы политико-правового единства, то, на мой взгляд, это была триада «коммунизм, коллективизм, интернационализм». Данная триада выступала в качестве сплачивающего фактора для советского народа и возглавлявшей его коммунистической партии.

Конституция РФ 1993 г. по сути своей являлась временной/переходной¹¹ и имела своей основной целью закрепить конституционные ценности «эпохи Ельцина», связанные с формированием суверенного Российского государства, определением и конституционным закреплением либеральных ценностей, свойственных западным демократиям, а также провозглашением России равноправным и равнообязанным партнером в области международных отношений.

Закрепив на законодательном уровне «общечеловеческие» ценности, Конституция РФ определила основополагающие факторы постсоветской российской национальной идеи, которые могут быть отражены в триаде «мультикультурализм, экономико-правовой индивидуализм, общегражданский (российский) национализм».

⁸ Там же.

⁹ Подвиги контрразведчиков. Кого в России судят за шпионаж и госизмену [Электронный ресурс] // URL: <https://meduza.io/feature/2015/08/21/podvig-kontrrazvedchikov>

¹⁰ Ромашов Р.А. Конституция РСФСР 1918 г. и ее место в системе источников советского конституционализма // История государства и права. 2016. № 22. С. 16–21.

¹¹ О таком отношении к Конституции свидетельствует в том числе позиция относительно признания смертной казни временной мерой наказания, действие которой ограничено так называемым переходным периодом становления суверенной демократической российской государственности.

В своем Послании к Федеральному Собранию РФ (март 2018 г.) Президент РФ В.В. Путин сказал: «Сегодняшнее послание носит особый, рубежный характер. Как и то время, в котором мы живем, когда значимость нашего выбора, значимость каждого шага, поступка, исключительно высоки. Потому что они определяют судьбу нашей страны на десятилетия вперед»¹². Означают ли данные слова, что с новым президентским сроком страны минует некий условный рубеж и переходит к новому историческому этапу своей истории. Если да, то логичен вопрос: к какому? Ведь Россию «путинскую» от России «ельцинской» отделяют 18 лет «эпохи Путина». Вместе с тем, несмотря на масштабные изменения, связываемые с именем сегодняшнего Президента страны, мы продолжаем жить по «ельцинской, временной», Конституции, а ведь опыт советской конституционной истории свидетельствует о том, что переход к новой эпохе знаменовал собой принятие новой Конституции, основной задачей которой была конституционная легализация происходящих эпохальных преобразований.

Новая президентская «шестилетка» начинается в обстановке небывалой конфликтности России с международным окружением и достаточно высокой степени напряженности внутри страны. Проблемы, с которыми Россия столкнулась на первоначальном этапе своей суверенной государственности, далеки от своего окончательного решения. Отказавшись от имперской и советской политико-правовых традиций, современные Российские государство и право не стали европейскими, при этом непрерывные изменения национального законодательства (в первую очередь в сфере уголовного права и процесса) на фоне заявлений о безальтернативном национальном лидере¹³ обуславливают формиро-

вание на всех уровнях российского правосознания представления о том, что все важные вопросы в стране может решить только Президент, а формальное (материальное и процессуальное) право — всего лишь инструмент, который может обеспечить общую справедливость, опять-таки только в том случае, если на то будет прямая президентская воля. В таких условиях можно и нужно говорить о достаточно высоком уровне легитимности конкретного человека — Президента России В.В. Путина. Именно с Путиным связывается как самим Путиным, так и его окружением стабильность, являющаяся основным условием и гарантом конструктивного политико-правового развития¹⁴. Вместе с тем с таким отношением одновременно связана делегитимация формального права, которое, будучи «оторванным» от личности «строгого, но справедливого государя» и будучи в структурно-содержательном аспекте нестабильным, претерпевая постоянные изменения, направленные прежде всего на усиление контрольно-карательной составляющей государственной деятельности, утрачивает в глазах простых граждан свое регулятивно-охранительное значение, превращается в репрессивный инструмент властно-бюрократического произвола. Иными словами, ЗАКОН для российских граждан продолжает оставаться пресловутым «дышлом», применение которого в большей степени определяется не принципом ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА и юридической техникой правотворческой и правоприменительной деятельности, а фактически узаконенным приказом со стороны власть имущих чиновников, составляющих современную российскую государственную элиту и использующих закон в первую очередь в целях обеспечения и защиты собственных узко корпоративных интересов.

¹² Путин: «Послание носит рубежный характер» [Электронный ресурс] // URL: <https://mir24.tv/news/16293979/putin-poslanie-nosit-rubezhnyi-harakter>

¹³ Данную позицию четко озвучил известный российский политик В. Володин, заявив: «Есть Пу-

тин — есть Россия, нет Путина — нет России». См.: Володин: «Есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mk.ru/politics/2014/10/23/volodin-est-putin-est-rossiya-net-putina-net-rossii.html>

¹⁴ Пресс-конференция В.В. Путина 20.12.2012.

Литература

1. Кленова Т.В. Общие и специальные принципы уголовного права, их соотношение / Т.В. Кленова // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 1. С. 194–199.
2. Ромашов Р.А. Конституция РСФСР 1918 г. и ее место в системе источников советского конституционализма / Р.А. Ромашов // История государства и права. 2016. № 22. С. 16–21.

References

1. Klenova T.V. *Obschie i spetsialny'e printsipy ugovornogo prava, ikh sootnoshenie* [General and Special Principles of Criminal Law, Correlation between Them] / T.V. Klenova // *Pravovaya paradigma — Legal Paradigm*. 2017. T. 16. № 1. S. 194–199.
2. Romashov R.A. *Konstitutsiya RSFSR 1918 g. i ee mesto v sisteme istochnikov sovetского konstitutsionalizma* [The Constitution of the RSFSR of 1918 and Its Role in the System of Soviet Constitutionalism Sources] / R.A. Romashov // *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*. 2016. № 22. S. 16–21.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-65-70

Государственно-правовые учения России XIX – начала XX в.: опыт монографического и периодического осмысления

*Апольский Евгений Александрович,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Ростовского института (филиала)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
apolski@mail.ru*

В статье представлены результаты комплексного изучения отечественных государственно-правовых учений России XIX – начала XX в., взятых в триединстве внешней формы их выражения: в диссертациях, монографиях и научных статьях периодической юридической печати. Автор провел анализ содержания, целей, задач и результатов защищенных на юридических факультетах императорских российских университетов магистерских и докторских диссертаций по государственному праву, а также монографий и наиболее известных научных статей, опубликованных дореволюционными государствоведами по ключевым аспектам науки государственного (конституционного) права. Приводятся данные об основных приоритетных направлениях исследований, слабо разработанных областях науки государственного права, закономерностях генезиса и эволюции соответственно диссертационным, монографическим и периодическим государственно-правовым учениям. Предложенная в статье методология выявления, анализа и общетеоретической оценки государственно-правовых учений имеет все основания быть примененной к получению комплексного знания об иных отраслевых до-революционных правовых учениях.

Ключевые слова: государственно-правовые учения, диссертация, монография, научная статья, Российская империя.

State and Legal Doctrines of Russia of the XIXth – Early XXth Centuries: Experience of Monographic and Periodic Comprehension

*Apolsky Evgeny A.
Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (Branch)
of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

The article presents the results of a comprehensive study of the state and legal doctrines of Russia in the 19th and early 20th centuries, taken in the trinity of the external form of their expression: in dissertations, in monographs and in scientific articles of the periodical legal press. The author analyzed the content, goals, objectives and results of master's and doctoral dissertations protected on the law faculties of the Imperial Russian Universities in state law, as well as monographs and the most famous scientific articles published by prerevolutionary scientists on key aspects of the science of state (constitutional) law. Data on the main priority areas of relevant research, poorly developed fields of state law science, the regularities of genesis and evolution, respectively, dissertational, monographic and periodical state-legal doctrines are presented. The methodology which is proposed for the identification, analysis and general theoretical evaluation of state and legal doctrines has every reason to be applied to obtaining comprehensive knowledge of other pre-revolutionary legal doctrines.

Keywords: state and legal doctrines, thesis, monograph, scientific article, the Russian Empire.

Продолжительная работа над изучением истории аттестации научных кадров в Рос-

сийской империи привела нас к выявлению основных закономерностей государствен-

ной политики в сфере присуждения ученых степеней по гражданскому праву¹. В основе своей эта исследовательская деятельность ограничивалась строго определенным объектом — магистерскими и докторскими диссертациями, а в качестве предмета выступали представленные в них дореволюционными цивилистами гражданско-правовые учения. Мы решили продолжить работу в этом направлении, однако уже применительно к государственно-правовым учениям, и существенно расширить объектную область: помимо диссертаций рассмотреть также монографии и научные статьи, подготовленные отечественными дореволюционными государствоведами в рамках разработки науки государственного (конституционного) права². В настоящей статье подводятся итоги проделанной работы и определяются дальнейшие ее перспективы.

Проблема сведения в единую систему всех имеющихся отечественных правовых учений с распределением их по ключевым этапам развития научной мысли весьма сложна и трудоемка, однако довольно успешные попытки представить историю отраслевых учений можно встретить в трудах А.В. Горожанина³, Н.Я. Куприца⁴, В.Е. Лоба⁵, С.Д. Макиева⁶, Ю.Н. Овсянникова⁷ и др. Тем не менее работ, направленных на осмысление всего комплекса государственно-правовых учений (диссертационных, монографических, в периодической печати), не проводилось.

Учитывая необходимость планомерно-го решения указанной выше проблемы, мы

решили, что называется, начать с малого и осуществить выявление, систематизацию и анализ *государственно-правовых учений* России XIX — начала XX в., параллельно апробируя *методологию* поиска и анализа правовых учений по всем отраслям юридической науки за весь период ее развития (основные исследовательские приемы в этой сфере впервые предложены А.Н. Якушевым при реализации государственной научной программы «Университеты России», инициированной Министерством образования и науки в начале 1990-х годов⁸).

Первый этап обозначенной выше работы предполагал изучение и систематизацию *диссертационных* государственно-правовых учений XIX — начала XX в.: поиск и оценку магистерских и докторских диссертаций по государственному праву, защищенных на юридических факультетах университетов Российской империи; выявление предложенных авторами форм научного знания (гипотез, идей, концепций, классификаций, понятий и т.д.); наконец, определение основных закономерностей генезиса и эволюции научной государственно-правовой мысли. В итоге были раскрыты приоритетные и слабо разработанные направления государственно-правовых юридических диссертационных исследований (выделим методологическое направление и работы по отдельным разрядам подданных, менее «популярными» остались проблемы парламентаризма, учение о законе, организации верховной власти, городского самоуправления), сгруппированы формы научного знания, представленные в соответствующих учениях.

Наиболее же интересные (и в то же время качественно новые) результаты предполагалось получить в ходе второго этапа — сравнительного анализа диссертационного дискурса с *монографическими* и *периодическими* научными источниками, содержащими государственно-правовые учения. Подобная оценка всех основных внешних форм выражения таких учений (диссертации, монографии, научные статьи), за исключением учебной литературы, представляется нам методологически обоснованной. В итоге обнаружилась довольно неожиданная ситуация: исключив учебные издания, коих в дореволюционный период было преобладающее над монографиями множество, а также статьи, не несущие в себе фундаментальных научных исследований, найдено

¹ Апольский Е.А., Мордовцев А.Ю. Гражданско-правовые учения в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 181 с.

² Термины «наука государственного права» и «наука конституционного права» используются в статье как синонимы.

³ Горожанин А.В. Полицистика и идея государственности в истории правовых учений: историко-правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 425 с.

⁴ Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России. М.: Издательство Московского университета, 1980. 168 с.

⁵ Лоба В.Е. Доктрина о наказании в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: генезис и развитие: монография. Армавир: АГПУ, 2010. 159 с.

⁶ Макиев С.Д. Присуждение ученых степеней в области римского права в университетах Российской империи: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 235 с.

⁷ Овсянников Ю.Н. «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 206 с.

⁸ Шаповалов В.А., Якушев А.Н. Комплексная программа научных исследований «История ученых степеней в России: XVIII в. — 1918 г. М., 1996. 62 с.

относительно небольшое количество *монографической* литературы в рамках дореволюционной науки государственного права и примерно сравнимое (хотя и заметно большее по объему) с этим количество *научных статей* в периодической научной юридической печати (оценивались лишь те из них, которые отражали серьезные исследования, опиравшиеся на существенную научную базу и содержали конкретные научные результаты; многочисленные же научные статьи обзорного, научно-просветительского, исторического, философского, социологического и др. характера либо статьи о прошедших знаменательных событиях, разумеется, в круг объекта научного исследования нами не включались). Столь незначительные в количественном выражении результаты научного поиска и систематизации детерминировались следующими обстоятельствами: во-первых, собственно монографические исследования, не связанные с написанием автором-государствоведом магистерской или докторской диссертации, проводились крайне редко; во-вторых, в основной массе монографии представляли собой исторические обзоры того или иного института либо же разбор определенного учения западноевропейского (как правило) мыслителя, а потому не могли быть включены в область государственно-правового дискурса; в-третьих, множество научных статей периодической юридической печати приурочивались к определенному государственному или общественному событию, вводили читателя в курс дел в области предполагаемых в ближайшее время реформ законодательства либо же системы органов власти и управления (т.е. правовых учений не содержали).

Объем статьи не позволяет поместить библиографию монографий и научных статей, отобранных нами для анализа содержащихся в них государственно-правовых учений, отметим лишь, что в большинстве случаев это были работы известных и выдающихся дореволюционных государствоведов (А.А. Алексеев, А.С. Алексеев, А.В. Васильчиков, В.М. Гессен, В.В. Ивановский, Н.М. Коркунов, С.А. Корф, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, Н.И. Палиенко, К.Н. Соколов, Л.А. Тихомиров, Б.Н. Чичерин, Л.А. Шалланд и др.), которые к концу XIX — началу XX в. практически сформировали фундамент отечественной науки государственного права.

В ходе анализа содержания, целей и задач, а также результативности *монографических* исследований определены следующие

закономерности этой формы внешнего выражения отечественных государственно-правовых учений XIX — начала XX в.

1. На этом этапе обнаружены низкие в сравнении с диссертационными работами (30 монографий и 130 диссертаций) количественные показатели проведенных монографических исследований. Очевидно, что объем монографической разработки всей юридической науки был гораздо шире, однако, как оказалось, монографий по строго государственно-правовой проблематике публиковалось меньшинство. Российские государствоведы справедливо искали объяснение такой ситуации в методологических проблемах государственно-правовой науки, когда «неумение понять задачу государственного права, как науки юридической, держаться в пределах исследования и пользоваться приемами исследования, вытекающими из этой задачи, является, несомненно, главной причиной неуспешности ученых работ в этой области»⁹ (области юридических вопросов государственного права).

Собственно, если сопоставить количество опубликованных монографий по государственно-праву (не считая, повторимся, учебной литературы и работ по смежной проблематике) с результатами диссертационных исследований, можно увидеть существенное преобладание последних. Эта тенденция была заметна уже во второй половине XIX столетия, о чем прямо заявлял А.Д. Градовский в 1871 г.: «Юридические книги пишутся у нас не ввиду каких-нибудь настоятельных общественных потребностей, а для получения ученой степени»¹⁰. И действительно, исключив те монографии, которые были опубликованы с целью защиты магистерских или докторских диссертаций, мы и получили обозначенную выше картину.

2. В выборе методов и предметно-объектных предпочтениях государствоведов чувствуется влияние западноевропейской государственно-правовой научной традиции (что само собой разумеется, учитывая многочисленные и весьма длительные научные командировки российских правоведов в университеты Германии, Франции, Ан-

⁹ Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. М.: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1895. С. 4.

¹⁰ Градовский А.Д. Эпизод из истории церковного управления // Политика, история и администрация. Критические и политические статьи А. Градовского. СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1871. С. 88.

глии, с неизбежным восприятием той или иной научной школы). При этом наряду с основным догматическим приемом для достижения целей исследований активно использовался исторический метод. Именно сочетание догматического и исторического подходов в правовых исследованиях характеризует монографический дискурс в конце XIX — начале XX в. в государственной правовой науке России. Из всех же разделов дореволюционной науки государственного права больше всего монографических работ опубликовано в рамках особенной его части, внутри которой выделяется учение о самоуправлении.

3. Отличительной чертой монографического дискурса можно считать нацеленность государствоведов в большей степени на достижение практически значимых результатов, чем на построение теоретических (методологических) концепций для будущих исследований (это было свойственно в большей степени диссертационным исследованиям). В большинстве монографий авторы стремились предложить варианты модернизации различных областей государственно-правового строительства.

4. Вместе с тем нельзя не отметить и такие особенности монографической разработки науки государственного права в XIX столетии, да и отчасти в начале XX в., как несистемность, отрывочность проводимых исследований. По крайней мере, в конце XIX столетия на этот факт неоднократно обращалось внимание самих государствоведов, как например, в высказывании Н.О. Куплеваского: «Несмотря на настойчивый труд немногих лиц, посвятивших свои силы исследованию вопросов государственного и административного права, научное поле оказывается слишком широким для небольшого числа на нем работающих, и проходят целые десятки лет, прежде чем вопрос, обработанный одним ученым, получит свое продолжение или новую обработку в трудах другого ученого»¹¹.

Подводя общий итог эволюции государственно-правовых учений, получивших внешнее выражение в опубликованных *научных статьях* (выявленных и систематизированных нами с учетом критериев логической обоснованности, фундамен-

тальности, результативности), необходимо выделить следующие *общие закономерности*.

Во-первых, можно констатировать заметное увеличение количества публикуемых фундаментальных, знаковых научных статей, подготовленных по основным элементам дореволюционной государственно-правовой науки к началу XX в. Исключение составляет лишь общая часть науки российского государственного права, в рамках которой подобных работ не выявлено (это относится ко всем формам выражения государственно-правовых исследований: в области общей части науки государственного права сколько-нибудь серьезные исследования отсутствуют).

Во-вторых, в своей совокупности научные статьи, как часть общенаучного государственно-правового дискурса, дополняют и конкретизируют диссертационную и (особенно) монографическую разработку указанных вопросов. В частности, те элементы науки государственного права, которые были обойдены вниманием ученых-государствоведов, нередко изучались и анализировались в научных статьях (к примеру, учение о правовом статусе министерств получило развитие как в диссертациях и монографиях, так и в периодической печати, что символизирует единство форм внешнего выражения учений).

В-третьих, большинство статей содержали выводы, полученные авторами с целью их практического применения в законотворческой и правоприменительной деятельности. Это же относится и к тем работам, в которых активно использовался (наряду с догматическим) исторический метод, положенный в основу выявления условий эффективного развития государственно-правовых институтов в будущем.

В-четвертых, научный дискурс в периодической печати отличается более глубокой проработкой некоторых научных проблем, обусловленностью исследований предыдущими публикациями, активным обсуждением и критикой концепций, теорий, идей и других форм научного знания, выдвинутых именно отечественными учеными (так, наибольшее количество споров в рамках научной дискуссии вызвал вопрос о юридической природе Манифеста 17 октября 1905 г.; глубоко изучена также одна из делящихся на протяжении десятилетий научных проблем дореволюционного государственно-правового дискурса о соотношении указа и закона; содержательный дискурс возник в рамках учения о самоуправлении: в процессе

¹¹ Куплеваский Н.О. Государственная служба в теории и в действующем праве Англии, Франции, Германии и Цислейтанской Австрии: дисциплинарная ответственность. Государственные экзамены. Пределы повиновения частных лиц распоряжениям должностных лиц. Харьков : Тип. М.Ф. Зильберберга, 1888. С. IX.

поиска теоретических основ этого института власти государствоведов волновал вопрос о сущности местного самоуправления, выполнения им собственных либо государственных функций, осуществления полномочий).

Таким образом, можно заключить, что генезис и эволюция государственно-правовых учений отечественных дореволюционных государствоведов в XIX — начале XX в. имели определенные особенности и внутренние закономерности, а внешняя форма их выражения должна рассматриваться и оцениваться

в единстве трех ее разновидностей: диссертационной, монографической и периодической. Вместе с тем представляется необходимым применить предложенную в настоящей статье методологию поиска, анализа и систематизации правовых учений не только в рамках государственно-правового дискурса, но применительно и к иным отраслям российской юридической науки различных периодов ее развития. Это позволит эффективнее использовать научные достижения прошлого в выработке правовой политики и правотворчестве в Российской Федерации.

Литература

1. Алексеев А.С. К учению о юридической природе государства и государственной власти / А.С. Алексеев. М. : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1895. С. 18–20.
2. Апольский Е.А. Гражданско-правовые учения в диссертационных исследованиях университетов Российской империи : монография / Е.А. Апольский, А.Ю. Мордовцев. М. : Юрлитинформ, 2017. 181 с.
3. Горожанин А.В. Полицистика и идея государственности в истории правовых учений: историко-правовой аспект : дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Горожанин. СПб., 2000. 425 с.
4. Градовский А.Д. Эпизод из истории церковного управления / А.Д. Градовский // Политика, история и администрация. Критические и политические статьи А. Градовского. СПб. ; М. : Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1871. 515 с.
5. Куплеваский Н.О. Государственная служба в теории и в действующем праве Англии, Франции, Германии и Цислейтанской Австрии: дисциплинарная ответственность. Государственные экзамены. Пределы повиновения частных лиц распоряжениям должностных лиц / Н.О. Куплеваский. Харьков : Тип. М.Ф. Зильберберга, 1888. 268 с.
6. Куприц Н.Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России / Н.Я. Куприц. М. : Издательство Московского университета, 1980. 168 с.
7. Лоба В.Е. Доктрина о наказании в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: генезис и развитие : монография / В.Е. Лоба. Армавир : АГПУ, 2010. 159 с.
8. Макиев С.Д. Присуждение ученых степеней в области римского права в университетах Российской империи : дис. ... канд. юрид. наук / С.Д. Макиев. Махачкала, 2006. 235 с.
9. Овсянников Ю.Н. «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Н. Овсянников. СПб., 2002. 206 с.
10. Шаповалов В.А. Комплексная программа научных исследований «История ученых степеней в России: XVIII в. — 1918 г.» / В.А. Шаповалов, А.Н. Якушев. М., 1996. 62 с.

References

1. Alekseev A.S. K ucheniyu o yuridicheskoy prirode gosudarstva i gosudarstvennoy vlasti [Doctrine on the Legal Nature of State and Government] / A.S. Alekseev. Moskva : Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i K^o — Moscow : printing office of the I.N. Kushnerev i K^o literary association, 1895. S. 18–20.
2. Apolsky E.A. Grazhdansko-pravovye ucheniya v dissertatsionnykh issledovaniyakh universitetov Rossiyskoy imperii : monografiya [Civil Law Doctrines in Thesis Research of Universities of the Russian Empire : monograph] / E.A. Apolsky, A.Yu. Mordovtsev. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2017. 181 s.
3. Gorozhanin A.V. Politseistika i ideya gosudarstvennosti v istorii pravovykh ucheniy: istoriko-pravovoy aspekt : dis. ... d-ra yurid. nauk [Police Science and the Idea of Statehood in the History of Legal Doctrines: a Historical and Legal Aspect : thesis of ... Doctor of Law] / A.V. Gorozhanin. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2000. 425 s.
4. Gradovsky A.D. Epizod iz istorii tserkovnogo upravleniya [An Episode from the History of Church Government] / A.D. Gradovsky // Politika, istoriya i administratsiya. Kriticheskie i politicheskie statyi A. Gradovskogo [Politics, History and Administration. Critical and Political Articles by A. Gradovsky]. Sankt-Peterburg ; Moskva : Izd. knigoprodavtsa-tipografa M.O. Volfa — Saint Petersburg : Moscow : publishing house of M.O. Volf, bookseller and owner of a printing office, 1871. 515 s.
5. Kuplevasky N.O. Gosudarstvennaya sluzhba v teorii i v deystvuyuschem prave Anglii, Frantsii, Germanii i Tsisleytanskoj Avstrii: distsiplinarnaya otvetstvennost. Gosudarstvennyye ekzameny. Predely povinoveniya chastnykh lits rasporyazheniyam dolzhnostnykh lits [Public Service in the Theory and Applicable Law of England, France, Germany and Cisleithanian Austria: Disciplinary Liability. State Examinations. Limits of Submission of Individuals to Instructions Given by Officials] / N.O. Kuplevasky. Kharkov : Tip. M.F. Zilberberga — Kharkiv : M.F. Zilberberg's printing office, 1888. 268 s.
6. Kuprits N.Ya. Iz istorii gosudarstvenno-pravovoy my'sli dorevolutsionnoy Rossii [From the History of the State and Legal Thought of Pre-Revolutionary Russia] / N.Ya. Kuprits. Moskva : Izdatelstvo Moskovskogo universiteta — Moscow : publishing house of the Moscow University, 1980. 168 s.

7. Loba V.E. Doktrina o nakazanii v dissertatsionny'kh issledovaniyakh universitetov Rossiyskoy imperii: genezis i razvitiye : monografiya [The Punishment Doctrine in Thesis Research of Universities of the Russian Empire: Genesis and Development : monograph] / V.E. Loba. Armavir : AGPU — Armavir : ASPU, 2010. 159 s.
8. Makiev S.D. Prisuzhdenie ucheny'kh stepeney v oblasti rimskogo prava v universitetakh Rossiyskoy imperii : dis. ... kand. yurid. nauk [Conferment of Academic Degrees in Roman Law in Universities of the Russian Empire : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / S.D. Makiev. Makhachkala — Makhachkala, 2006. 235 s.
9. Ovsyannikov Yu.N. «Politseyskoe pravo» v istorii pravovoy my'sli Zapadnoy Evropy i Rossii : dis. ... kand. yurid. nauk [Police Law in the History of the Legal Thought of Western Europe and Russia : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / Yu.N. Ovsyannikov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2002. 206 s.
10. Shapovalov V.A. Kompleksnaya programma nauchny'kh issledovaniy «Istoriya ucheny'kh stepeney v Rossii: XVIII v. — 1918 g.» [Comprehensive Scientific Research Program The History of Academic Degrees in Russia: the XVIIIth Century to 1918] / V.A. Shapovalov, A.N. Yakushev. Moskva — Moscow, 1996. 62 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2018-5-70-73

Дискуссия в правовой науке средневековой Франции по поводу разработки Уголовного ордонанса 1670 г.

*Ишков Антон Юрьевич,
аспирант кафедры истории государства и права
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
ishkov.ant@mail.ru*

В статье рассматриваются наиболее концептуально значимые моменты дискуссии разработчиков французского Уголовного ордонанса 1670 г., в которых проявляются различные направления юридической мысли Франции XVII в., в том числе и идея гуманизации уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: государство и право Франции, история права в Новое время, уголовно-процессуальное право Франции, уголовный процесс зарубежных стран.

Discussion in the Legal Science of Medieval France on the Development of the Criminal Ordinance of 1670

*Ishkov Anton Yu.
Postgraduate Student of the Department of History of State and Law
of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University*

The article deals with the most conceptually significant points of the discussion of the developers of the French Criminal Ordinance of 1670, in which various trends in the legal thought of France of the XVII century are manifested, including the idea of humanizing the criminal procedural law.

Keywords: the state and the right of France, the history of law in modern times, the criminal proceedings of France, the criminal proceedings abroad.

Французский Уголовный ордонанс (Ordonnance criminelle) 1670 г.¹ является одним из важнейших правовых памятников средневе-

ковой Франции, в нем содержатся нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права².

Работа над Ордонансом началась в 1666 г., когда по инициативе короля Людовика XIV была созвана Комиссия по проведению реформ (Conseil de réformation). Во главе нее

¹ В отечественной литературе этот правовой акт иногда называют «Большим уголовным ордонансом». См., напр.: Чельцов-Бebutov M.A. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 246.

² Laferrière F. Essai sur l'histoire du droit français. Paris, 1885. P. 331–332.

встал генеральный контролер финансов Жан-Батист Кольбер. Наиболее активными ее участниками были канцлер Сегье, первый председатель парижского Парламента Гийом Ламуаньон и член королевского совета финансов Анри Пуссор, дядя Кольбера³.

Большая часть процессуальных норм как проекта, так и самого Уголовного ордонанса была посвящена экстраординарной процедуре расследования уголовных дел, более известной в Европе как инквизиционный процесс. Этот тип уголовного процесса характеризуется весьма ограниченными правами обвиняемого, презумпцией его виновности в совершении преступления, обширными полномочиями судьи при расследовании преступления, включая возможность применения пытки⁴.

Юристы и философы XVII в. во Франции неоднозначно относились к нормам действующего в то время уголовно-процессуального законодательства. Традиционная точка зрения, основанная на трудах постглоссаторов и доктрине католической церкви, целиком поддерживала инквизиционный процесс⁵, ставя превыше всего интересы государства. Гуманистические взгляды на уголовный процесс во Франции впервые были высказаны известным философом-гуманистом XVI в. Мишеlem Монтенем⁶ и исходили из идеи достоинства каждой человеческой личности и необходимости защиты ее прав.

Подобные гуманистические воззрения проявились и в ходе работы Комиссии по проведению реформ по разработке Уголовного ордонанса, наиболее ярко воплотившись в противоборстве Анри Пуссора и Гийома Ламуаньона. Пуссор был сторонником классических форм инквизиционного процесса: он отстаивал нормы, упрощающие уголовное преследование, усиливающие репрессивные возможности государства. Будучи финансистом, он руководствовался скорее эффективностью и экономичностью процесса, чем защитой прав участников уголовного дела. Ламуаньон был известен своими гуманистическими воззрениями, он пытался «сгладить острые углы» ряда норм проекта Ордонанса. Так как точка зрения Пуссора была наиболее распространена среди французских чиновников того времени, к тому же он был дядей

знаменитого Кольбера, его мнение чаще всего брало вверх в ходе дискуссии⁷.

Одними из наиболее спорных статей проекта Уголовного ордонанса 1670 г. стали нормы, посвященные *допросу обвиняемого*. Согласно ст. 7 титула XIV проекта Ордонанса обвиняемый перед допросом был обязан дать клятву говорить только правду, т.е. принести ту же присягу, которую приносят свидетели. Отказ от присяги рассматривался как отказ от дачи показаний, даже если обвиняемому было что сказать в свою защиту. Ламуаньон протестовал против включения данной статьи в Ордонанс: «Естественно, что инстинкт самосохранения оказывается чаще всего сильнее религиозного долга, поэтому обвиняемый скорее предпочтет соврать под присягой, чем отправиться на эшафот. Поэтому данное правило вынуждает человека взять на себя грех клятвопреступления, упомянуть Бога всуе, оно порождает бессмысленную ложь, обесценивает значение клятвы, наносит вред религиозному сознанию». Ламуаньон также указывал на отсутствие аналогичных норм в предшествующих королевских ордонансах, обосновывая чуждость этого требования французскому праву⁸.

Пуссор ответил Ламуаньону, что он был очень тронут его проникновенной речью, однако высказался за сохранение статьи: «Поскольку правосудие создает гарантии оправдания невиновного лица, законопослушный человек не боится дать клятву и сказать правду. Тем самым он сохраняет свою жизнь, не нарушая своего религиозного долга, и никакого противоречия здесь нет. Я не согласен с выдвинутой идеей оправдания клятвопреступника спасением своей жизни, так как нельзя совершить зло ради добра, естественный закон стоит ниже божественного, а значит, человек должен предпочесть смерть греху клятвопреступления». «Не требуя от обвиняемого клятвы говорить только правду, — отмечал Пуссор, — закон тем самым потворствует лжи обвиняемого в суде, он будет правомерно выгораживать себя и своих сообщников. Это правило применяется издревле, и, пусть оно и не было отражено в законодательстве, оно давно стало обычаем, без которого са-

³ Ibid.

⁴ Боровой А.А. История личной свободы во Франции. М., 1910. Т. 1. С. 51.

⁵ Jousse. D. Nouveau commentaire sur l'ordonnance criminelle du mois d'août 1670. Paris, 1753. P. 374–380.

⁶ Монтень Э.М. Опыт. Избранные произведения : в 3 т. М., 1992. С. 20.

⁷ Esmein A. Histoire de la procédure criminelle en France et spécialement de la procédure inquisitoriale depuis le XIII s. jusqu'à nos jours. Paris : L. Larose et Forgel. Libraires-fiditeurs 22, Rue Soufflot, 22. 1882. P. 206–212.

⁸ Procès-verbal des conférences tenues par ordre du roi, pour l'examen des articles de l'ordonnance civile du mois d'avril 1667 ; et de l'ordonnance criminelle du mois d'août 1670. Paris, 1776. P. 153–161.

ма процедура допроса обвиняемого не имеет смысла»⁹.

На стороне Пуссора выступил другой член комиссии, Талон, прокурор парижского Парламента. Он отметил, что предписание, требующее от обвиняемого клятвы перед допросом, не встречается ни в ордонансах, ни в римском праве, однако является давним обычаем, и нет причины отказываться от него. По его мнению, предполагается, что обвиняемый может законно лгать судье на допросе, чтобы сохранить себе жизнь, «опасно и противоречит духу Евангелия», поскольку христианин, обязанный всегда говорить только правду, не может солгать, не согрешив. По мнению Талона, не вызывает сомнения тот факт, что «сохранение своей жизни является естественным правом человека, но все же обвиняемый обязан сохранять себе жизнь законными средствами, без использования лжи и обмана»¹⁰.

Это противоречие так и не было разрешено в ходе заседания комиссии. Дискуссия закончилась тем, что канцлер Сегье объявил, что вопрос будет решен лично королем. В итоге указанная статья прошла в Ордонанс без каких-либо изменений¹¹.

Острую дискуссию вызвала и статья титула XIV проекта Ордонанса, запрещающая обвиняемому пользоваться *квалифицированной юридической помощью*. Дискуссию снова начал Ламуаньон. «Действительно, — отметил он, — помощь адвоката нередко используется, чтобы уклониться от правосудия или затянуть рассмотрение дела; некоторые виновные лица избегают наказания за счет юридической помощи. Но если такое и случается, то многие действительно невинные люди страдают из-за отсутствия адвоката. Поскольку законодатель не может предусмотреть всех возможных случаев, он должен бороться с наибольшим злом. Несомненно, что среди всех зол, которые могут произойти при отправлении правосудия, ни одно не бывает хуже казни невинного человека, это хуже, чем оправдать тысячу виновных. В наше время считается, что юридическая помощь является привилегией обвиняемого, однако это естественное право, более древнее, чем писанные законы. Сама природа научила человека обращаться к помощи других людей в трудных ситуациях. Наши законы отняли у обвиняемого и так много возможностей, так что необхо-

димо оставить ему хотя бы это, самое важное для него право»¹².

Пуссор снова выступил оппонентом в дискуссии, защищая проект Ордонанса. В качестве своих доводов он обратил внимание на то, что: «Эта статья является одной из тех, которые приносят большую пользу благодаря обеспечению той безопасности, которую получает общество при устранении лишних препятствий для правосудия. Известно, что адвокаты во что бы то ни стало стремятся добиться оправдания обвиняемого, они используют любые противоречия в законе, любые уловки, придумывают хитрости, усложняя изобличение преступников. Так как позволить себе хорошего адвоката может только богатый человек, легализация юридической помощи по всем уголовным делам приведет к безнаказанности тех, кто богаче»¹³.

Прокурор Талон занял промежуточную позицию, заявив, что по ряду дел адвокаты бывают полезны, по другим же делам они, наоборот, опасны, поэтому в каждом конкретном разбирательстве решение о предоставлении обвиняемому юридической помощи должен принимать суд¹⁴.

В итоге статья проекта была отредактирована следующим образом: обвиняемым в финансовых преступлениях суд мог предоставить адвоката. Какие именно преступления относились к категории финансовых, решал сам суд¹⁵. Таким образом, можно сделать вывод о том, что изменение проекта было незначительным.

Острую дискуссию вызвал также *порядок допроса свидетелей*. На основании ст. 11 титула XV проекта Уголовного ордонанса 1670 г. свидетель, изменяющий свои показания, преследовался по закону как лицо, давшее заведомо ложные показания. При обсуждении проекта в комиссии Ламуаньон высказался против включения данного положения в Ордонанс. Он считал его бесполезным и опасным, так как свидетель может захотеть изменить свои показания не только с преступными целями. При допросе любой свидетель мог упустить что-то важное из известных ему обстоятельств дела, забыть что-либо или перепутать, случайно оговорить невинного человека. Получается, что если свидетель добросовестно хотел исправиться, то его в таком случае должны преследовать по закону. Если же лжесвидетель по какой-либо причине раскисался и хотел исправить по-

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ordonnance criminelle // Isambert F. A. Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789. V. 18. Paris, 1829. P. 371–423.

¹² Procès-verbal des conférences... P. 162–167.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ordonnance criminelle... P. 371–423.

ложение, то норма ст. 11 XV титула и ему не давала такой возможности. По мнению Ламуаньона, подобное положение может значительно исказить достоверность результатов расследования. Ламуаньон предлагал оставить оценку добросовестности свидетеля на усмотрение судьи, который решал бы, исходя из материалов дела, лжет ли свидетель умышленно или же добросовестно заблуждается. Однако Пуссор высказался за сохранение данной нормы, утверждая, что «свидетель, давший в суде клятву говорить только правду, не может и не должен заблуждаться в своих показаниях, а если же он делает это, то он виновен как нарушитель клятвы»¹⁶. В итоге ст. 11 XV титула проекта так же вошла в Ордонанс 1670 г. без каких-либо изменений. Примечательно, что известный французский философ-просветитель Вольтер, рассуждая о несправедливости данной нормы Ордонанса, ссылается именно на позицию Ламуаньона¹⁷.

В заключение хотелось бы отметить, что борьба Ламуаньона за гуманизацию Уголовного ордонанса 1670 г., хотя и во многом проигранная, не осталась забытой. Первый председатель парижского Парламента был одним из первых высокопоставленных чиновников дореволюционной Франции, кто в официаль-

ных кругах заявил о необходимости гуманизации инквизиционных уголовно-процессуальных норм. Французские правоведы более позднего времени будут отзываться о его работе в Комиссии по проведению реформ с исключительной теплотой¹⁸.

С новой силой идея гуманизации уголовного процесса во Франции прозвучит уже в ходе буржуазной революции XVIII в. В ночь с 8 на 9 октября 1789 г. Учредительное собрание отменит Ордонанс 1670 г. и примет Декрет об изменениях в уголовном процессе, в основу которого будут положены идеи Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Как отмечает Н.А. Крашенинникова, «глубокому пониманию антифеодалного характера революции, исторического значения ее социально-экономических завоеваний, того вклада, который внесла революция не только в развитие буржуазного государства и права, но и в формирование общечеловеческих демократических ценностей, служит изучение ее конституционных документов, и прежде всего знаменитой Декларации прав человека и гражданина, принятой в самом начале революции 26 августа 1789 г., ставшей составной частью первой Конституции Франции — Конституции 1791 г.»¹⁹.

¹⁶ Procès-verbal des conférences... P. 177–178.

¹⁷ Voltaire F.M.A. Commentaire sur le livre "Des Délits et des peines". Paris, 1767. P. 60–66.

¹⁸ См., напр.: Esmein A. Op. cit. P. 206–211.

¹⁹ Крашенинникова Н.А. К 200-летию Великой Французской революции // Вестник Московского университета. Сер. 11 : Право. 1989. № 4. С. 15.

Литература

1. Боровой А.А. История личной свободы во Франции / А.А. Боровой. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1910. Т. 1. 26 с.
2. Крашенинникова Н.А. К 200-летию Великой Французской революции / Н.А. Крашенинникова // Вестник Московского университета. Сер. 11 : Право. 1989. № 4. С. 13–22.
3. Сигалов К.Е. Периодизация истории государства и права в свете теории среды права / К.Е. Сигалов. М. : Московский университет МВД РФ, 2005. 126 с.
4. Сигалов К.Е. Право и история: методологические функции исторической науки / К.Е. Сигалов // История государства и права. 2011. № 7. С. 22–26.
5. Esmein A. Histoire de la procédure criminelle en France et spécialement de la procédure inquisitoriale depuis le XIII s. jusqu'à nos jours / A. Esmein. Paris : L. Larose et Forgel. Libraires-fiditeurs, 1882. 596 p.
6. Laferrière F. Essai sur l'histoire du droit français / F. Laferrière. Paris : L'israrie guillaumin, 1885. 410 p.

References

1. Borovoy A.A. Istoriya lichnoy svobody' vo Frantsii [The History of Personal Freedom in France] / A.A. Borovoy. Moskva : Tip. Imp. Mosk. un-ta — Moscow : printing office of the Imperial Moscow University, 1910. T. 1. 26 s.
2. Krashenninnikova N.A. K 200-letiyu Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii [On the 200th Anniversary of the French Revolution] / N.A. Krashenninnikova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11 : Pravo — Bulletin of the Moscow University. Series 11 : Law. 1989. № 4. S. 13–22.
3. Sigalov K.E. Periodizatsiya istorii gosudarstva i prava v svete teorii sredy' prava [Periodization of the History of State and Law in View of the Legal Environment Theory] / K.E. Sigalov. Moskva : Moskovskiy universitet MVD RF — Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 126 s.
4. Sigalov K.E. Pravo i istoriya: metodologicheskie funktsii istoricheskoy nauki [Law and History: Methodological Functions of the Historical Science] / K.E. Sigalov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2011. № 7. S. 22–26.
5. Esmein A. Histoire de la procédure criminelle en France et spécialement de la procédure inquisitoriale depuis le XIII s. jusqu'à nos jours / A. Esmein. Paris : L. Larose et Forgel. Libraires-fiditeurs, 1882. 596 s.
6. Laferrière F. Essai sur l'histoire du droit français / F. Laferrière. Paris : Lisrarie guillaumin, 1885. 410 s.

Понятие и сущность правосознания

*Багиров Илья Хангусейнович,
аспирант Международного юридического института
ibagirov1992@mail.ru*

Статья посвящена методологическим аспектам формирования современного представления о сущности правосознания.

На основе исследования трудов различных ученых автор определяет место правосознания в системе человеческого сознания.

В процессе исследования автором предлагается обратить внимание на структуру правосознания, какие факторы оказывают влияние на его формирование. В статье раскрыта взаимосвязь правосознания с правом, представлено авторское определение правосознания.

Рассматривается место правосознания в системе других форм сознания личности, на основе анализа юридической практики раскрыты деформационные формы правосознания, даны рекомендации по их профилактике.

Ключевые слова: *сознание, правосознание, право, факторы формирования правосознания, деформация правосознания.*

The Notion and Essence of Legal Consciousness

*Bagirov Ilya Kh.
Postgraduate Student of the International Law Institute*

The article is devoted to the methodological aspects of the formation of a modern idea of the essence of legal consciousness.

On the basis of research of works of various scientists the author defines the place of legal consciousness in the system of human consciousness.

In the course of the research the author suggests to pay attention to the structure of legal consciousness, what factors influence its formation. The article reveals the relationship of legal consciousness with law, presents the author's definition of legal consciousness.

The article considers the place of legal consciousness in the system of other forms of consciousness of the individual, on the basis of the analysis of legal practice reveals the deformation forms of legal consciousness, recommendations for their prevention.

Keywords: *consciousness, legal consciousness, law, factors of formation of legal consciousness, deformation of legal consciousness.*

Изучение понятия правового сознания и его сущности всегда интересовало не только многих ученых-правоведов, но и психологов, социологов, философов, политологов и т.д. Несмотря на то что правосознание довольно длительное время рассматривается под разными углами и ракурсами различных научных дисциплин, на сегодняшний день нет достаточно точного и единого определения понятия «правосознание» и его сущности. Сложность заключается в том, что правосознание представляет собой постоянно развивающийся, социально политический, психологический, юридический и нравственный процесс в сознании индивида.

Правосознание, являясь частью человеческого сознания, подчиняется общим закономерностям его существования и развития, поэтому эти два понятия должны рассматриваться во взаимосвязанной совокупности.

«Сознание — высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном, оценочном и целенаправленном отражении и конструктивно творческом преобразовании действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и саморегулировании поведения человека»¹.

По мнению отечественных психологов, таких как С.А. Рубенштейн, А.Н. Леонтьев и других, сознание является результатом общественно-исторического развития личности и состоит в тесной взаимосвязи с человеческим поведением.

Сознание, как считает А.В. Петровский, является высшей внедряющей формой психики. Человеческое сознание — это резуль-

¹ Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. С. 83.

тат общественно-исторических условий формирования человека в трудовой деятельности, при постоянном общении (с помощью языка) с другими людьми. В этом смысле сознание есть «общественный продукт», сознание есть не что иное, как «осознанное бытие»².

Главной особенностью правосознания является тесная, непосредственная связь с правом. Поэтому не случайно многие авторы, изучающие вопросы правосознания, отмечают указанную особенность.

Правосознание развивается, меняется и совершенствуется в одном общем комплексе с правом. Однако подобная связь порождает еще большее затруднение в определении понятия правосознания. Это обусловлено тем, что среди различных представителей научных дисциплин отсутствует единое мнение относительно такой категории, как «право». Наличие различных парадигм права, таких как марксистская теория, психологическая, теория естественного права и т.д., является тому подтверждением.

Правосознание выражается в человеческом отношении к праву, его отражении в сознании через призму накопленных знаний и чувственно-эмоциональной системы, однако мнения авторов расходятся относительно того, какое право отражается в сознании индивида.

Одни считают, что это отношение к действующему праву, другие — к желаемому, третьи — к прошлому и действительному и т.д. Все вышперечисленное подтверждает тот факт, насколько сложное, в какой-то степени противоречивое и многогранное понятие «правосознание». К примеру, В.И. Власов считает что правосознание — это «совокупность идей, теорий, чувств, взглядов, настроений и т. п., в которых выражается отношение людей к праву действовавшему, действующему и желаемому»³.

В.Г. Батуркин под правосознанием понимает «область человеческого сознания, отражающая правовую действительность на конкретном этапе правовой эволюции общества»⁴.

Как мы видим, для изучения правосознания и понимания его сущности необходимо определить объект правосознания. Объектом правосознания является само право,

правовые отношения и правовая действительность. Подобной позиции придерживаются В.А. Суслов, Н. Гранат, А.В. Грошев.

Правосознание очень тесно связано с правовой системой, отношением к правопорядку, который существует на данном этапе или который ранее существовал. Также огромную роль играют отражение в сознании условий жизни, интересы, потребности, индивидуальное отношение к окружающему нас миру, охраняемому правовыми нормами.

Правосознание также связано с совокупностью чувств, эмоций, настроений человека. Поэтому нельзя привязывать это понятие только к пониманию человеком правовых норм, в понимании правосознания в первую очередь должны учитываться общественные отношения, регулируемые нормами права, а лишь потом сами правовые нормы.

Согласно позиции Е.А Певцовой, правосознание необходимо рассматривать с точки зрения конструктивного подхода, который позволяет мониторить содержание и уровень логико-нормативной сферы, эмоционально образной и мотивационной⁵.

Нельзя забывать, что правосознание является одной из форм сознания, которые существуют в обществе, вместе с ним существуют моральное, политическое, нравственное сознание и др. Взаимодействуя между собой, эти формы оказывают огромное взаимовлияние друг на друга, и развитие одной формы приведет к изменениям других.

Так, правовые взгляды строятся на основе понимания таких понятий, как «добро», «зло», «справедливость». Происходит оценка явлений правовой действительности через призму указанных понятий. Сходной позиции придерживается В.И. Власов⁶. Снижение уровня нравственного сознания повлечет за собой отрицательные последствия в правосознании и может сформировать отрицательное отношение к праву.

Основополагающее место в правосознании занимает субъект правосознания, и этого нельзя отрицать, поскольку правовое сознание зависит от человеческой сущности, его интеллекта, чувств, воли и состояния души. Вопрос относительно субъекта правосознания также в научных кругах является достаточно спорным, и нет единого мнения, что же именно считать субъектом правосознания

² Введение в психологию : учеб. пособие / под ред. А.В. Петровского. М. : Академия, 1996. С. 384.

³ Власов В.И. Теория государства и права. Ростов н/Д : Феникс, 2002.

⁴ Батуркин В.Г. Понятие и структура правового сознания // История государства и права. 2004. № 5. С. 19–21.

⁵ Певцова Е.А. Современная теория правосознания молодежи: теоретико-правовые аспекты // Гражданин и право. 2007. № 3. С. 9.

⁶ Власов В.И. Указ. соч. С. 219.

знания. Так, существует точка зрения о том, что «индивидуального правосознания» в реальном мире не существует и вводить в науку подобный термин нецелесообразно.

И.Е. Фарбер считает, что правосознание обретает значение формы общественного сознания только в том случае, когда одни и те же мысли и чувства о праве массово распространяются в сознании класса или народа⁷.

Несколько другой позиции придерживается И.А. Ильин, который считает, что нет человека, у которого не было бы правосознания, но есть люди, у которых правосознание запущено, пренебрежительно или вообще одичало⁸. Если отрицать индивидуальное правосознание и приравнивать его к общественному сознанию, то как можно объяснить преступления, совершенные отдельными взятыми индивидами?

Наиболее аргументированный ответ на вопрос, что же является субъектом правосознания, дали авторы, которые в качестве такового рассматривали общество в целом, его отдельные группы и индивидов⁹.

Подобное утверждение кажется более полным и обоснованным, поскольку именно в зависимости от носителя правосознания следует подразделять его на виды, такие как общественное, групповое и индивидуальное.

Так, деятельность группового и индивидуального правосознания влияет и входит в общественное. Индивидуальное правосознание, в свою очередь, является частью системы общественного и группового.

Индивидуальное правосознание является основой группового и общественного, поскольку оно ближе всего к человеку, это его составная часть, и именно с него следует начинать изучать проблемы и сущность правосознания.

В человеческом сознании при функционировании правосознания происходят процессы, связанные с отражением правового бытия, подобная деятельность приводит к формированию правовых представлений, понятий, чувств, начинают формироваться убеждения, так и происходит формирование и развитие правосознания.

Восприятие правового бытия индивидом зависит от интеллекта, занимаемого статуса, интересов, потребностей, убеждений и

чувств субъекта правосознания¹⁰. Внешние факторы, такие как нормы правового регулирования, безусловно, оказывают влияние на формирование правосознания, однако не меньшее влияние оказывают внутренние мотивы личности, сформированные за время его существования под влиянием правовых знаний, понятий, убеждений, взглядов и представлений.

Поэтому при изучении правосознания следует учитывать, что оно является не только отражением и осознанием права, но еще и правовым самопознанием. Правосознание — это «постижение себя в правовом измерении, определение своего места и значения в мире права, выбор своей правовой роли, своих юридически значимых целей и действий»¹¹.

Поскольку у авторов не сложилось единого мнения относительно определения правосознания, то, учитывая объект и субъект правосознания, его особенности и характерные черты, его место в системе сознания, постараемся дать определение данному понятию.

Правовое сознание является одной из форм сознания, входящих в систему общественного сознания, отражающих общественные отношения, регулируемые правом; оно является системой знаний, чувств, настроений, эмоций, которые выражают отношение общества, социальных групп и индивидов к праву действовавшему, действующему и желаемому.

Научные исследования показывают, что большое влияние на становление правосознания личности закладывается в раннем возрасте, в особенности под влиянием образовательных учреждений, которыми и прививаются основные ценностно-правовые ориентации и убеждения¹². Немаловажное влияние на формирование правосознания индивида оказывает правовая среда, в которой он существует, а также наличие прав и свобод, которыми регулируются общественные отношения. Развитие законодательства, защищающее права и свободы граждан, бу-

¹⁰ Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности : учеб. пособие. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2013. С. 18.

¹¹ Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М. : Норма, 2009. С. 269.

¹² Певцова Е.А. Роль юристов педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних // Народное образование. 2006. № 9. С. 186 ; Ее же. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства // Юстиция. 2007. № 3. С. 9.

⁷ Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М. : Юридическая литература, 1963.

⁸ Ильин И.А. Собрание сочинений. М. : Русская книга, 1993. Т. 1. С. 224.

⁹ Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 52.

дет формировать положительное отношение к праву и закону¹³.

Нельзя упускать из вида, что социальное положение индивида, воспитание, генетические и психофизические особенности, уровень интеллекта, логические способности, его социальное окружение, профессиональная среда и т.д. оказывают огромное влияние на правосознание, более того, каждый из этих факторов может повлиять на развитие правосознания под определенным углом. Так, например, профессиональная среда ввиду специфики профессии формирует у адвокатов ориентацию правосознания с уклоном на защиту, а у следователей, напротив, мышление имеет обвинительный уклон.

Не стоит забывать, что факторы развития правосознания могут повлиять на развитие деформационных форм правосознания, иными словами, определенному искажению положительных правовых идей, убеждений, ценностных ориентаций и т.д. Примерами деформационных форм правосознания являются правовой нигилизм, инфантилизм, релятивизм и т.д.

Для оценки уровня правосознания и определения вида деформации следует оценивать по таким показателям, как «степень влияния окружения на выбор разных вариантов правового поведения, социальная активность, активность в правовой сфере, степень использования источников правовой информации в общественно-полезных целях и др.»¹⁴.

Наиболее опасным считается правовой нигилизм (от лат. nihil — ничто), для него характерно негативное отношение к закону и правопорядку, не признаются сила права и его социальная ценность. «Правовой ни-

гилизм заключается в отрицании правовых ценностей, в неуважительном отношении к законам и установленному посредством законов порядку»¹⁵.

Правовой инфантилизм заключается в слабом знании права, неумении ориентироваться в правовой действительности, а это в свою очередь повлечет за собой неспособность индивида замечать ущемление своих прав и законных интересов.

Для правового релятивизма свойственно понимание права как нечто относительно, следовательно, его можно истолковывать по-разному. Так, опытный юрист сможет без труда подменить суть правовой нормы, растолковать по-своему, и это будет казаться правильным и законным. Подобная деформация правосознания приводит к хаотичности и не следованию букве закона, что будет негативно сказываться на правовой действительности.

Так или иначе, любая деформационная форма правосознания оказывает негативное влияние на правовую действительность, в которой развивается индивид и общество в целом. Для борьбы с деформационными формами правосознания необходимо совершенствование правовой системы общества, повышение правовой культуры населения, усиление правопорядка, повышение авторитета закона и т.д.

Преодоление деформации правосознания является очень важным вопросом для всего общества, поскольку «успешное функционирование государства зависит от уровня правового сознания населения»¹⁶, а для более эффективной борьбы с подобными деформациями необходимо более глубокое изучение сущности и природы формирования правосознания.

¹³ Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи России // История государства и права. 2007. № 20. С.10–12.

¹⁴ Певцова Е.А. Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи: монография. М., 2012.

¹⁵ Абдигалиев А.У. Деформация правовой культуры: понятие, последствия, пути преодоления // История государства и права. 2006. № 3. С. 2.

¹⁶ Певцова Е.А. Функции правосознания учащейся молодежи: состояние и проблемы развития // Lex Russica. 2006. Т. LXV. № 5. С. 881.

Литература

1. Абдигалиев А.У. Деформация правовой культуры: понятие, последствия, пути преодоления / А.У. Абдигалиев // История государства и права. 2006. № 3. С. 2–4.
2. Батуркин В.Г. Понятие и структура правового сознания / В.Г. Батуркин // История государства и права. 2004. № 5. С. 19–21.
3. Введение в психологию: учеб. пособие / под ред. А..В. Петровского. М.: Академия, 1996. 493 с.
4. Власов В.И. Теория государства и права / В.И. Власов. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 509 с.
5. Гегель Г.В. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.
6. Ильин И.А. Собрание сочинений / И.А. Ильин. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. 398 с.
7. Кальной И.И. Философия для аспирантов / И.И. Кальной, Ю.А. Саундулов. 3-е изд. СПб.: Лань, 2003. 510 с.
8. Андреева Г.М. Леонтьев А.Н.: личность, сознание, деятельность / Г.М. Андреева // Мир психологии. 1999. № 1. С. 4.

9. Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности : учеб. пособие / Р.Р. Муслумов. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2013. 80 с.
10. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М. : Норма, 2012. 547 с.
11. Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи России / Е.А. Певцова // История государства и права. 2007. № 20. С. 10–12.
12. Певцова Е.А. Правовое воспитание: вопросы теории и практики / Е.А. Певцова. М. : Международный юридический институт, 2013. 296 с.
13. Певцова Е.А. Роль юристов и педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних / Е.А. Певцова // Народное образование. 2006. № 9. С. 181–185.
14. Певцова Е.А. Современная теория правосознания молодежи: теоретико-правовые аспекты / Е.А. Певцова // Гражданин и право. 2007. № 3. С. 9–21.
15. Певцова Е.А. Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи : монография / Е.А. Певцова. М., 2012. 319 с.
16. Певцова Е.А. Функции правосознания учащейся молодежи: состояние и проблемы развития / Е.А. Певцова // Lex Russica 2006. Т. LXV. № 5. С. 873–892.
17. Певцова Е.А. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства / Е.А. Певцова // Юстиция. 2007. № 3. С. 9–23.
18. Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
19. Ратинов А.Р. К ядру личности преступника / А.Р. Ратинов // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии : сб. науч. тр. М. : Издательство Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1981. С. 67–86.
20. Ратинов А.Р. Опыт изучения правовых установок и ориентаций преступников / А.Р. Ратинов // Психологическое изучение личности преступника. Методы исследования ; отв. ред. А.С. Саблина. М. : Издательство Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1976. 212 с.
21. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание / А.Г. Спиркин. М. : Политиздат, 1972. 303 с.
22. Теория государства и права / под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М. : Высшее образование, 2009. 743 с.
23. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания / И.Е. Фарбер. М. : Юридическая литература, 1963. 206 с.

References

1. Abdigaliev A.U. Deformatsiya pravovoy kultury': ponyatie, posledstviya, puti preodoleniya [Deformation of Legal Culture: Notion, Consequences, Ways to Overcome] / A.U. Abdigaliev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2006. № 3. S. 2–4.
2. Baturkin V.G. Ponyatie i struktura pravovogo soznaniya [The Notion and Structure of Legal Consciousness] / V.G. Baturkin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2004. № 5. S. 19–21.
3. Vvedenie v psikhologiyu : ucheb. posobie ; pod red. A.V. Petrovskogo [Introduction to Psychology : textbook ; edited by A.V. Petrovsky]. Moskva : Akademiya — Moscow : Academy, 1996. 493 s.
4. Vlasov V.I. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law] / V.I. Vlasov. Rostov-na-Donu : Feniks — Rostov-on-Don : Phoenix, 2002. 509 s.
5. Hegel G.V. Raboty' raznykh let : v 2 t. [Works of Various Years : in 2 vol.] / G.V. Hegel. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1971. T. 2. 630 s.
6. Ilyin I.A. Sobranie sochineniy [Collection of Writings] / I.A. Ilyin. Moskva : Russkaya kniga — Moscow : Russian Book, 1993. T. 1. 398 s.
7. Kalnoy I.I. Filosofiya dlya aspirantov ; 3-e izd. [Philosophy for Postgraduate Students ; 3rd edition] / I.I. Kalnoy, Yu.A. Saundulov. Sankt-Peterburg : Lan — Saint Petersburg : Fallow Deer, 2003. 510 s.
8. Andreeva G.M. Leontyev A.N.: lichnost, soznanie, deyatelnost [Leontyev A.N.: Personality, Consciousness, Activities] / G.M. Andreeva // Mir psikhologii — The World of Psychology. 1999. № 1. S. 4.
9. Muslumov R.R. Pravovoe soznanie lichnosti : ucheb. posobie [Legal Consciousness of an Individual : textbook] / R.R. Muslumov. Ekaterinburg : Izdatelstvo Uralskogo universiteta — Ekaterinburg : publishing house of the Ural University, 2013. 80 s.
10. Nersesyants V.S. Obschaya teoriya prava i gosudarstva [General Theory of Law and State] / V.S. Nersesyants. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2012. 547 s.
11. Pevtsova E.A. Iz istorii razvitiya zakonodatelstva o pravakh molodezhi Rossii [From the History of the Development of Youth Right Laws in Russia] / E.A. Pevtsova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 20. S. 10–12.
12. Pevtsova E.A. Pravovoe vospitanie: voprosy' teorii i praktiki [Legal Upbringing: Issues of Theory and Practice] / E.A. Pevtsova. Moskva : Mezhdunarodny'yuridicheskiy institute — Moscow : International Law Institute, 2013. 296 s.
13. Pevtsova E.A. Rol yuristov i pedagogov v formirovanii pravosoznaniya nesovershennoletnikh [The Role of Lawyers and Teachers in Forming Legal Consciousness of Minors] / E.A. Pevtsova // Narodnoe obrazovanie — People's Education. 2006. № 9. S. 181–185.

14. Pevtsova E.A. Sovremennaya teoriya pravosoznaniya molodezhi: teoretiko-pravovyy'e aspekty' [The Modern Theory of Legal Consciousness of Youth: Theoretical and Legal Aspects] / E.A. Pevtsova // Grazhdanin i pravo — Citizen and Law. 2007. № 3. S. 9–21.
15. Pevtsova E.A. Teoretiko-pravovyy'e osnovy' preodoleniya pravovogo nihilizma i formirovaniya pravovoy kultury' detey i molodezhi : monografiya [Theoretical and Legal Bases of Overcoming Legal Nihilism and Forming Legal Culture of Children and Youth : monograph] / E.A. Pevtsova. Moskva — Moscow, 2012. 319 s.
16. Pevtsova E.A. Funktsii pravosoznaniya uchashcheyasya molodezhi: sostoyanie i problemy' razvitiya [The Legal Consciousness Functions of Students: the Condition and Development Issues] / E.A. Pevtsova // Lex Russica — Lex Russica, 2006. T. LXV. № 5. S. 873–892.
17. Pevtsova E.A. Yuridicheskaya tekhnika i problemy' razvitiya obrazovatel'nogo zakonodatelstva [Legal Writing and Education Law Development Issues] / E.A. Pevtsova // Yustitsiya — Justice. 2007. № 3. S. 9–23.
18. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya ; pod red. A.M. Stolyarenko [Applied Legal Psychology ; edited by A.M. Stolyarenko]. Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : YUNITI-DANA, 2001. 639 s.
19. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika [On the Core of a Criminal's Identity] / A.R. Ratinov // Aktualny'e problemy' ugolovnogo prava i kriminologii : sb. nauch. tr. [Relevant Issues of Criminal Law and Criminology : collection of scientific works]. Moskva : Izdatelstvo Vsesoyuznogo instituta po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti — Moscow : publishing house of the All-Union Institute of Research of Crime Causes and Development of Crime Prevention Measures, 1981. S. 67–86.
20. Ratinov A.R. Opyt' izucheniya pravovy'kh ustanovok i orientatsiy prestupnikov [Experience of Research of Legal Mindsets and Orientations of Criminals] / A.R. Ratinov // Psikhologicheskoe izuchenie lichnosti prestupnika. Metody' issledovaniya ; otv. red. L.S. Sablina [Psychological Review of the Identity of a Criminal. Research Methods ; publishing editor L.S. Sablina]. Moskva : Izdatelstvo Vsesoyuznogo instituta po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti — Moscow : publishing house of the All-Union Institute of Research of Crime Causes and Development of Crime Prevention Measures, 1976. 212 s.
21. Spirkin A.G. Soznanie i samosoznanie [Consciousness and Self-Consciousness] / A.G. Spirkin. Moskva : Politizdat — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1972. 303 s.
22. Teoriya gosudarstva i prava ; pod red. A.S. Pigolkina, Yu.A. Dmitrieva [Theory of State and Law ; edited by A.S. Pigolkin, Yu.A. Dmitriev]. Moskva : Vy'sshee obrazovanie — Moscow : Higher Education, 2009. 752 s.
23. Farber I.E. Pravosoznanie kak forma obschestvennogo soznaniya [Legal Consciousness as a Form of Public Consciousness] / I.E. Farber. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1963. 206 s.

Уважаемые авторы!

1. Материалы предоставляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 20 000 знаков. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненное заявление, которое можно скачать на сайте ИГ «Юрист». Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается.

4. Статья должна содержать:

- a) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;
- b) название статьи с переводом на английский язык;
- c) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);
- d) ключевые слова из текста статьи;
- e) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);
- f) контактный телефон (для редакции);
- g) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторских экземпляров). Автору предоставляется один бесплатный экземпляр журнала с опубликованной статьей.

Кроме того, в конце статьи автор помещает приставный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Обращаем ваше внимание на то, что список нормативных актов располагается по юридической силе и помещается в отдельном списке. Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию для аспирантов и соискателей необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru**

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.